

РОБЕРТ
БРЫНДЗА

НОЧНОЙ ОХОТНИК

ЕСЛИ ОН СЛЕДИТ
ЗА ТОБОЙ,
ТЫ УЖЕ ПРИГОВОРЕН...

18+

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

Annotation

Летний вечер. Невыносимая жара. Следователя Эрику Фостер вызывают на место преступления. Молодой врач найден задушенным в собственной постели. Его запястья связаны, на голову надет пластиковый пакет, мертвые глаза вытаращены от боли и ужаса. Несколькими днями позже обнаружен еще один труп... Эрика и ее команда приходят к выводу, что за преступлениями стоит педантичный серийный убийца, который долго выслеживает своих жертв, выбирая подходящий момент для нападения. Все убитые – холостые мужчины, которые вели очень замкнутую жизнь. Какие тайны окутывают их прошлое? И что связывает их с убийцей? Эрика готова сделать все что угодно, чтобы остановить Ночного Охотника, прежде чем появятся новые жертвы, — даже поставить под удар свою карьеру. Но Охотник следит не только за намеченными жертвами... Жизнь Эрики тоже под угрозой.

- [Роберт Брындза](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)

- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Эпилог](#)
- [К читателю](#)
- [От автора](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

Роберт Брындза

Ночной Охотник

Посвящается Яну, Рики и Лоле

*День благодатный, задремав, затих;
Мрак на добычу выслал слуг своих.*

У. Шекспир. «Макбет»^{[\[1\]](#)}

Robert Bryndza
THE NIGHT STALKER

Серия «Новый мировой триллер»

Печатается с разрешения Lorella Belli Literary Agency and Synopsis
Literary Agency

Перевод с английского *Ирины Новоселецкой*
Оформление обложки *Екатерины Фerez*
Фото автора на обложке – © Gary Holmes

© Robert Bryndza, 2016
© Новоселецкая И., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Вечер на исходе июня выдался знойным и душным. По узкой тропинке бежал человек в черном – мчался бесшумно сквозь темноту, ногами едва касаясь земли, грациозно лавируя меж плотно стоящими деревьями и кустами, ловко подныривая под ветки. Словно по листве скользила бесплотная тень.

Вверху между кронами виднелась лишь тонкая полоска вечернего неба, в укрытом смогом мелколесье царила сумеречная мгла. Человек – маленький призрачный силуэт – резко остановился у бреши в кустах с правой стороны: собранный, запыхавшийся, с гулко бьющимся сердцем.

Округу осветил сине-белый луч. Это поезд, отправившийся в 19.39 к станции «Лондон-бридж», переключился с дизелей на электротягу, зацепившись металлическими лапами за проходившую поверху линию электропередачи. Тень пригнулась, пережидая, когда мимо прогрохочут освещенные вагоны. Еще две вспышки, и поезд исчез вдали. Узкая полоса мелколесья вновь погрузилась в темноту.

Тень снова сорвалась с места и беззвучно заскользила по тропинке, которая постепенно отклонялась от железнодорожных путей. Слева деревья начали редеть, открывая взору ряд стандартных домиков, построенных вдоль дороги. Мимо замелькали задние дворы – чистенькие темные участки с садовой мебелью, сараями для инвентаря и качелями, замершие в вязком вечернем воздухе.

Наконец показался тот самый дом. В викторианском стиле, как и все остальные в длинном ряду – трехэтажное здание из светлого кирпича, – но с большой стеклянной пристройкой на уровне первого этажа, которую владелец дома добавил к его заднему фасаду. Миниатюрная Тень про хозяина знала абсолютно все. Знала планировку дома. Знала распорядок дня хозяина. И – самое главное – знала, что сегодня вечером он будет в доме один.

Тень остановилась на краю сада. У проволочного ограждения, к которому подступала тропинка, стояло большое дерево. В одном месте в ствол врос металлический столбик, и складки древесины вгрызались в ржавую подпорку, словно огромный безгубый рот. Разлапистая крона в ореоле густой листвы раскинула свои ветви во всех направлениях, заслоняя от дома железную дорогу. Несколько дней назад, вечером, Тень, пробравшись к дому тем же путем, аккуратно подрезала по краям участок

проволочного ограждения и затем приставила его на место. Теперь проволочная сетка легко отгибалась. Пригнувшись, Тень пролезла в дыру. Трава была сухая, земля растрескалась: дождя не было уже несколько недель. Тень под деревом выпрямилась во весь рост и метнулась к дому, словно черный сгусток прокатился по газону.

Кондиционер, вмонтированный в заднюю стену, громко урчал, заглушая тихий хруст шагов по гравию, что покрывал узкую дорожку, отделявшую стеклянную пристройку от соседнего дома. Тень добралась до низкого подъемного окна и пригнулась под широким карнизом. Освещенное окно отбрасывало желтое квадратное пятно на кирпичную стену соседнего дома. Натянув на голову капюшон спортивной кофты, Тень осторожно приподняла лицо над широким карнизом и заглянула в окно.

В доме находился высокий статный мужчина лет тридцати пяти. В брюках песочного цвета и белой рубашке с закатанными рукавами, он расхаживал по просторной кухне открытой планировки. Достал из шкафа бокал, налил красного вина, отпил большой глоток, плеснул еще. На столе стоял лоток с готовым ужином из магазина. Мужчина вытащил его из картонной упаковки, штопором поддел пластиковую крышку.

Тень захлестнула ненависть. Зная, что сейчас произойдет с этим человеком, она испытывала пьянящее чувство, наблюдая за ним.

Мужчина запрограммировал микроволновку и поставил в нее лоток с ужином. Раздался сигнал, цифры на дисплее замелькали в обратном порядке.

Шесть минут.

Глотнув из бокала вина, мужчина вышел из кухни. Спустя мгновения зажегся свет в окне ванной, находившемся прямо над тем местом, где притаилась Тень. Окно чуть приоткрылось, взвизгнул кран, заработал душ.

Тень за окном, слыша, как в груди грохочет сердце, быстро принялась за дело: расстегнула поясной кошелек, достала маленькую плоскую отвертку и просунула ее в щель между рамой и карнизом. Чуть поднадавила, и окно поддалось, плавно приподнявшись вверх. Тень скользнула в образовавшийся проем. Наконец-то. Несколько лет тщательного планирования, мук и сомнений...

Четыре минуты.

Тень шагнула на кухню, подскочила к столу и, вытащив маленький пластмассовый шприц, впрыснула в бокал с красным вином прозрачную жидкость. Затем осторожно взболтала вино и снова поставила бокал на

стол с черной гранитной поверхностью.

С минуту Тень стояла, прислушиваясь, наслаждаясь прохладой из кондиционера. Черная гранитная столешница искрилась в свете ламп.

Три минуты.

Тень быстро прошла через кухню, мимо деревянных перил у подножия лестницы и нырнула в темный угол за дверью гостиной. Мгновением позже по лестнице стал спускаться мужчина. Его наготу прикрывало лишь полотенце. Микроволновка три раза громко пикнула, оповещая о том, что ужин подогрет. Босоногий мужчина прошлепал мимо. Тень уловила запах чистого тела, потом услышала звяканье доставаемых из выдвижного ящика столовых приборов и царапанье ножек стула по деревянному полу. Мужчина сел ужинать.

Протяжно выдохнув, Тень выступила из темноты и бесшумно поднялась по лестнице на верхний этаж.

Чтобы наблюдать.

Чтобы ждать.

Чтобы привести в исполнение план долгожданной мести.

Глава 2

Четыре дня спустя

На тихой улице в южной части Лондона было душно и влажно. В оранжевом сиянии уличного фонаря, освещавшего типовые домики, что стояли в ряд вдоль дороги, роились мошки. Эстель Манро ковыляла по тротуару, еле тащилась из-за артрита. Возле фонаря она сошла с тротуара на проезжую часть. Переступая через бордюр, Эстель издала страдальческий стон, но боязнь мотыльков возоблдала над болью в пораженных артритом коленях.

Эстель протиснулась между двумя припаркованными машинами и вышла чуть ли не на середину дороги, обходя уличный фонарь. От асфальтового покрытия исходил жар, накопившийся от солнца за день. Зной держался уже вторую неделю, мучая всех жителей Лондона и юго-восточной Англии, и сердце Эстель, как и тысяч других людей, выражало свой протест. Где-то вдалеке, словно отзываясь на ее мысли, завывала сирена «скорой помощи». Два следующих уличных фонаря, слава богу, были разбиты, и Эстель, протиснувшись меж двумя другими припаркованными машинами, благополучно вернулась на тротуар.

Она сама вызвалась кормить кошку своего сына Грегори в его отсутствие. Кошек Эстель не любила и услуги свои предложила лишь затем, чтобы разнюхать, как поживает ее сын с тех пор, как от него ушла жена Пенни, забрав с собой пятилетнего Питера, внука Эстель.

И вот, наконец, запыхавшаяся, потная, она остановилась у калитки перед домом Грегори – самым красивым на всей улице, на ее взгляд. Эстель вытащила из-под лямки бюстгальтера большой носовой платок и промокнула с лица пот.

По стеклянной двери струились отблески уличного фонаря. Эстель достала ключ, отперла дверь и неохотно ступила через порог, прямо на письма, что лежали на коврике. В лицо ударила волна удушающе жаркого воздуха. Она щелкнула выключателем у двери, но свет не зажегся.

– Черт, опять, – буркнула Эстель, закрывая за собой дверь. Подбирая в темноте почту, она вдруг подумала, что за время отсутствия Грегори электричество в его доме отключается уже в третий раз. Один раз замкнуло из-за аквариумного освещения, в другой раз Пенни забыла выключить свет в ванной, и лампочка лопнула.

Эстель выудила из сумки мобильный телефон и узловатыми пальцами неловко разблокировала дисплей, который отбросил неяркий круг света на пол в нескольких шагах перед ней, озарив светлый ковер и стены узкого коридора. Она вздрогнула, заметив свое призрачное отражение в большом зеркале, висевшем слева от нее. Тусклый свет придавал лилиям на ее блузке без рукавов ядовитый чернильный оттенок. Эстель направила светящийся экран телефона на ковер перед собой, прошаркала к гостинной и стала нащупывать выключатель на стене – хотела убедиться, что это не лампочка в коридоре перегорела. Щелкнула выключателем туда-сюда. Свет не зажегся.

Потом дисплей погас, и Эстель окутал крошечный мрак. Тишину дома нарушал лишь присвист ее тяжелого дыхания. Она запаниковала, судорожно пытаясь разблокировать телефон. Поначалу скрюченные пальцы не повиновались, но в конце концов ей удалось отключить блокировку, и экран снова засветился, озарив гостинную мглистым голубым сиянием.

В доме стояла жуткая духота; жара стискивала ее, забивалась в уши. Словно находишься под водой. В воздухе мельтешили пылинки. Над большим декоративным фарфоровым блюдом с коричневыми деревянными мячиками, что стояло на журнальном столике, плавно кружило облако мошек.

– Просто пробки выбило! – сердито воскликнула Эстель. Ее голос резко отрикошетил от железного камина. Ей было досадно, что она паникует. В доме выбило автомат, вот и все. И чтобы доказать самой себе, что бояться нечего, сначала она выпьет холодной воды, а потом включит автомат. Эстель повернулась и, держа на вытянутой руке телефон, решительно заковыляла на кухню.

В тусклом сиянии дисплея стеклянная кухня, простиравшаяся в сад, походила на пещеру. Эстель казалось, что она вся на виду, и оттого чувствовала себя незащищенной. По железной дороге, проходившей недалеко от сада, со свистом и клацаньем пронесся поезд. Эстель подошла к буфету, достала стеклянный бокал. В глазах щипало от затекавших в них капель пота. Ладонью она вытерла лицо, подошла к раковине, наполнила бокал и, морщась, выпила теплую воду.

Экран телефона снова погас. Тишину разрубил грохот, раздавшийся на верхнем этаже. Эстель выронила бокал. Тот разбился, осколками усыпав деревянный пол. У нее участился пульс, сердце заходило в груди. Стоя в темноте, она прислушалась. Сверху донесся шорох. Эстель схватила со стола скалку, стоявшую в горшке с утварью, и подошла к подножию лестницы.

– Кто здесь? У меня газовый баллончик, и я набираю «999»! – крикнула она в темноту.

Ответом ей было молчание. Гнетущая жара становилась невыносимой. У Эстель пропала всякая охота обследовать жилище сына. Ей хотелось одного – вернуться в свой уютный светлый дом, сесть перед телевизором и смотреть лучшие моменты матчей Уимблдонского турнира.

Что-то выскочило из темноты наверху и помчалось по лестнице прямо на нее. Эстель в ужасе попятилась, едва не выронив телефон. Потом увидела, что это кошка. Та остановилась и стала тереться об ее ноги.

– Ах негодница, как же ты меня напугала! – Эстель вздохнула с облегчением, сердце забилося ровнее. С верхней площадки лестницы исходил смердящий запах. – Этого мне только не хватало. Нагадила там, да? Для тебя же приготовлен специальный лоток, да и на улицу могла бы выйти через свою дверцу.

Кошка равнодушно смотрела на Эстель. В кои-то веки она была рада ее присутствию.

– Пойдем, покормлю.

Эстель направилась к стенному шкафу под лестницей. Кошка следовала за ней, и ее это успокаивало. Животное терлось об ее ноги, пока она искала электрощиток. Открыв его маленькую пластиковую крышку, Эстель увидела, что выключен основной рубильник. *Странно*. Она щелкнула автоматом, и коридор наполнился светом. Где-то в доме пикнуло, зажужжал кондиционер.

Эстель вернулась на кухню, включила свет и в огромных окнах увидела отражение комнаты и свое собственное. Кошка запрыгнула на стол, с любопытством наблюдая, как она сметает осколки разбитого бокала. Управившись со стеклом, Эстель вскрыла упаковку с кошачьим кормом и выложила его на блюдце, которое поставила на каменный кухонный пол. Кондиционер быстро охлаждал дом. С минуту она постояла под потоком прохладного воздуха, глядя, как кошка маленьким розовым язычком изящно лижет и кусает желеобразный кубик.

Кондиционер гонял воздух по дому, и зловоние усиливалось, добираясь до кухни. Кошка звонко зацокала языком по пустому блюдцу, долизывая остатки корма, затем метнулась к стеклянной стене и нырнула в кошачью дверцу.

– Поела и убежала. А мне теперь убирать, – пробурчала Эстель. Она взяла тряпку, старую газету, прошла к лестнице и стала медленно взбираться наверх, преодолевая боль в коленях. Чем выше она поднималась, тем сильнее ощущала жару и смрад. Наконец она ступила на

ярко освещенную лестничную площадку и принялась методично обыскивать все помещения: проверила пустую ванную, комнату для гостей, заглянула под стол в небольшом кабинете. Кошачьих «сюрпризов» нигде не было видно.

Возле спальни вообще стало трудно дышать от вони, которая застревала в горле. *Ничто не пахнет так отвратительно, как кошачьи испражнения*, подумала Эстель.

Она вошла в спальню, зажгла свет. По комнате с заунывным жужжанием летали мухи. На двуспальной кровати лежало темно-синее пуховое одеяло, а на нем на спине голый человек с полиэтиленовым пакетом на голове. Его руки были привязаны к изголовью, открытые глаза под прозрачной пленкой вылезали из орбит. Эстель не сразу его узнала.

Это был Грегори.

Ее сын.

А потом она сделала то, чего не делала много лет.

Издавала душераздирающий крик.

Глава 3

Старший инспектор Фостер давно не бывала на столь неприятном ужине. Хозяин дома, Айзек Стронг, открыл посудомоечную машину и принялся загружать в нее тарелки и столовые приборы. Неловкое молчание нарушало только жужжание стоявшего в углу электровентилятора, толку от которого было немного: он лишь гонял по кухне теплый воздух.

– Спасибо. Лазанья получилась изумительная, – похвалила Эрика, когда Айзек стал забирать у нее грязную тарелку.

– Я для соуса бешамель использовал полужирные сливки, – объяснил он. – Заметила?

– Нет.

Айзек вернулся к посудомоечной машине, а Эрика обвела взглядом кухню, оформленную элегантно, в стиле французской рустики: расписанные вручную белые шкафы, рабочие поверхности из светлого дерева, массивная белая керамическая мойка. Эрика решила, что Айзек, будучи судмедэкспертом, наверно, умышленно не использовал в интерьере кухни металл. Ее взгляд упал на бывшего возлюбленного Айзека, Стивена Линли. Тот сидел за большим кухонным столом напротив Эрики и, поджав губы, наблюдал за ней с подозрением. Он был моложе Эрики и Айзека. Она предположила, что ему, должно быть, лет тридцать пять. Рослый красивый Адонис, но с хитрецей в чертах, что Эрику настораживало. Чтобы умаслить его, она заставила себя улыбнуться, затем глотнула вина, думая, что надо бы что-нибудь сказать. Затянувшееся молчание у всех вызывало дискомфорт.

Обычно, когда она ужинала с Айзеком, такого не случалось. За минувший год они несколько раз делили трапезу в его уютной французской кухне. За столом они смеялись, откровенничали. Эрика чувствовала, что между ними крепнет дружба. Айзеку, более чем кому-либо, она сумела рассказать о своих переживаниях в связи со смертью мужа Марка, скончавшегося менее двух лет назад. А он, в свою очередь, поведал ей о собственной личной драме – о том, что потерял любовь всей своей жизни, Стивена.

Правда, если Марк трагически погиб при исполнении служебного долга во время рейда по захвату нарколаборатории, то Стивен разбил сердце Айзеку, бросив его ради другого мужчины.

Вот почему присутствие Стивена в доме Айзека, когда она пришла к

нему в гости сегодня вечером, стало для нее сюрпризом. Впрочем, даже не столько сюрпризом...

Ощущение было такое, что она угодила в западню.

В Великобритании Эрика жила уже более двадцати пяти лет, но сейчас она жалела, что этот ужин проходит не в ее родной Словакии. В Словакии народ более прямодушный.

Что за подстава? Почему не предупредил?! Почему не сообщил, что здесь будет твой придурочный бывший? Ты рехнулся, снова впустив его в свою жизнь после того, как он с тобой поступил?

Ей хотелось закричать от досады, когда она вошла в кухню и увидела, что Стивен, в шортах и футболке, сидит там в томной позе. Эрике было неловко, но правила английской вежливости требовали, чтобы они постарались сгладить несуразность ситуации, притворяясь, будто все так, как должно быть.

– Кому кофе? – предложил Айзек, закрывая посудомоечную машину и поворачиваясь к ним. Рослый красивый мужчина, свои густые темные волосы он зачесывал назад, открывая высокий лоб. Над большими карими глазами – тонкие линии выщипанных бровей, которые могли изгибаться или сдвигаться, выражая разнообразные оттенки его иронии. Сегодня, правда, он не знал, куда себя деть от смущения.

Стивен, болтая в бокале белое вино, перевел взгляд с Эрики на Айзека.

– Кофе? Уже? Айзек, еще только восемь, и жара несусветная. Лучше еще вина открой.

– Нет, я за кофе. Спасибо, – сказала Эрика.

– Если кофе собрались пить, тогда уж машину заряди, – распорядился Стивен и по-хозяйски добавил: – Он тебе говорил? Это я ему *Nespresso* купил. Стоит бешеные деньги. Почти весь свой аванс за последнюю книгу потратил.

Улыбнувшись из вежливости, Эрика взяла жареный миндаль из чашки, что стояла в центре стола. Тишину кухни огласил хруст орешка. За ужином, проходившим в атмосфере неловкости, в основном говорил Стивен, рассказывая им во всех подробностях о своем новом детективном романе, над которым он теперь работал. Без капли смущения он разглагольствовал о тонкостях судебной медицины, что, на взгляд Эрики, было по меньшей мере бестактно, если учесть, что Айзек считался одним из ведущих судмедэкспертов в стране, да и сама Эрика, как старший инспектор Столичной полиции, успешно раскрыла не одно убийство в реальном мире.

Айзек, готовя кофе, включил радио. В кухне зазвучала песня *Like a Prayer* в исполнении Мадонны.

– Сделай громче! – попросил Стивен. – Обожаю Мэдж.

– Лучше послушаем что-то более мягкое, – сказал Айзек. Он стал перебирать радиостанции, пока визгливый голос Мадонны не сменил благозвучный плач скрипок.

– А еще гей называется, – фыркнул Стивен, закатывая глаза к потолку.

– Стиви, просто, по-моему, сейчас уместнее что-то не столь зазорное, – объяснил Айзек.

– Господи помилуй. Нам же не по восемьдесят лет! Давайте веселиться. Чем ты хочешь заняться, Эрика? Как ты развлекаешься?

Стивен, на взгляд Эрики, был полон противоречий. Одевался он как самый настоящий натурал – подобно американским спортсменам из «Лиги плюща», – но в его движениях сквозила жеманность. Сейчас, в ожидании ответа, он сидел нога на ногу, поджав губы.

– Пожалуй... пойду выкурю сигарету, – промолвила Эрика, протягивая руку к своей сумке.

– Дверь наверху не заперта, – сообщил Айзек, виновато взглянув на нее. Она натянуто улыбнулась и покинула кухню.

Айзек жил в доме, расположенном в Блэкхите, близ Гринвича. В спальне для гостей имелся небольшой балкон. Эрика открыла стеклянную дверь, вышла на балкон, закурила и выпустила дым в темное небо. Было жарко. Летний вечер выдался ясным, но свет звезд едва пробивался сквозь марево смога, висевшего над городом. Вытягивая шею, Эрика проследила за направлением лазерного луча Гринвичской обсерватории, который терялся в вышине среди звезд. Она снова глубоко затянулась сигаретой. Внизу в темном саду пели сверчки. Их стрекот сливался с гудением транспорта на проходившей неподалеку оживленной автомагистрали.

Может, она слишком строго судит Айзека за то, что он снова сошелся со Стивеном? Неужели в ней говорит ревность, ведь теперь ее единственный друг больше не один? Нет. Она желает Айзеку добра, а Стивен Линли – ядовитая особь. Ей с грустью подумалось, что теперь, возможно, в жизни Айзека не найдется места для них обоих – для нее и Стивена.

Эрика представила маленькую, скудно обставленную квартирку, которую она силилась называть своим домом; ночи, которые она проводила в одиночестве в постели, глядя в темноту. С Марком ее связывали не только супружеские отношения. Они были коллегами, работали вместе в полиции Манчестера, куда поступили на службу, когда обоим было едва за двадцать. Эрика там слыла восходящей звездой, быстро дослужилась до должности старшего инспектора, значительно выше, чем та, которую занимал Марк. И

за это муж любил ее еще больше.

Потом – теперь уже почти два года назад – отряд полиции под руководством Эрики проводил злополучную операцию по захвату нарколаборатории, в ходе которой погибли Марк и еще четверо сотрудников. С тех пор, одолеваемая горем и чувством вины, которые порой становились невыносимы, она старалась научиться жить без мужа. Приехала в Лондон, чтобы начать новую жизнь. Для нее это стало суровым испытанием. Но работа в Отделе по расследованию убийств и тяжких преступлений – единственное, во что ей удавалось вкладывать силы. Однако если раньше она считалась перспективным сотрудником полиции, то теперь на ней лежало клеймо, ее карьерный рост застопорился. Прямолинейный, преданный своему делу блестящий офицер, который не терпит дураков, она не тратила время на интриги и постоянно конфликтовала с начальством, наживая себе могущественных врагов.

Эрика закурила новую сигарету, подумывая о том, чтобы извиниться и уйти. Внезапно стеклянная дверь за ее спиной отворилась. Сначала показалась голова Айзека, потом он шагнул на балкон.

– Я бы тоже покурил. – Айзек закрыл дверь и подошел к тому месту у перил, где стояла Эрика. Улыбнувшись, она протянула ему пачку. Он выудил одну сигарету длинными изящными пальцами и наклонился, прикуривая от ее зажигалки.

– Прости, испортил вечер. – Айзек выпрямился, выпуская изо рта дым.

– Это твоя жизнь, – заметила Эрика. – Но мог бы и предупредить.

– Да как-то быстро все произошло. Он заявился с утра, и мы весь день болтали и... даже не знаю, как бы поточнее сказать. В общем, отменять что-либо было поздно, да я и не хотел.

Он явно нервничал.

– Айзек, ты не обязан ничего объяснять. Хотя на твоем месте в качестве причины я назвала бы страсть. Ты сгорал от страсти. И это куда простительнее.

– Стивен – сложный человек, я понимаю, но когда мы вдвоем, он совсем другой. Ранимый, чувствительный. Думаешь, если я поведу себя правильно, установлю определенные рамки, на этот раз у нас с ним что-то получится?

– Возможно... По крайней мере, второй раз он тебя уже убить не сможет, – сыронизировала Эрика.

В одном из своих романов Стивен вывел Айзека в образе одного из персонажей – тоже судмедэксперта и гея, который под его пером погиб в весьма красочно описанной драке.

– Я же серьезно. Скажи, что мне делать? – спросил Айзек с тревогой во взгляде.

Эрика со вздохом взяла его руку в свои ладони.

– Тебе вряд ли понравится то, что я думаю. А я не хочу терять друга.

– Эрика, я ценю твое мнение. Пожалуйста, скажи, что мне делать...

Стеклянная дверь со скрипом отворилась. На балкон вышел Стивен. Он был босиком, в руке держал полный бокал виски со льдом.

– Скажи ему, что делать? По поводу чего? – раздраженно поинтересовался он.

Неловкое молчание нарушило пиканье, оповещавшее о том, что поступило сообщение на телефон Эрики, который лежал у нее в сумке. Она достала телефон и, хмурясь, прочитала сообщение.

– Что-то случилось? – спросил Айзек.

– В доме на Лорел-роуд в районе Онор-Оук-Парк обнаружено тело белого мужчины. Смерть наступила при подозрительных обстоятельствах, – объяснила Эрика, добавив: – Черт, я не на машине. На такси приехала.

– Вам понадобится судмедэксперт. Поедем вместе на моей? – предложил Айзек.

– А я думал, у тебя свободный вечер? – возмутился Стивен.

– Я всегда на службе, Стиви, – ответил Айзек. Было видно, что ему не терпится уехать.

– Ладно, тогда помчали, – сказала Эрика и, не удержавшись, заметила Стивену: – Похоже, кофе из твоей машины придется попробовать в другой раз.

Глава 4

Полчаса спустя Эрика с Айзеком подъехали к дому на Лорел-роуд. Про неудавшийся ужин они теперь и не вспоминали. Участок дороги перед домом был перетянут лентами ограждения в обоих направлениях. Оцепление также обеспечивали автомобили: полицейский фургон, патрульные машины и «скорая помощь». Блики их синих мигающих огней плясали на домах, что тянулись в ряд вдоль улицы. В окнах и дверях некоторых из них стояли жители, с интересом наблюдавшие за происходящим.

Они остановились в сотне ярдов от полицейского кордона, и к ним тут же направилась инспектор Мосс, одна из тех коллег Эрики, с которыми у нее установились наиболее доверительные отношения. Невысокая полноватая женщина, она обливалась потом на жаре, хотя одета была в юбку до колен и тонкую блузку. Свои рыжие волосы она убрала с лица, усыпанного веснушками, густое скопление которых под одним ее глазом по форме напоминало слезу. Однако, несмотря ни на что, вид у нее был жизнерадостный. Она насмешливо улыбнулась Эрике и Айзеку, подойдя к их машине.

– Босс, доктор Стронг, добрый вечер.
– Добрый вечер, Мосс, – поздоровался Айзек.
– Привет. Кто все эти люди? – спросила Эрика, когда они приблизились к ленте полицейского ограждения, у которой собралась небольшая толпа усталых мужчин и женщин.

– Местные жители. Вернулись домой из центра Лондона и увидели, что их улица превратилась в место преступления, – ответила Мосс.

– Но я здесь живу, вон там, – настаивал один мужчина, портфелем показывая на дом, что стоял через два здания от того, где был обнаружен труп. Его изможденное лицо покраснелось, редящие волосы прилипли к голове. Когда Мосс, Эрика и Айзек поравнялись с ним у ленты ограждения, он обратил на них взгляд, надеясь услышать более приятные новости.

– Старший инспектор Фостер, руководитель следственной группы. Это – доктор Стронг, наш судмедэксперт. – Эрика показала удостоверение полицейскому. – Свяжитесь с муниципалитетом. Пусть организуют ночлег для этих людей.

– Слушаюсь, мэм. – Полицейский отметил их в списке, и они поднырнули под ленту, игнорируя протесты местных жителей, которых не

радовала перспектива провести ночь на походных кроватях.

...Дверь дома № 14 по улице Лорел-роуд была широко распахнута. В ярко освещенном коридоре работали криминалисты в синих комбинезонах и масках. Эрика, Айзек и Мосс, получив спецодежду, принялись облачаться в нее на гравийном пяточке в крошечном палисаде.

– Труп наверху, в спальне, – сообщила Мосс. – Мать жертвы пришла сюда, чтобы покормить кошку. Думала, сын отдыхает на юге Франции, но, как вам предстоит убедиться, до аэропорта он так и не доехал.

– Где сейчас его мать? – спросила Эрика, надевая комбинезон.

– Ей стало плохо, не вынесла потрясения и жары. Один из наших повез ее в Луишемскую университетскую больницу. Когда придет в себя, нужно будет взять у нее показания, – сказала Мосс, застегивая комбинезон.

– Дайте мне несколько минут. Осмотрю место преступления. – Айзек нахлобучил капюшон своего комбинезона. Эрика кивнула, и он вошел в дом.

* * *

Из-за жары, скопления людей и яркого освещения температура в спальне на верхнем этаже поднималась выше сорока градусов. Айзек и его команда из трех помощников и фотографа профессионально делали свое дело, сохраняя почтительное молчание.

Погибший, высокий мужчина спортивного телосложения, лежал голый на спине на двуспальной кровати. Руки были привязаны к спинке изголовья тонкой веревкой, которая врезалась в запястья, ноги раздвинуты, вывернуты носками наружу. На голову надет прозрачный полиэтиленовый пакет, на лице застыла чудовищная гримаса.

Осматривать нагие трупы Эрике всегда было гораздо тяжелее. Смерть сама по себе непристойное зрелище, а жертва, раздетая догола, производит особенно гнетущее впечатление. Она с трудом сдерживала порыв накрыть простыней нижнюю часть его тела.

– Погибший – доктор Грегори Манро, сорока шести лет, – дoloжила Мосс, когда они встали вокруг кровати. Широко раскрытые карие глаза мужчины были на удивление ясными под полиэтиленовой пленкой, но язык уже начал взбухать и торчал изо рта.

– Что за доктор? – уточнила Эрика.

– Местный терапевт. Владелец клиники «Хиллтоп» на Крофтон-Парк-роуд, – ответила Мосс. Эрика глянула на Айзека. Тот стоял с другой стороны кровати, осматривая тело.

– Можешь назвать причину смерти? – спросила Эрика. – Полагаю, асфиксия, но...

Айзек снял пакет с головы жертвы, и подбородок мужчины упал на его голую грудь.

– Все указывает на асфиксию, но я должен убедиться, что пакет ему на голову натянули не после смерти.

– Смерть по неосторожности во время сексуальных игр? Аутоасфиксия? – предположила Мосс.

– Гипотетически, да. Но нельзя исключать и умышленное нарушение правил.

– Время смерти? – с надеждой в голосе спросила Эрика. Под комбинезоном с нее градом лил пот.

– Не торопись, – сказал Айзек. – Точное время смерти я смогу назвать только после более тщательного обследования и вскрытия. Сильная жара и холод замедляют процесс разложения. При высокой температуре воздуха, как в этой комнате, труп высыхает. Видно, что тело уже начало менять цвет. – Он показал на область живота, где на коже расплывались зеленоватые пятна. – Это свидетельствует о том, что он находится здесь уже несколько дней, но, как я сказал, необходимо произвести вскрытие.

Эрика обвела взглядом комнату. Вдоль стены, что начиналась от двери, стоял длинный платяной шкаф из массивного дерева. В углублении эркерного окна она увидела туалетный столик с зеркалом из того же гарнитура, слева от окна – высокий комод. Все поверхности были абсолютно пустыми – ни книг, ни декоративных вещей, ни какого-либо хлама, который обычно скапливается в спальне. Чистота и порядок. Слишком идеальный порядок.

– Он был женат? – спросила Эрика.

– Да. Но жена с ним не живет. Они расстались несколько месяцев назад, – ответила Мосс.

– Слишком опрятно здесь для мужчины, который недавно стал холостяком, – заметила Эрика. – Если только это убийца не навел порядок, – добавила она.

– Что? Пропылесосил и смылся? – хмыкнула Мосс. – Хоть бы ко мне заглянул. Видели бы вы мое жилище.

Эрика заметила, что двое из криминалистов, обследовавших труп, несмотря на жару, подавили улыбки.

– Мосс, шуточки сейчас не к месту.

– Простите, босс.

– Думаю, руки ему связали уже после наступления смерти, – заключил Айзек. Работая в латексных перчатках, он пальцем осторожно показал на область запястья. Кожа на подмышках натянулась белыми полосами, меж

которыми проступали участки воскового цвета. – На запястьях почти нет ссадин.

– То есть он уже был в постели, когда на него напали? – спросила Эрика.

– Возможно, – ответил Айзек.

– Одежда нигде не валяется. Наверно, он, как обычно, разделся, готовясь ко сну, одежду аккуратно сложил и убрал, – рассудила Мосс.

– Значит, кто-то мог прятаться под кроватью или в шкафу, либо проник через окно? – спросила Эрика, смаргивая с ресниц пот, который струился по лбу и затекал в глаза.

– Это уж вам выяснять, – сказал Айзек.

– Ну да. Кому же еще, – буркнула Эрика.

* * *

Эрика и Мосс спустились вниз, в жилое помещение открытой планировки, где работала команда криминалистов, обследовавшая весь остальной дом. Один из криминалистов направился к ним. Эрика видела его впервые. Ему было едва за тридцать. Красивое лицо, высокий нордический лоб. В белокурых волосах блестели капельки пота. Подойдя к Эрике, он поднял голову, только теперь сообразив, какая она дылда – более шести футов ростом.

– Старший инспектор Фостер? Нилз Акерман, руководитель группы криминалистов, – представился он. В его безупречном английском слышался едва уловимый шведский акцент.

– Новенький? – поинтересовалась Мосс.

– В Лондоне? Да. А с убийствами и увечьями не раз имел дело. – Нилз обладал приятной красивой внешностью. Как и многие, кто ежедневно сталкивается со смертью и трагедиями, он держался с почтительной отстраненностью, оценивая происходящее с мрачным юмором.

– Рада знакомству, – сказала Эрика. Они обменялись рукопожатием, щелкнув латексными перчатками, что были на них.

– Что вам уже известно? – спросил Нилз.

– Рассказывайте все по порядку, – распорядилась Эрика.

– Ладно. Мать погибшего явилась сюда в семь тридцать, чтобы накормить кошку. У нее свой ключ от дома. Электричество было полностью отключено. И видимо, уже несколько дней. Все продукты в холодильнике и морозилке протухли.

Эрика окинула взглядом большой холодильник металлического цвета, на который магнитиками были прикреплены два ярких детских рисунка, сделанных пальцами.

– Интернет и телефон тоже были отключены, – добавил Нилз.

– Из-за неуплаты? – спросила Эрика.

– Нет. Интернетный провод был выдернут. – Нилз подошел к кухонному столу и взял прозрачный пакет, в котором лежали два куска провода. Один был подсоединен к небольшому модему. Нилз показал еще один пакет. – А это мобильный телефон жертвы. SIM-карта и батарея отсутствуют.

– Где его нашли? – спросила Эрика.

– На прикроватной тумбочке. Был подсоединен к зарядному устройству, вставленному в розетку.

– Другие телефоны в доме есть?

– Только стационарный на нижнем этаже.

– То есть убийца извлек SIM-карту и батарею уже после того, как телефон поставили заряжаться? – уточнила Мосс.

– Возможно, – кивнул Нилз.

– Так, погодите, – вмешалась Эрика. – На прикроватной тумбочке еще что-нибудь лежало? Спальня на вид совершенно голая.

– Кроме телефона – ничего, – ответил Нилз. – Правда, в выдвижном ящике тумбочки мы нашли вот это. – Он поднял еще один прозрачный пакет с четырьмя порножурналами для геев. Это были номера *Black Inches*, *Ebony* и *Latino Males*.

– Он был гей? – спросила Эрика.

– И женат, – добавила Мосс.

– Напомните – сколько ему было?

– Сорок шесть, – ответила Мосс. – С женой расстался. Но журналы старые. Вон, видите, 2001 года. Зачем бы он стал держать их здесь?

– То есть журналы эти были спрятаны, а сам он тайный гей? – уточнила Эрика.

– Может быть, они годами лежали где-нибудь в укромном уголке. Может быть, он достал их с чердака, когда его брак распался, – предположил Нилз.

– Слишком много «может быть», на мой вкус, – заметила Эрика.

– На кухонном «островке» мы нашли упаковку от лазаньи, которую нужно разогревать в микроволновке. Сама лазанья лежала на тарелке, рядом стояли пустой бокал и полбутылки красного вина. Все это мы отправим на экспертизу, – доложил Нилз. – И хочу показать вам кое-что еще.

Он повел их через просторную кухню, мимо большого продавленного дивана, на котором виднелись отметины от фломастера и огромное чайное

пятно. Между диваном и стеклянной стеной, за которой начинался сад, стоял полный ящик с игрушками. Стекло было задвинуто, и они ступили на деревянный настил террасы. Эрика обрадовалась, что на улице хоть чуть-чуть прохладнее. Яркие огни заливали задний двор, который простирался до мгlistой гущи деревьев, где несколько человек в комбинезонах ползали на карачках, обследуя траву.

По узкой гравийной дорожке они пошли назад вдоль стеклянной стены и остановились у подъемного окна, которое находилось на уровне кухонной мойки. Из водостока внизу исходил мерзкий тошнотворный запах.

– Мы сняли отпечатки с окна, водосточных труб и окна соседнего дома, – сказал Нилз. – Ничего. Правда, обнаружили вот это. – Он обратил их внимание на основание оконной рамы, выкрашенной в белый цвет. – Видите вот здесь, в дереве? – Один его палец в латексе – он по-прежнему был в резиновых перчатках – завис над маленькой квадратной вмятиной в слое глянцевой краски, которая была не более полусантиметра шириной. – Окно открыли с помощью тупого плоского инструмента, возможно, отвертки.

– Когда вы прибыли, это окно было закрыто? – спросила Эрика.

– Да.

– Отличная работа, – заметила она, разглядывая крошечную вмятинку в слое краски. – Удалось снять с гравия отпечатки каких-нибудь следов?

– На гравии остались слабые следы, возможно, от ног небольшого размера, но слепки сделать не получилось. А теперь давайте вернемся в дом, – предложил Нилз. Они последовали за ним вокруг дома, шагнули на кухню через стеклянные двери и прошли к подъемному окну.

– Смотрите, вот здесь должны быть оконные блокираторы. – Нилз показал на две маленькие дырочки по обеим сторонам оконной рамы.

– Что они собой представляют? – спросила Мосс.

– Два маленьких пластмассовых крючка с пружинным механизмом с внутренней стороны окна, приделываются к верхней раме. Препятствуют принудительному поднятию нижней рамы извне. Так вот – их сняли.

– Эти блокираторы мог снять сам Грегори Манро? – спросила Эрика.

– Нет, если он не хотел, чтобы в дом забрались грабители, а я думаю, он этого не хотел. Дом оборудован суперсовременной охранной системой. На заднем дворе установлены датчики на движение. Когда вырубили электричество, должна была сработать сигнализация – это их основная функция. Однако ничего не произошло.

– Значит, убийца, кто бы он ни был, снял с окна блокираторы и знал

код охранной сигнализации? – заключила Эрика.

– Теоретически да, – подтвердил Нилз. – Есть еще кое-что. – Он снова вывел их во двор через стеклянные двери. Дойдя до края сада, они остановились под деревом и наклонились, разглядывая лаз в проволочном ограждении.

– За садом проходит железная дорога и простирается парк Онор-Оук, – сказал Нилз. – Думаю, убийца проник на территорию дома вот через этот лаз. Проволока в заборе обрезана кусачками.

– Блин, – ругнулась Мосс. – И кто, по-вашему, это сделал, черт возьми?

– Нужно узнать как можно больше об этом докторе Грегори Манро, – сказала Эрика, глядя на дом. – Тогда и получим ответы на наши вопросы.

Глава 5

В скромном домике под лестницей восседал на большой скрипучей подставке на колесиках старенький настольный компьютер. На экране высочила домашняя страница чата. Примитивная, без всякой забубенной графики. Традиционные чаты контролировались модераторами, но этот размещался на периферии Интернета, где тусовалась всякая нечисть.

Компьютер пикнул, на экране всплыло имя пользователя по прозвищу Герцог, который начал печатать.

ГЕРЦОГ: Кто-нибудь не спит?

Пальцы, радуясь возможности общения, быстро забегали по клавиатуре.

СОВА: Герцог, я всегда бодрствую.

ГЕРЦОГ: Где пропадала, Сова?

СОВА: Дела. Три дня глаз не смыкаю. Почти личный рекорд.

ГЕРЦОГ: Мой рекорд – четыре. Но оно того стоит. Офигенно шикарные глюки. Голые девочки. Как наяву ***зашибись***

СОВА: Ха! У меня таких приятных грез не бывает. Не выношу яркого света, глаза режет... С другой стороны, в сумраке тени как будто оживают. Пустые безглазые лица наблюдают за мной уголками моих глаз. И я вижу его.

ГЕРЦОГ: Что, сильно достает?

СОВА: Привыкла уже...

ГЕРЦОГ: Ну да, понимаю.

ГЕРЦОГ: Ну что? Сделала?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Серьезно?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: С помощью пакета?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Сколько времени ушло?

СОВА: Почти четыре минуты. Сопровитлялся, хоть и принял транквилизатор.

Пауза. На экране забежала надпись: «ГЕРЦОГ печатает...» Потом на мгновение все замерло.

СОВА: Ты еще здесь?

ГЕРЦОГ: Да. Не думал, что ты решишься.

СОВА: По-твоему, я трепло, как и многие в Сети?

ГЕРЦОГ: Нет.

СОВА: Думаешь, у меня кишка тонка?

ГЕРЦОГ: НЕТ!

СОВА: Вот и отлично. А то ведь я не шучу. Меня слишком долго недооценивали. Думали, что я размазня. Переступали через меня. Издевались надо мной. А я НЕ РАЗМАЗНЯ. Я – СИЛЬНЫЙ человек. Обладаю СИЛОЙ умственной и физической и больше не сдерживаю ее.

ГЕРЦОГ: Не сомневаюсь.

СОВА: Даже не думай.

ГЕРЦОГ: Прости. Я никогда в тебе не сомневался. Никогда.

ГЕРЦОГ: Каковы ощущения?

СОВА: Божественные.

ГЕРЦОГ: Мы не верим в Бога.

СОВА: А если я и есть Бог?

На несколько минут переписка прекратилась, потом Герцог спросил:

ГЕРЦОГ: Что теперь?

СОВА: Это только начало. Доктор был первый в моем списке. Теперь займусь следующим.

Глава 6

На следующее утро около восьми Эрика въехала на парковку отделения полиции Луишем-Роу. Работа на месте происшествия продолжалась далеко за полночь, и ей удалось поспать лишь пару часов и принять душ перед тем, как снова прибыть в отделение. Едва она вышла из машины, ее окутал горячий воздух, пропитанный смрадом выхлопных газов. По кольцевой дороге, громяхая, ползли грузовики. Издалека доносились жужжание и клацанье подъемных кранов, работавших на нескольких строительных площадках, где возводили многоэтажные дома. В сравнении с ними приземистое бетонное здание отделения полиции казалось совсем маленьким. Эрика заперла автомобиль и направилась по парковке к центральному входу. Настроение у нее было ворчливое – от недосыпа, от того, что она уже вспотела и мечтала о холодном напитке.

В дежурной части было прохладнее, но дышать все равно было нечем: к теплу примешивался омерзительный коктейль из блевотины и дезинфицирующих средств. За своим столом горбился, заполняя какой-то бланк, сержант Вулф. Живот вываливался у него из брюк, круглое лицо с двойным подбородком покраснелось и блестело от пота. Рядом стоял в ожидании высокий тощий парень в грязном спортивном костюме. Он не сводил глаз со своих вещей – новенького айфона и двух пачек сигарет в полиэтиленовом пакете, – лежавших в пластмассовом лотке. Его изможденное голодное лицо никак не вязалось с дорогими вещами, которые ему не терпелось забрать, и чутье подсказывало Эрике, что этот парень станет постоянным клиентом полиции.

– Доброе утро. А нет ли у нас в столовой охлажденного кофе со льдом? – спросила Эрика.

– И не мечтайте. – Волосатой рукой Вулф отер лицо. – Холодная еда – пожалуйста. С этим у них проблем нет. Непонятно, что им мешает кофе остудить.

Эрика улыбнулась. Дохлый парень закатил глаза.

– Ага, болтайте, болтайте, мне ведь торопиться некуда. Я просто хочу забрать свой айфон. Это – моя собственность.

– Твою собственность четыре месяца назад обнаружили на месте преступления. Так что подождешь минут десять. – Наградив парня суровым взглядом, Вулф положил ручку и нажал кнопку, открывая для Эрики дверь в ту часть отделения, где находились кабинеты сотрудников. –

Марш уже на месте. Сказал, что хочет видеть вас, как только вы появитесь.

– Понятно. – Эрика прошла в дверь, и та, закрывшись за ней, прекратила жужжать. Она зашагала мимо пустых кабинетов по душному коридору, освещенному лампами дневного света. Было еще рано, многие сотрудники находились в отпусках или в отгулах, и оттого казалось, что жизнь в отделении замерла.

На лифте Эрика поднялась на верхний этаж, где находился кабинет ее начальника, постучала и, услышав, приглушенный отклик, вошла. Старший суперинтендант Марш стоял к ней спиной у окна, глядя на простирающиеся перед ним бетонные джунгли, среди которых высились строительные краны и ползли машины. Он был рослый, широкоплечий, с сильной проседью в коротко стриженных волосах. Когда он повернулся, Эрика увидела, что его губы сомкнуты вокруг ярко-зеленой соломинки, опущенной в большой стакан с охлажденным кофе из «Старбакса». Красивый мужчина, несмотря на усталый вид. Марш вскинул брови, сглотнув кофе.

– Доброе утро, сэр.

– Доброе утро, Эрика. Вот, подумал, что вы не откажетесь. – Марш подошел к своему захламленному столу, взял еще один стакан с охлажденным кофе и дал Эрике вместе с завернутой в бумагу соломинкой. Стакан оставил большое мокрое кольцо на распечатке предварительного отчета по делу об убийстве Грегори Манро, который Эрика направила Маршу по электронной почте рано утром.

– Спасибо, сэр. – Она взяла стакан и, извлекая из обертки соломинку, окинула взглядом кабинет: полнейший бардак. Комната подростка и высокого начальника в одном флаконе, как она всегда говорила себе. Стена увешана дипломами, на полках большой мебельной стенки беспорядочно напиханы папки с уголовными делами, из забитых выдвижных ящиков торчат края бумаги. Урна переполнена, но Марш, вместо того чтобы опустошить ее, сверху на мусор положил еще две пластиковые коробки из-под сэндвичей и пустые стаканы из-под кофе, которые теперь балансировали на куче, возвышаясь на целый фут над краем. На подоконнике стояли горшки с засохшими комнатными цветами, у одной стены лежали обломки вешалки для верхней одежды. То ли она сама сломалась под тяжестью навешанных на нее вещей, то ли Марш ее сломал в приступе гневного раздражения, которого, к счастью для Эрики, не довелось наблюдать.

Она извлекла из тонкой бумажной упаковки зеленую соломинку, сунула ее в отверстие в крышке стакана и с наслаждением глотнула глассе,

чувствуя, как по пищеводу растекается приятная прохлада.

– Итак, сэр, чем вызвана такая любезность – приличный кофе? По случаю ухода в отпуск?

Марш улыбнулся и сел, жестом предлагая ей тоже присесть.

– Да, две недели на юге Франции. Жду не дождусь. Ладно, к делу. Я прочел ваш отчет. Очередное убийство гея. Поганое дело.

– Сэр, я сильно сомневаюсь, что убитый стал жертвой *гомофобии*...

– Дело ясное: жертва – мужчина, порно для геев, асфиксия. Он – врач, хорошо зарабатывал. Должно быть, пригласил мальчика по вызову. Они заигрались. Парень перестарался. Что-нибудь пропало?

– Нет. Сэр, как я сказала, я не думаю, что это убийство на почве *гомофобии*. В своем предварительном отчете такой оценки я не давала. – Увидев, что Марш смотрит на нее в замешательстве, Эрика спросила: – Сэр, вы читали мой отчет?

– Разумеется, читал, – сердито ответил он.

Эрика взяла с его стола свой отчет, где на мокром кольце, оставленном стаканом, теперь уже расплывались чернила, и увидела, что страница всего одна. Она встала, подошла к принтеру в кабинете Марша, выдвинула ящик с бумагой, взяла пачку листов, положила ее в принтер и закрыла ящик.

– Что такое? – спросил Марш. Раздался щелчок, потом – жужжание, из принтера выползла вторая страница. Эрика вручила листок Маршу и снова села. Он пробежал глазами вторую страницу отчета и посерел.

– Сэр, есть признаки, указывающие на то, что убийство было спланировано заранее. Охранная сигнализация отключена, телефонный провод перерезан, и мы не нашли ни отпечатков, ни следов биологических жидкостей, которые принадлежали бы не жертве, а какому-то другому лицу.

– Проклятье, только этого нам не хватало. Я думал, это просто нападение на гомосексуалиста.

– *Просто* нападение на гомосексуалиста, сэр?

– Вы знаете, что я имею в виду. Нападения на гомосексуалистов... в общем, они не получают широкого резонанса в прессе. – Марш снова пробежал глазами отчет. – Черт возьми, Грегори Манро – местный терапевт, семейный человек. А адрес?

– Лорел-роуд. Онор-Оук-Парк.

– И район хороший. Простите, Эрика. Такая тяжелая неделя... А страницы могли бы и пронумеровать.

– Они *пронумерованы*, сэр. Я жду результатов вскрытия и криминалистической экспертизы от Айзека Стронга. Мы прошерстим жесткий диск компьютера и телефон жертвы. Сейчас я иду

инструктировать свою команду.

– Хорошо. Держите меня в курсе. Как только будут новые сведения – сразу докладывайте. Не нравится мне все это, Эрика. Чем скорее поймает подонка, тем лучше.

Глава 7

Оперативный отдел отделения полиции Луишем-Роу размещался в большом душном помещении. С потолка на полицейских лился яркий слепящий свет люминесцентных ламп. Комнату с двух сторон от коридоров отделяли стеклянные стены, вдоль одной расположились в ряд принтеры и копировальные аппараты. Эрика, стоя возле принтера, знакомилась с предварительными результатами вскрытия Грегори Манро. Она ощущала знакомое покалывание в теле, вызванное предвкушением, ужасом и возбуждением. Листы, один за другим выползавшие из принтера, были теплыми на ощупь.

Ее команда уже трудилась в поте лица. Многие сотрудники, присутствовавшие на месте преступления, успели вздремнуть лишь пару часов и снова пришли на работу. Светловолосый сержант Крейн – «вечный двигатель» оперативного отдела – разносил распечатанные документы для совещания. Мосс и констебль Сингх, невысокая симпатичная женщина с острым умом, отвечали на телефонные звонки. Новый член команды, констебль Уоррен, – красивый энергичный молодой человек – прикреплял на демонстрационные доски, что стояли у задней стены, собранные по делу материалы.

Инспектор Питерсон, войдя в оперативный отдел, обвел взглядом комнату, где кипела работа. Высокий красивый чернокожий офицер с короткими дредами, он, наряду с Мосс, являлся одним из самых доверенных коллег Эрики. Своей сдержанной, щеголеватой, изысканной манерой поведения он великолепно сглаживал житейскую грубоватость Мосс.

– Хорошо отдохнули, Питерсон? – спросила Эрика, поднимая голову от отчета.

– Да. На Барбадосе. Мир, покой, песчаные пляжи... Не то что здесь, – ответил он с тоской в голосе, но Эрика уже снова уткнулась в отчет. Питерсон сел за свой стол, глядя на унылую убогость оперативного отдела.

– Ты точно ездил на море? – спросила Мосс, ладонью прикрывая трубку телефона. – Что-то не загорел совсем...

– Ха-ха. Сегодня на завтрак я ел овсянку, так она и то была не такая бледная, как ты, – улыбнулся Питерсон.

– Рада, что ты вернулся. – Мосс подмигнула ему и продолжала разговор по телефону.

– Итак, всем доброе утро, – поприветствовала коллег Эрика, выдвигаясь в переднюю часть комнаты. Она достала комплект снимков, сделанных на месте преступления, и принялась развешивать их на демонстрационной доске.

– Жертва – сорокашестилетний Грегори Манро. Местный врач-терапевт. – Разговоры в оперативном отделе стихли, все рассматривали фотографии. – Я знаю, что некоторые из вас были вчера вечером на месте преступления, но для тех, кого там не было, я изложу суть дела.

Подчиненные Эрики молча выслушали ее рассказ о событиях минувшего вечера.

– Нам только что прислали результаты токсикологической экспертизы и вскрытия. В крови жертвы обнаружено небольшое количество алкоголя и очень высокий уровень флунитразепама: 98 микрограммов на литр. Флунитразепам – обиходное название рогипнола, известного также как руфиз.

– Любимый «дружок насильников», – сухо прокомментировал Питерсон.

– Да. Остатки препарата были обнаружены в винном бокале на месте преступления, на кухне, – добавила Эрика.

– Должно быть, в вино подсыпали. Если только он не собирался покончить с собой? Как врач он должен был знать, что столь большая доза может его убить, – заметила Мосс.

– Да, но не убила. Он умер от асфиксии. Вы видите, что на голову ему надет прозрачный полиэтиленовый пакет, затянутый тонкой белой веревкой. – Эрика показала на снимок, на котором Манро смотрел безучастными глазами через прозрачную пленку. – Руки ему связали после смерти. В ящике прикроватной тумбочки были найдены порножурналы для геев. Таким образом, журналы, асфиксия с помощью пакета и транквилизатор наводят на мысль о том, что элемент сексуальной активности следует исключить. Признаков того, что его изнасиловали, нет; волосы и биологические жидкости, которые принадлежали бы не хозяину, в доме не обнаружены... – Эрика помолчала, глядя на своих подчиненных, которые смотрели на нее. – Итак, на мой взгляд, нужно исходить из предположения, что кто-то проник в дом Грегори Манро, напоил его транквилизатором и затем задушил. Я также считаю, что это не случайный грабитель. Из дома ничего не пропало – ни деньги, ни ценности. Телефон и электричество были отключены, и это указывает на то, что преступление было спланировано. И тому, кто его совершил, нужно было *прежде* отключить охранную сигнализацию, а потом уже электричество. Действуем

по обычной схеме: необходимо провести поквартирный опрос на Лорел-роуд и прилежащих улицах. Местные полицейские уже опросили часть людей, но мы должны опросить всех, кто живет на той улице или находился в данном квартале. Соберите полное досье на Грегори Манро: банковские счета, телефон, электронная почта, соцсети, друзья, родные. С женой он расстался, значит, наверняка обращался к адвокату: проверьте. Выясните, был ли он зарегистрирован на каком-либо из сайтов знакомств для геев. Достаньте жесткий диск его телефона, проверьте, есть ли на нем мобильные приложения для гей-знакомств. Возможно, он нанял мальчика по вызову. Далее. Он – врач, работал в местной клинике; узнайте все, что можно, о его работе. Были ли у него проблемы с коллегами и пациентами?

Эрика подошла к демонстрационной доске и показала на фотографии сада.

– Убийца проник на территорию дома через забор, за которым проходит железная дорога и лежит небольшой парк. Достаньте записи с камер видеонаблюдения на железной дороге и вблизи путей, а также на ближайших станциях и прилегающих улицах. Крейн, вы остаетесь здесь, будете координировать работу оперативного отдела.

– Слушаюсь, босс, – ответил Крейн.

– Думаю, Грегори Манро был знаком с убийцей. Чем больше мы будем знать о его жизни, тем больше вероятность установить местонахождение убийцы. А теперь за работу. В шесть встречаемся здесь, поделимся добытой информацией.

Сотрудники оперативного отдела оживились.

– Есть новости о матери Грегори Манро? – осведомилась Эрика, подходя к Мосс и Питерсону.

– Она все еще в Луишемской больнице. Очухалась довольно быстро, но ее пока не выписывают, ждут врача, – ответила Мосс.

– Ладно. Давайте ее навестим. Питерсон, вы едете с нами.

– Надеюсь, вы ее не подозреваете? – спросила Мосс.

– Нет, но зачастую матери – кладезь информации, – объяснила Эрика.

– Да, понимаю. Моя мать всюду свой нос сует, – усмехнулся Питерсон, поднимаясь из-за стола и хватая пиджак.

– Тогда будем надеяться, что Эстель Манро такая же, – сказала Эрика.

Глава 8

Луишемская университетская больница занимала большую территорию и размещалась в нескольких корпусах. Некоторые из них были старые, кирпичные, другие представляли собой футуристические сооружения из стекла. Новое крыло было облицовано сине-желтым пластиком. Парковка была забита машинами, к отделению «неотложной помощи» то и дело подъезжали «скорые». Эрика, Мосс и Питерсон припарковались и пешком направились к центральному входу – большой коробке из стекла и металла напротив отделения «неотложки». По приближении они увидели перед входом пожилую женщину в инвалидном кресле, кричавшую на медсестру, которая стояла рядом с ней, согнувшись в три погибели.

– Безобразие! – ругалась женщина, тыкая в медсестру крючковатым пальцем с покрытым красным лаком ногтем. – Сначала вы заставили меня ждать, а теперь, когда выписали, я уже больше часа сижу здесь на жаре! У меня нет при себе ни сумки, ни телефона, а вы ничего не делаете!

Несколько человек, выходявших из больницы, обратили на нее внимание, но ни одна из стайки медсестер, входивших в здание, даже бровью не повела.

– Это она – Эстель Манро, мать Грегори Манро, – сказала Мосс. Они поравнялись с инвалидным креслом, и медсестра с добрым, но усталым лицом – на вид ей было под пятьдесят, – заметив их, выпрямилась. Эрика, Мосс и Питерсон представились, предъявили удостоверения.

– У вас здесь все хорошо? – спросила Эрика. Эстель, прищурившись, уставилась на них с инвалидного кресла. Ей, наверно, было лет шестьдесят пять, и, видимо, она старалась одеваться элегантно, но после ночи, проведенной в больнице, ее светлые брюки и цветастая блузка сильно измялись, макияж вместе с потом размазался по лицу, а короткие рыжие волосы были всклокочены. На коленях она держала пластиковый пакет с черными лакированными кожаными туфлями-лодочками.

– Нет! Здесь ничего хорошего... – начала Эстель.

– Утром к Эстель приезжали полицейские, – перебила ее медсестра, упершись руками в свои широкие бедра, – брали у нее показания. Они предложили отвезти ее домой, но она отказалась.

– Разумеется, отказалась! Не хватало еще, чтобы меня у моего дома высаживала полицейская машина! Я хочу поехать домой на такси... Я

знаю, что так положено. Вы обязаны вызвать мне такси. Вы просто хитрите...

Эрика по опыту знала, что люди по-разному реагируют на горе и потрясение. Одни обливаются слезами, другие цепенеют, теряют дар речи, третьи злятся. Эстель Манро, судя по всему, относилась к последней категории.

– Меня всю ночь продержали в этой адской дыре под названием отделение «неотложной помощи». А у меня просто голова закружилась, вот и все. Но нет, мне пришлось дожидаться, пока врачи осмотрят всех алкоголиков и наркоманов! – Эстель сосредоточила внимание на Эрике, Мосс и Питерсоне. – А потом появились ваши, замучили вопросами. Будто я преступница! Вот вам что от меня надо? Мой мальчик умер... Его убили!

Эстель окончательно утратила самообладание. Она вцепилась руками в подлокотники кресла, закричала зубами и крикнула:

– Не приставайте ко мне, отстаньте, вы все!

– У нас машина без опознавательных знаков полиции. Можем отвезти вас домой, миссис Манро, – ласково произнес Питерсон. Он присел на корточки перед несчастной женщиной и дал ей салфетку из небольшой пачки, которую вытащил из кармана.

– Правда? – сказала она, смотря на него полными слез глазами.

Питерсон кивнул.

– Тогда, прошу вас, отвезите меня домой. Я просто хочу быть дома, одна. – Она взяла салфетку и вытерла лицо.

Спасибо, одними губами поблагодарила медсестра.

Питерсон снял кресло с тормоза и покати к парковке.

– Ее сюда доставили в тяжелом состоянии – она была в шоке, организм обезвожен, – сообщила медсестра Эрике и Мосс. – Звонить никому не хотела. Я даже не знаю, есть ли у нее соседи или дочь, может быть? Дома ей нужно обеспечить покой, отдых.

– Питерсон сотворит чудо, старики его любят, – проговорила Мосс, вместе с Эрикой и медсестрой наблюдая, как Питерсон вкатил инвалидное кресло на парковку. Медсестра улыбнулась и вернулась в отделение.

– Черт, а ключи-то от машины у меня, пойдем скорей! – опомнилась Эрика. Они поспешили за Питерсоном.

* * *

– Уф, ну и пекло... – с отчаянием в голосе посетовала Эстель, когда они все сели в машину. В салоне было жарко, как в печке. – Все жарит и жарит, конца-краю нет! – Она занимала пассажирское кресло рядом с Эрикой. Мосс и Питерсон устроились на заднем сиденье.

Эрика перегнулась и помогла Эстель застегнуть ремень безопасности, потом завела мотор.

– Сейчас заработает кондиционер.

– Долго вы здесь простояли? – спросила Эстель, когда Эрика показала свое удостоверение работнику парковки, открывавшему шлагбаум. Тот их пропустил.

– Пятнадцать минут, – ответила Эрика.

– Не будь вы из полиции, вам пришлось бы заплатить полтора фунта. Хотя вы и не целый час стояли. Я все просила Грегори сделать что-нибудь, чтобы пациентам не приходилось платить. Он обещал написать нашему депутату парламента. Он ведь встречался с ней несколько раз – на официальных обедах... – Ее голос сошел на нет. Она взяла с колен салфетку и промокнула глаза.

– Эстель, хотите воды? – предложила Мосс. Она купила несколько бутылок в торговом автомате в Луишем-Роу.

– Да, будьте добры. И, если вы не против, обращайтесь ко мне «миссис Манро».

– Конечно, миссис Манро. – Через брешь между сиденьями Мосс передала пожилой женщине запотевшую бутылку. Эстель с трудом отвинтила крышку и надолго приникла к бутылке. Они ехали через Лейдиуэлл, мимо большого парка близ больницы, где под палящим утренним солнцем несколько подростков играли в футбол.

– Слава богу, теперь намного лучше, – вздохнула с облегчением Эстель, откидываясь в кресле: кондиционер уже начал охлаждать салон.

– Вы позволите задать вам несколько вопросов? – попросила Эрика.

– А позже нельзя?

– Позже мы официально возьмем у вас показания, но сейчас мне хотелось бы задать вам несколько вопросов... Прошу вас, миссис Манро, это очень важно.

– Что ж, задавайте.

– Вы говорили, что Грегори собирался ехать на отдых?

– Да, во Францию. Он должен был выступать на конференции БМА, Британской медицинской ассоциации.

– И он не сообщил о том, что добрался до места?

– Ясно, что нет.

– Вас это не насторожило?

– Нет. Мы без дела не надоедали друг другу. Я знала, что рано или поздно он мне оттуда позвонит.

– Грегори разошелся с женой?

– Да, с Пенни. – Произнося имя бывшей невестки, Эстель злобно скривила губы.

– Можно спросить, почему?

– *Можно спросить почему...* Вы уже спрашиваете, разве нет? По инициативе Пенни. Это она подала на развод. А если кто-то и должен был подать на развод, так это Грегори, – отвечала Эстель, качая головой.

– Почему?

– Она превратила его жизнь в кошмар. И это после всего того, что он для нее сделал. Обеспечил ей достойную жизнь. До замужества, до тридцати пяти лет, Пенни жила со своей ужасной мамашей. Перспектив – почти никаких. Работала в регистратуре в клинике Грегори. Только они стали встречаться, она забеременела. Поставила его в безвыходное положение, и ему пришлось на ней жениться.

– А разве это обязательно? – спросила Мосс.

– Я знаю, теперь модно рожать внебрачных детей, но мой внук не должен был стать незаконнорожденным!

– То есть это вы заставили их пожениться? – уточнила Мосс.

Эстель повернулась к ней.

– Нет. Грегори сам так решил. Он – благородный человек.

– До этого он был женат? – осведомилась Эрика.

– Нет, что вы.

– Пенни и Грегори были женаты четыре года. Значит, женился он в сорок два года? – спросила Мосс.

– Да, – подтвердила Эстель.

– До женитьбы у него было много женщин? – подал голос Питерсон.

– Женщины были. Но так, ничего серьезного. Он был увлечен медициной – сначала институт, потом практика. Среди его подружек встречались хорошие девушки, было из чего выбирать. А он позарился на эту алчную бабу из регистратуры...

– Вам она не нравилась? – спросил Питерсон.

– А вы как думаете? – вопросом на вопрос отвечала Эстель, глядя на него в зеркало заднего вида. – Она его не любила, ей только деньги нужны были. Я ведь его сразу предупреждала, но он и слушать не хотел. А потом началось... в общем, я оказалась права.

– Что произошло? – спросила Эрика.

– Еще не высохли чернила на брачном свидетельстве, а она уже стала требовать, чтобы Грегори записал на нее недвижимость. У него в собственности есть... было несколько домов для сдачи в аренду. Он ведь всего добился сам, понимаете? Трудился как вол. Один дом он оформил на

мое имя, чтобы у меня было немного денег на старость. Так вот, она хотела, чтобы он этот дом переписал на нее! Естественно, он отказался. Она обратилась за помощью к брату... – Эстель в отвращении покачала головой. – Словом, негодяи они, вся их семейка – Пенни, ее брат Гэри. Гнусный скинхед, все время попадает в полицию. А Пенни ему предана. Странно, что вы его не знаете. Гэри Уилмслоу.

Эрика переглянулась с Мосс и Питерсоном, а Эстель продолжала:

– А в прошлом году, когда Гэри стал угрожать Грегори, они и вовсе вдрызг разругались.

– Как он ему угрожал? – спросила Эрика.

– Это все из-за школы Питера. Грегори настаивал на пансионе, и тогда мальчика пришлось бы отправить из дома. Пенни привлекла Гэри, чтобы тот запугал Грегори, но Грегори не дал ему спуска, а мало кто не спасует перед Гэри Уилмслоу. Грегори устроил ему хорошую взбучку, – с гордостью доложила Эстель.

– И что было потом?

– Разразился скандал. Грегори даже слышать не хотел о Гэри, но Пенни не желала изгонять его из своей жизни. Да и Гэри не понравилось, что ему дали отпор. Молва-то пошла, как пить дать. Смерть Грегори выгодна Пенни и Гэри. Она теперь наследница. Я так скажу: вы сэкономите кучу денег налогоплательщиков, если арестуете ее брата. Гэри Уилмслоу. Он способен на убийство, вы уж поверьте. Вон на прошлой неделе он снова взялся за свое – угрожал Грегори. Ворвался в его кабинет в клинике, где наверняка было полно пациентов.

– Почему он ему угрожал?

– Не успела выяснить. Мне об этом рассказала администратор. Я собиралась расспросить Грегори, когда он вернется с отдыха, но... – Эстель снова заплакала. Показалась таверна «Форест-Хилл», стоявшая на углу улицы. Эстель подняла голову. – Здесь налево, мой дом в самом конце.

Эрика затормозила возле нарядного дома в конце улицы, жалея, что они приехали так быстро.

– Хотите, мы зайдем к вам? – предложила Эрика.

– Нет, не надо. Какое-то время я хочу побыть дома одна, спасибо. Мне столько всего пришлось пережить. Вы должны проявить понимание... На вашем месте я прямо сейчас поехала бы и арестовала ее брата. Говорю вам, это Гэри. – Погрозив крючковатым пальцем, Эстель с трудом отстегнула ремень безопасности и достала из пакета туфли.

– Миссис Манро, мы пришлем к вам наших сотрудников, они возьмут у вас показания. И еще: необходимо, чтобы кто-нибудь опознал тело, – тихо

произнесла Эрика.

– Один раз я уже видела его... таким. Больше не хочу. Попросите *ее*, попросите Пенни, – отказалась Эстель.

– Хорошо, – промолвила Эрика.

Питерсон вылез из машины и обошел ее, остановившись у дверцы со стороны пассажирского кресла. Он взял у Эстель туфли, обул ее, затем помог ей выбраться из машины и дойти до двери.

– Дело принимает интересный оборот, – тихо заметила Мосс Эрике. – Деньги, недвижимость, война семей – не жди ничего хорошего.

Они смотрели, как Питерсон помогает Эстель подняться на крыльцо. Она открыла дверь и исчезла в доме.

– Что верно, то верно, – согласилась Эрика. – Я, пожалуй, поговорю с Пенни. Да и с этим Гэри Уилмслоу.

Глава 9

Дом, в котором жила Пенни Манро, находился в Шерли, в районе на юго-востоке Лондона, буквально в нескольких милях от того места, где они высадили Эстель. В прошлом муниципальное жилье, теперь это было современное здание с декоративной «каменной» штукатуркой серовато-коричневого цвета и новыми пластиковыми окнами, которые украшали фигурные решетки. Палисадник ухоженный, аккуратно подстриженный газон покрывала, несмотря на засуху, сочно-зеленая трава. В накрытом сеткой небольшом пруду плавали распустившиеся кувшинки. Большая пластмассовая цапля стояла на одной ноге в окружении огромных розовощеких гномов.

Когда они позвонили в дверь, зазвучала электронная мелодия песни «Край надежды и славы»^[2]. Мосс удивленно вскинула брови, глядя на Эрику с Питерсоном. Им долго никто не открывал. Звонок проиграл целый куплет и затих. Дверная ручка повернулась, дверь медленно приотворилась – всего на несколько дюймов. В узкий проем на них застенчиво смотрел крошечный темноволосый мальчик с карими глазами. В его маленьком личике Эрика увидела черты Грегори Манро – глаза, высокий горделивый лоб. Аж жутко стало. Из-за закрытой двери в коридоре орал телевизор.

– Привет, ты Питер? – спросила Эрика. Малыш кивнул. – Здравствуй, Питер. Мама дома?

– Да. Она наверху, плачет, – ответил мальчик.

– О, мне очень жаль. Пожалуйста, узнай у мамы, сможет она с нами поговорить?

Взгляд мальчика заскользил по Эрике, по Мосс и, наконец, остановился на Питерсоне. Он кивнул и, запрокинув голову, пронзительно крикнул:

– Мам, к тебе пришли!

Послышалось звяканье, затем – шум воды, спущенной в унитаз, и на лестнице появилась молодая женщина с красными опухшими глазами. Она была стройная и привлекательная, с белокурыми волосами до плеч и аккуратным острым носиком.

– Пенни Манро? – спросила Эрика. Женщина кивнула. – Здравствуйте. Старший инспектор Фостер. Это – инспекторы Питерсон и Мосс. Примите наши соболезнования...

Пенни яростно затрясла головой.

– Нет. Он не знает... Я не... – зашептала она, показывая на сына. Тот во весь рот улыбался Питерсону, который, скосив глаза, показывал ему язык.

– Можно побеседовать с вами наедине? – спросила Эрика.

– Я уже имела беседу с полицией.

– Миссис Манро, это очень важно.

Пенни высморкнулась и кивнула, закричав:

– Мама! Маааама! Боже, опять этот телевизор... – Она открыла дверь комнаты, выйдя в коридор, и телевизор завопил громче, так что тонкая рама зеркала, висевшего у дверного проема, задребезжала. Играла музыка к телепередаче «Сегодня утром». Спустя несколько мгновений в дверях гостиной появилась крупная пожилая женщина с облаком взбитых седых волос на голове и комичными очками в толстой оправе. На ней был странный зеленый наряд – то ли мужской, то ли женский: зеленый джемпер и коротковатые брюки. Нижние края штанин топорщились над ее отеками лодыжками, раздувавшимися над клетчатыми тапками. Женщина близоруко прищурила глаза под грязными стеклами очков.

– ЧТО ЕЩЕ ИМ НАДО? – заорала она раздраженно.

– НИЧЕГО. ПРОСТО ЗАБЕРИ ПИТЕРА, – крикнула в ответ Пенни.

Пожилая женщина подозрительно покосилась на полицейских и кивнула.

– ПИТИ, ИДЕМ. – Голос у нее был резкий и пронзительный. Питер взял бабушку за пухлую руку и, взглянув еще раз на гостей, исчез вместе с ней в гостиной. Дверь в комнату закрылась, приглушив ор телевизора.

– Мама глухая, живет в своем мире, – объяснила Пенни. На улице затарахтела машина, выпустив выхлопные газы. Пенни вздрогнула, ее затрясло. Вытянув шею, она в обе стороны оглядела улицу, по которой с ревом пронесся старенький красный «фиат». За рулем сидел парень в солнцезащитных очках и без футболки.

– Что вас беспокоило, миссис Манро? – спросила Эрика.

– Ничего... Ничего, – ответила Пенни не очень убедительным тоном. – Проходите на кухню.

Глава 10

Они сидели в тесной душной кухне, заставленной и увешанной декоративными вещицами и вычурными полотенцами с рюшами. Окно выходило в сад за домом, где гномов было еще больше, чем в палисаде. Их розовые лица, как у маньяков, вызывали у Эрики дрожь. Наверно, они здесь такие большие потому, предположила она, чтобы мать Пенни не перепутала, кто есть кто.

– Последний раз я говорила с ним... с Грегори... три дня назад, – сообщила Пенни. Она стояла, прислонившись к мойке, с выражением неверия на лице. Закурив сигарету, взяла с подоконника наполненную окурками пепельницу.

– О чем вы говорили? – спросила Эрика.

– Да так. Он собирался во Францию на какую-то конференцию.

– Британской медицинской ассоциации? – подсказала Мосс.

– Он – один из самых авторитетных членов этой организации.

– Он никак не дал знать о том, что благополучно добрался до места. Вас это не удивило? – спросила Эрика.

– Мы разводились. Созванивались только по необходимости... Я позвонила ему, чтобы уточнить, не отменилась ли поездка и остается ли Питер у меня. Мы условились... У нас была договоренность, что по субботам он остается у отца.

– Что еще он сказал?

– Ничего особенного.

– Как вы думаете, кто мог убить вашего мужа? Вы подозреваете кого-нибудь?

Глядя в окно, Пенни стряхнула пепел в мойку.

– Нет... Есть люди, с которыми он был в плохих отношениях, но с кем не бывает. Не знаю никого, кто мог ненавидеть его настолько, чтобы проникнуть в дом и... задушить. – Она заплакала. Мосс взяла со стола коробку с салфетками и одну протянула ей.

– Спасибо, – поблагодарила Пенни.

– Дом оборудован системой охранной сигнализации. Когда ее установили? – спросила Эрика.

– Пару лет назад, после того, как сделали пристройку.

– Вы всегда ею пользовались?

– Да. Грегори всегда ставил дом на сигнализацию, когда мы куда-то

уходили. Раньше и на ночь тоже ее включал, но, когда Питер научился ходить, несколько раз бывало, что он спускался вниз попить и сигнализация срабатывала, поэтому мы перестали... Но на окна и двери он поставил дополнительные замки.

– Помните название фирмы, которая ставила сигнализацию?

– Нет. Этим Грег занимался. Как... тот, кто это сделал... проник в дом?

– Как раз это мы и пытаемся выяснить, – ответила Эрика. – Можно узнать, почему вы с Грегори расстались?

– Я стала вызывать у него отторжение. Ему все во мне не нравилось: как я одеваюсь, разговариваю, общаюсь с людьми. Он обвинил меня в том, что я слишком много кокетничаю с мужчинами в магазинах; презирал моих друзей, считая, что они не заслуживают уважения. Пытался разлучить меня с мамой. Зато его мама всегда желанна, всегда на первом месте. И еще он не ладил с моим братом, Гэри...

– Он проявлял агрессию?

– Гэри не был агрессивен, – ответила Пенни, пожалуй, слишком быстро.

– Я имела в виду Грегори, – поправилась Эрика.

Мосс с Питерсоном переглянулись, что не укрылось от взгляда Пенни.

– Простите, я сама не своя. Нет. Грегори не был агрессивен. Он бывал страшен в гневе, это да, но меня никогда не бил... Я не дура. У нас не всегда были плохие отношения. Когда мы познакомились, он считал, что я для него глоток свежего воздуха – волнующая, немного болтливая, смешная.

Эрика посмотрела на Пенни и поняла, чем та привлекает мужчин: она была миловидной и простой.

– А такие девушки мужчинам нужны только для веселого времяпрепровождения, – продолжала Пенни. – Когда мы поженились, он думал, что я изменюсь. Я – его жена, его представитель, говорил он. Я представляю его в обществе! Но я не собиралась становиться такой женой. Думаю, он понял это уже потом....

– А что мать Грегори?

– О, это долгая история. Их отношения – это нечто, «Царь Эдип» по сравнению – просто мыльная опера. Она сразу меня возненавидела. Это ведь она его обнаружила, да?

Эрика кивнула.

Пенни нахмурилась.

– А мне даже не позвонила. Я узнала, когда к нам пришел полицейский. Это многое о ней говорит, да?

– Ей было не до вас, – возразила Мосс. – Она находилась в состоянии шока, ее забрали в больницу.

– Она говорила, что между Грегори и вашим братом, Гэри, произошла ссора, – сказал Питерсон.

При упоминании Гэри Пенни на мгновение замерла.

– Просто повздорили. Обычный семейный скандал, – быстро произнесла она.

– Она сказала, что они подрались.

– Да, мальчишки – они и есть мальчишки, – вздохнула Пенни.

– Но они не мальчишки, а взрослые люди. Ваш брат и раньше имел проблемы с полицией, – добавил Питерсон.

У Пенни забегали глазки. Она быстро переводила взгляд с одного офицера на другого. Потом затушила сигарету в пепельнице, полной старых окурков.

– Мой брат находится на probation^[3] за нападение на одного типа в Нью-Кроссе, – стала объяснять она, закулив снова и выпуская в потолок сигаретный дым, а затем опять затушила недокуренную сигарету. – Он работает вышибалой в одном клубе. Тот тип перебрал наркотиков, вообще ничего не соображал, так что это была самооборона. Но Гэри немного переусердствовал. В это дело вы его не втягивайте. Мой брат – не святой, я знаю, но к этому он вообще не имеет отношения, вы слышите?

– Поэтому вы так занервничали, когда мы стояли у двери? Думали, это Гэри? – спросила Эрика.

– Послушайте, что вам здесь нужно? – Пенни прищурилась, скрестив на груди руки. – Ко мне уже приходил полицейский, обо всем расспрашивал. Лучше бы ловили того типа.

– Мы не говорили, что это был тип, – заметила Мосс.

– Не умничайте. Сами знаете, что большинство убийц – мужчины, – заявила Пенни.

Эрика многозначительно посмотрела на Мосс: она видела, что Пенни от них закрывается.

– Хорошо, хорошо, миссис Манро. Простите. Вашего брата ни в чем не обвиняют. Мы вынуждены задать эти вопросы, чтобы составить полную картину – это поможет нам поймать убийцу.

Пенни снова закурила.

– Хотите? – предложила она. Мосс и Питерсон покачали головами, но Эрика взяла из пачки одну сигарету. Пенни дала ей прикурить.

– Грегори хотел определить Питера в школу-интернат, – объяснила Пенни. – Отправить из дома, маленького мальчика! Я топнула ногой,

сказала «нет». В выходные, накануне того дня, когда он должен был пойти в местную начальную школу, я узнала, что Грегори отказался от нее и записал его в закрытую школу!

– Когда это было?

– На Пасху. Я позвонила Грегори, а он заявил, что Питер пойдет туда с понедельника и я не помешаю ему дать сыну достойное образование. Это было все равно что похищение! И Гэри решил его забрать. Пришел, ворвался в дом. Но он не... Но он не лез в драку, ясно? Там была Эстель. Она запустила в Гэри стеклянной пепельницей, и началось... Но об этом она умолчала, не так ли?

– Значит, вы утверждаете, что вы с Эстель не были в дружеских отношениях?

Пенни с горечью рассмеялась.

– Она – жуткая стерва. Чего только не выдумает, лишь бы найти оправдание поведению сына. Она возненавидела меня с первой же минуты, как только мы начали встречаться... Все испортила: вечеринку по поводу нашей помолвки, свадьбу. Отец Грегори умер, когда он был еще маленький. Грегори у нее единственный ребенок, и потому они очень зависели друг от друга, он и его мама. Как это называется? *Взаимозависимость*. Когда мы только поженились, я надеялась, что сумею завоевать его или хотя бы стать для него самым близким человеком, но она все сделала для того, чтобы я оставалась на вторых ролях. Жалкая я дура, да? Вот слышу себя и понимаю, что говорю как жалкая дура.

Эрика посмотрела на Мосс и Питерсона, сознавая, что она обязана задать еще один важный вопрос.

– Миссис Манро, у вашего мужа были отношения с мужчинами? Простите, что спрашиваю об этом.

– Это вы про что? Про друзей? Друзей у него было мало.

– Я имею в виду сексуальные связи с мужчинами.

Пенни устремила взгляд куда-то между ними. На стене тикали часы. Дверь на кухню внезапно распахнулась, ударившись о стоявший сбоку от нее холодильник, и в комнату ворвался невысокий плотный лысый мужчина в джинсах, футболке и черных ботинках на шнурках. На лбу у него блестела испарина, под мышками и на груди расплывались мокрые пятна. Он принес с собой влажный потный запах агрессии. Лицо его искажала гримаса смутения и ярости.

– Сексуальные связи с мужчинами? Что за черт? – возмутился он.

– Вы Гэри Уилмслоу? – осведомилась Эрика.

– Да. А вы кто такие?

– Сэр, я – старший инспектор Фостер, это – инспектор Мосс и инспектор Питерсон, – представила всех Эрика. Втроем они встали, показывая свои удостоверения.

– Пенни, что здесь происходит, черт возьми?

– Они просто спрашивают про Грега, задают обычные вопросы, – устало произнесла Пенни, словно привыкла утихомиривать брата.

– И вы спрашиваете, был ли он гомиком? – изумился Гэри. – Это все, на что вы способны? Может, Грег и скотина...

– Гэри!

– Но он не гомик. Ясно? – Для пущей убедительности Гэри со всей силы разрубил пальцем воздух.

– Сэр, пожалуйста, подождите за дверью, пока мы не закончим, – начал Питерсон.

– Я вам не «сэр». Не хрен строить из себя вежливых! – огрызнулся Гэри. Он открыл холодильник и, засунув в него голову, буркнул: – *Козел черномазый*.

– Что вы сказали? – спросил Питерсон. Эрика видела, что у него участилось дыхание.

Гэри выпрямился, держа в руке банку пива, и захлопнул дверцу.

– Ничего.

– Я все слышала, – сказала Эрика.

– И я, – подтвердила Мосс. – Вы назвали моего коллегу «черномазым козлом».

– Ничего подобного. А даже если и назвал, это – мой дом. Здесь я что хочу, то и говорю. Не нравится, проваливайте к чертям собачьим... И без ордера не приходите.

– Мистер Уилмслоу, мы задаем стандартные вопросы в связи с расследованием убийства... – начала Эрика.

– Ерундой вы занимаетесь. Вместо того чтобы убийцу ловить, сидите тут, мурыжите нас, а у нас в семье, между прочим, горе.

– Позвольте напомнить, что оскорбление сотрудника полиции по расовому признаку – это уголовно наказуемое преступление. – Питерсон подступил к Гэри, глядя ему прямо в глаза.

– Как и убийство. Но если вы намерены применить ко мне силу, я вправе защищаться, потому что я у себя дома.

– ГЭРИ! – крикнула Пенни. – Прекрати. Иди проверь, как там мама с Питером... Сейчас же!

Гэри открыл банку, брызнув пивом в лицо Питерсону. Возникла напряженная пауза, потом Гэри глотнул пива из банки и ушел, хлопнув за

собой дверь.

– Простите. Пожалуйста, простите... Он не любит полицию, – проговорила Пенни. Она оторвала кусок от рулона бумажного полотенца и трясущейся рукой подала его Питерсону. Тот вытер лицо.

– Вы готовы продолжить? – спросила Эрика. – Мы почти закончили. – Пенни кивнула. – Мы ведь не просто так спрашиваем. В ящике прикроватной тумбочки в спальне вашего мужа были обнаружены порножурналы для геев.

– Seriously?

– Да. Нам нужно знать, как они там оказались. Возможно, это ничего не значит, ему просто было любопытно. Но я обязана спросить, известно ли вам что-нибудь о том, что ваш муж был бисексуалом или, поддавшись порыву, искал встреч, или встречался с мужчинами? Это поможет следствию. Если ваш муж вел тайную жизнь, встречаясь с мужчинами или приглашая мужчин...

– Все, хватит, поняла! – резко перебила Эрику Пенни. – Я все поняла! – Она закурила очередную сигарету и выпустила дым, швырнув зажигалку на сушку. Вид у нее был растерянный, словно она никак не могла осмыслить полученную информацию. Пауза затягивалась. Наконец: – Даже не знаю... Однажды... В один из тех редких случаев, когда мы выпили вместе, Грегори завел разговор о том, чтобы попробовать секс втроем. Мы отдыхали в Греции, чудесно проводили время... Я подумала, он имел в виду себя и еще одну девушку, но он хотел... Он хотел, чтобы к нам присоединился парень.

– Вас это удивило? – спросила Эрика.

– Еще бы! Он всегда был крайне традиционен – обычная поза, все такое.

– А что было потом?

– Ничего. В последний момент он спасовал, сказал, что пошутил, хотел посмотреть, как я отреагирую. – Пенни скрестила руки на груди.

– И как же вы отреагировали на его предложение?

– Ну... Остров был роскошный, отдых прекрасный. Там встречались сексуальные греки. Я подумала, что это может быть прикольно. Такое веселое сумасбродство. Мы никогда не веселились.

– И вас не смутило, что он вам это предложил?

– Нет. Я любила его. Тогда – любила. А он во всем был пуританином, и мне было приятно, что он поделился со мной чем-то таким... – Не выдержав, она расплакалась.

– То есть вы думаете, что ваш муж, возможно, был геем?

– Нет, не думаю. – Пенни подняла голову и сурово посмотрела на Эрику. – У вас все?

– Да, спасибо. Позже мы придем за вами одного из наших сотрудников. Нужно, чтобы вы опознали тело мужа, – сказала Эрика.

Пенни, со слезами на глазах, кивнула и устремила взгляд на безвкусно украшенный садик.

– Если выясните что-то еще про Грегга, про то, что он гей... Я не хочу об этом знать. Ясно?

– Да, ясно, – кивнула Эрика.

* * *

Когда они вышли на улицу и направились к своей машине, припаркованной у тротуара, уже нещадно пекло. Они на время оставили дверцы открытыми, чтобы выпустить из салона жар. Эрика, порывшись в сумке, достала телефон и позвонила в отделение Луишем-Роу.

– Крейн, привет. Старший инспектор Фостер. Проверь одного человека, пожалуйста. Гэри Уилмслоу, Херефорд-стрит, 14, Шерли. Все, что у нас есть на него. Это брат Пенни Манро, супруги погибшего. Также организуй официальный допрос Эстель Манро и прикрепи к ней и Пенни сотрудников по связям с родными^[4].

Только они стали садиться в машину, из дома вышел Гэри. Он держал за руку Питера.

– Мистер Уилмслоу. – Эрика вернулась к калитке. – Скажите, пожалуйста, где вы находились в четверг с шести часов вечера до часу ночи?

Гэри подошел к поливочному шлангу, висевшему на кране под окном гостиной, размотал его и дал мальчику.

– Здесь. Смотрел «Игру престолов» с Пенни и мамой, – ответил он.

– Весь вечер?

– Да, весь вечер. У нас есть все сезоны.

Питер взял шланг и направил его на траву, приготовившись поливать, потом поднял голову и широко заулыбался, показывая брешь в зубах. Гэри открыл кран, и струя брызнула на газон.

– И они могут это подтвердить?

– Да. – Он одарил Эрику ледяным взглядом. – Они *могут* это подтвердить.

– Спасибо.

Эрика вернулась к коллегам. Втроем они сели в машину. Она завела мотор, включив кондиционер.

– Между прочим, мы могли бы его арестовать прямо здесь и сейчас. За

нарушение запрета на использование шлангов для полива, – заметил Питерсон.

– Да, но шланг-то в руках у ребенка, – указала Мосс.

– Скользкий тип, – удрученно произнес Питерсон.

– Увы, – согласилась Эрика. Они смотрели, как Гэри курит, а Питер поливает траву. Гэри не сводил с них глаз.

– Пока не будем его трогать, – решила Эрика. – Посмотрим, что он станет делать. Он – возможный подозреваемый, но нужна дополнительная информация.

Глава 11

Близился вечер. Сиделка Симона Мэтьюз дежурила в одной из немногочисленных одноместных палат гериатрического отделения лондонской больницы имени королевы Анны. Рядом с ней на больничной койке спала старушка по имени Мэри. Очертания ее тощего тела едва проступали из-под аккуратно подоткнутого под нее синего одеяла. Изможденное лицо желтушного цвета, из дряблого рта вырывается прерывистое дыхание.

Ее часы были сочтены.

Больница имени королевы Анны размещалась в хиреющем здании из красного кирпича, а гериатрическое отделение было местом мрачным и шокирующим. Наблюдать за тем, как люди умственно и физически распадаются на твоих глазах, – суровое испытание для психики. Два дня назад Симоне поручили вечером искупать старика, который до той поры считался образцовым пациентом. Ни с того ни с сего он заехал ей кулаком в лицо. Ее послали на рентген. К счастью, оказалось, что челюсть не сломана. Старшая медсестра велела ей на два дня взять отгулы, чтобы отдохнуть и оправиться от потрясения. Но Симона, стойкая женщина, настояла на том, чтобы выйти на работу уже в следующую смену.

Для Симоны в работе заключался весь смысл жизни, и она хотела быть рядом с Мэри, сидеть подле нее до самого конца. Они ни разу не разговаривали. Мэри лежала в отделении уже десять дней, время от времени впадая в забытие. У нее отказывали внутренние органы, она медленно угасала. Ее не навещали ни друзья, ни родные, но Симона составила представление о ней по ее личным вещам, что хранились в небольшом шкафчике у кровати.

Мэри, в поношенном платье и старых резиновых тапочках, доставили в больницу из супермаркета, где она упала, потеряв сознание. При ней была маленькая черная сумочка, в которой лежали лишь баночка мятных леденцов и проездной на автобус. Правда, во внутреннем кармашке, застегнутом на молнию, Симона еще нашла маленькое измятое черно-белое фото.

Снимок был сделан в каком-то парке солнечным днем. Под деревом на клетчатом пледе сидела красивая молодая женщина в длинной юбке, собравшейся в сборки вокруг ее ног. Тонкая талия, аккуратная грудь под крахмаленной белой блузкой... По всему видно, что у нее завидная

фигура в форме песочных часов. Хотя фотография была не цветной, Симона предположила, что в молодости Мэри была рыжей – как-то по-особенному блестели на солнце ее длинные волнистые волосы. Рядом с Мэри сидел темноволосый мужчина – симпатичный, волнуемый и на вид опасный. Он щурился на солнце, одной рукой обвивая Мэри за тонкую талию, словно оберегал ее. Надпись на обратной стороне снимка гласила: «С моим любимым Джорджем. Бромли, июнь 1961 г.».

Была еще одна фотография Мэри – на автобусном проездном, – сделанная три года назад. Мэри, на белом фоне, смотрит со страхом в объектив – кролик, пойманный в перекрестье лучей прожекторов: обвислые седые волосы, лицо морщинистое, скукоженное.

«Как жила Мэри в период с 1961 года по 2013-й? – размышляла Симона. – И куда делся этот Джордж?» Насколько она могла судить, их роман не имел счастливого продолжения. Записи в медицинской карте свидетельствовали о том, что Мэри так и не вышла замуж. У нее не было ни детей, ни родственников.

Мэри на койке что-то бессвязно залопотала. Ее впалый рот медленно открылся и закрылся, дыхание на мгновение застопорилось и снова возобновилось в своем прерывистом ритме.

– Все хорошо, Мэри, я здесь, – сказала Симона, беря ее ладонь. Рука у старушки была худая, с дряблой кожей, на которой темнели, похожие на пятна, синяки от постоянных попыток найти вену, когда ей ставили капельницу.

Симона глянула на маленькие серебряные часики, прицепленные спереди на униформе, и увидела, что ее смена подходит к концу. Из шкафчика возле койки она достала щетку для волос и принялась расчесывать Мэри. Начинала от высокого лба и затем, поддерживая голову старушки, водила щеткой по всей длине ее волос. Серебристые пряди переливались в лучах солнца, проникавших в палату через маленькое окно.

Симона расчесывала Мэри, и ей хотелось, чтобы та была ее матерью, чтобы она открыла глаза и сказала, что любит ее. По фотографии Симона видела, что Мэри любила Джорджа, и Симона была уверена, что она и ее смогла бы любить. По-другому, конечно. Как мать любит дочь.

В памяти промелькнуло лицо матери, и у Симоны задрожали руки так сильно, что она выронила щетку.

«ВОПИЮЩИЙ СЛУЧАЙ РОДИТЕЛЬСКОЙ ЖЕСТОКОСТИ!» – кричали газетные заголовки. Мать Симоны уехала на отдых, а десятилетнюю дочь оставила дома, пристегнув ее к радиатору в ванной, где девочку и нашла соседка. Соседка и журналист, с которым та связалась,

думали, что они спасли Симоне жизнь, но в детском доме жить было еще хуже. Когда мать наконец-то вернулась домой неожиданно-негаданно, соседи вызвали полицию, но она успела сбежать до ареста. В тот же вечер она сиганула в холодную Темзу с Тауэрского моста и утонула. Симоне хотелось думать, что мать покончила с собой из чувства вины, но вообще-то это было маловероятно.

Симона подняла щетку и усилием воли расслабила дрожащие руки.

– Ну вот, теперь ты у нас красавица, Мэри. – Она отступила на шаг, восхищаясь своей работой. Тонкие волосы Мэри серебристым веером лежали на накрахмаленной белой подушке. Симона убрала щетку в шкафчик.

– А сейчас я тебе почитаю. – Из своей сумки, что стояла за пластмассовым стулом, на котором она сидела, Симона вытащила местную газету.

Начала она с гороскопа – из медицинской карты Мэри она знала, что та родилась под знаком Льва, затем прочитала свой собственный: знаком Симоны были Весы. Потом она вернулась на первую полосу и стала читать статью про врача из южной части Лондона, который был задушен в своей постели. Закончив, Симона положила газету на колени.

– Мэри, я никогда не понимала мужчин. Я не знаю, о чем думает мой муж, Стэн... Стэн – это сокращенно от Стэнли. Он как закрытая книга. Из-за этого я чувствую себя одинокой. Я рада, что у меня есть ты... Ты ведь меня понимаешь, да?

Мэри продолжала спать. Она была далеко, в том солнечном парке. Сидела на пледе с Джорджем, мужчиной, который разбил ей сердце.

Глава 12

Около шести вечера Эрика, Мосс и Питерсон вернулись в отделение полиции Луишем-Роу и напрямик направились в оперативный отдел, где уже собрались остальные члены следственной группы.

– Итак, Грегори Манро. Непонятная личность, – начала Эрика, обращаясь к своей команде. Она стояла перед демонстрационными досками. – Мать считает его святым; жена характеризует его как крайне закрытого человека, не определившегося со своими сексуальными наклонностями. Мы посетили его клинику, где столкнулись с двумя из его пациентов. У тех о его отношении к больным радикально противоположные мнения... Я полчаса провела на телефоне, беседуя с администратором клиники. Та, узнав, что ее босс умер, отправилась на день в Брайтон – шататься по барам под солнышком. Она проработала с ним пятнадцать лет, но понятия не имела, что он разводится с женой, что та ушла от него три месяца назад.

– То есть он четко разграничивал работу и личную жизнь? – заметил Крейн.

– Можно и так сказать, – согласилась Эрика. – Мы запросили информацию по отзывам и жалобам на него со стороны пациентов. Администратор поначалу уперлась, но я пригрозила ордером, и она сменила тон. Должна все прислать до завтрашнего утра.

Эрика повернулась к демонстрационной доске, на которой теперь появился дополнительный материал. Фото Гэри Уилмслоу. На снимке волос у него на голове чуть больше, взгляд злой, под глазами мешки.

– Итак, пока у нас единственный подозреваемый – шурин жертвы, Гэри Уилмслоу. Мотив есть: он ненавидел Грегори, они несколько раз ссорились. Его сестра унаследует значительное состояние Грегори. Как семья Гэри, Пенни и их мать крепко держатся друг за друга – неразлейвода, если можно так выразиться. Что у нас есть на Гэри?

В комнату вошел старший суперинтендант Марш, и атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Сотрудники приосанились, встрепенулись. Марш присел за длинный стол с принтерами и жестом велел Эрике продолжать.

Поднялся Крейн.

– Итак, Гэри Уилмслоу, тридцати семи лет. Родился в Шерли, на юге Лондона. В настоящее время работает по шестнадцать часов в неделю

вышибалой в ночном клубе в Пекаме... Так что еще и пособие по безработице получает^[5]. Очаровательный типчик. Послужной список как у участницы конкурса «Мисс Вселенная», – сухо доложил Крейн. Зажав в зубах ручку, он, порывшись на столе, нашел пухлую папку с досье, открыл ее. – Первый раз Уилмслоу предстал перед судом в несовершеннолетнем возрасте, в 1993 году за нападение на старика на автобусной остановке на Низден-Хай-стрит. Старик впал в кому на три дня, но потом пришел в себя и дал показания. За это преступление Гэри три года провел в тюрьме для малолетних преступников Фелтем. В 1999 году его привлекли к суду и признали виновным в нанесении тяжких телесных повреждений и нападении при отягчающих обстоятельствах – отсидел полтора года. Следующий раз он отбыл двухлетний срок, с 2004-го по 2006-й, за торговлю наркотиками. – Крейн листал толстое досье. – В 2006-м загремел на полтора года за избиение человека кием в бильярдной в Сиднэме. В 2008-м его обвинили в изнасиловании, но обвинения были сняты за недостаточностью улик. В прошлом году его снова судили за непредумышленное убийство.

– Это уже когда он стал работать вышибалой? – уточнила Эрика.

– Да, он работает в одном из ночных клубов Пекама – «H2O» или «Эйч двадцать», как называют его патрульные, – особый объект их ненависти по выходным. Адвокат Гэри Уилмслоу доказал, что его подзащитный действовал в целях самообороны, и Гэри осудили на два года. Через год он вышел по условно-досрочному... Что интересно, адвоката ему нанял не кто иной, как Грегори Манро.

Эрика повернулась к демонстрационной доске, глядя на фото Гэри. Остальные, откинувшись на спинки стульев, тоже молчали, осмысливая информацию.

– Ладно. Мы выяснили, что Гэри Уилмслоу – подонок. Судимостей у него выше крыши. Но он ли убийца? – спросила Эрика, показывая на фотографии с места преступления, на которых Грегори Манро лежал мертвый на кровати: руки привязаны к спинке изголовья, голова под полиэтиленовым пакетом неопределенной формы.

– Гэри Уилмслоу представил нам алиби, – сообщил Крейн.

– Свое алиби пусть в задницу засунет. Они все вместе смотрели дома телевизор! – язвительно произнес Питерсон, едва скрывая свою неприязнь.

– Да, но помните, что он находится на probation, и Пенни стоит за него горой. Давайте не будем делать скоропалительных выводов, – сказала Эрика.

– Босс! Да вы посмотрите его досье! Он запросто мог убить. Я считаю,

что нужно его арестовать.

– Я поняла вас, Питерсон, но это убийство было тщательно спланировано и столь же ювелирно исполнено – ни одной улики. Гэри Уилмслоу – злобный отморозок. – Эрика взяла у Крейна досье и пролиставала его. – Все эти преступления совершены из внезапно возникшей неприязни – в порыве иступленной ярости.

– Наследование денег Грегори – очень серьезный мотив, – не сдавался Питерсон. – Три дома в Лондоне, медицинская практика. А страховку его видели? Грегори Манро наверняка застраховал свою жизнь на кругленькую сумму. К тому же Гэри его ненавидел. А способ проникновения можно было *инсценировать*.

– Хорошо, поняла, – сказала Эрика. – Но для его ареста у нас должно быть больше оснований.

Поднялся констебль Уоррен.

– Да. Что у вас? – спросила Эрика.

– Босс. Из лаборатории пришли дополнительные результаты. Четыре нитки, что сняли с проволочного ограждения в глубине сада... они с одежды черного цвета, хлопок с добавлением лайкры. К сожалению, биологического материала обнаружить не удалось.

– А что за домом? Железная дорога?

– Э... парк, – с запинкой отвечал Уоррен, нервничая из-за того, что Марш, сидя в конце комнаты, молча наблюдал за ходом совещания. – Небольшой. Местные жители разбили семь лет назад. С четверть мили он тянется вдоль железнодорожных путей в сторону центра Лондона, кончается перед железнодорожной станцией у Онор-Оук-роуд... Я уже запросил в компании «Юго-Западные железные дороги» записи с камер видеонаблюдения за тот вечер, когда произошло убийство.

– А какова протяженность парка в противоположном направлении? – спросила Эрика.

– От дома Грегори Манро парк простирается ярдов на сто и там упирается в тупик. Я запросил записи с видеокамер на прилегающих улицах, но несколько из них давно отключили.

– В целях экономии, очевидно? – предположила Эрика.

– Э... – замычал констебль Уоррен, – я точно не знаю...

– Вот не пойму, почему эти идиоты в правительстве решили, что отключение камер видеонаблюдения каким-то образом поможет сэкономить деньги... – начала Эрика.

– Старший инспектор Фостер, – перебил ее Марш, – камеры отключают не только здесь – по всему Лондону. В столице тысячи камер. У

правительства просто не хватает ресурсов на то, чтобы все их обслуживать.

– Да, полтора года назад, когда мы пытались выследить убийцу, эти же камеры тоже не работали. Если бы мы имели доступ к записи хотя бы с одной из них, полиции это сэкономило массу денег и времени...

– Я вас понимаю, но здесь не место для обсуждения данной проблемы, – заметил Марш. – Продолжайте, пожалуйста.

Возникла неловкая пауза. Полицейские смотрели в пол.

– Ладно. Достаньте все записи, какие можно. Посмотрите, не засветился ли на них кто-то подозрительный. Нужна любая информация: рост, вес... Прибыл на поезде, на велосипеде, на автобусе, на машине...

– Слушаюсь, босс, – сказал констебль Уоррен.

– Что с поквартирным опросом? Удалось достать выписки с банковских счетов и информацию с телефона жертвы? – спросила Эрика.

Поднялась констебль Сингх.

– Многие из тех, кто живет на Лорел-роуд, сейчас находятся в отпусках, многих в вечер убийства не было дома. В такую погоду народ после работы идет в парки и пабы, гуляет допоздна. Соседи Грегори Манро из домов, что стоят по обе стороны от его дома, до выходных на отдыхе.

– Значит, никто ничего не видел? – нетерпеливо произнесла Эрика.

– Э... нет.

– Проклятье. Что еще?

– Годовая зарплата Грегори Манро составляла £200 000. Отчасти благодаря тому, что он руководил одной из крупнейших и прибыльных клиник широкого профиля в южной части Англии. Долгов нет, не считая закладной на восемьдесят тысяч на дом, где он жил на Лорел-роуд. Ему также принадлежат дом в районе Нью-Кросс-Гейт, который он сдает студентам, и дом в Шерли, где сейчас живет Пенни Манро. В распечатках с его телефона все довольно прозрачно, ничего необычного. Как и показала его жена, он действительно звонил ей три дня назад, накануне своего запланированного отъезда. По документам все сходится. Он действительно собирался лететь в Ниццу на конференцию БМА.

– Он зарегистрирован на каком-нибудь сайте или в приложении для геев?

– Месяц назад он загрузил «Грайндр»^[6] – мы нашли это приложение в его телефоне, – но профиль свой не завел.

– Что с его адвокатом? С тем, что занимается разводом?

– Я оставила ему несколько сообщений, но он пока не откликнулся.

– Хорошо, не оставляйте попыток связаться с ним.

– Слушаюсь, босс. – Сингх, расстроенная, села на место.

Члены следственной группы смотрели, как Эрика вышагивает перед демонстрационными досками.

– Это Гэри Уилмслоу, босс. Думаю, хочешь не хочешь, а мы должны его арестовать, – настаивал Питерсон.

– Нет. Он – подонок, не спору, но это недостаточное основание для ареста.

– Босс!

– Нет, Питерсон. Если и когда мы его арестуем, я хочу быть уверена, что у нас есть веские доказательства для обоснования его задержания, ясно?

Питерсон откинулся на спинку стула, качая головой.

– Сколько угодно можете качать головой. Но не позволяйте чувствам влиять на ваше суждение. Когда придет время – если оно придет, – мы его возьмем. Ясно?

Питерсон кивнул.

– Вот и отлично. Так, у кого-нибудь еще что-то есть для меня?

Молчание. Эрика глянула на часы.

– Ладно... Давайте займемся Гэри Уилмслоу, но без предубеждения. Свяжитесь с его работодателем, покопайте. Пообщайтесь с осведомителями.

В оперативном отделе мгновенно поднялся гомон. К Эрике подошел Марш.

– Эрика, когда закончите здесь, у вас найдется время поговорить?

– Да, думаю, мы пробудем здесь еще несколько часов, сэр.

– Не дергайтесь. Когда освободитесь, скажите. Выпьем кофе. – Марш направился к выходу.

– *Дважды* за день угощать меня кофе? – с подозрительностью пробормотала себе под нос Эрика. – Что бы это значило?

Глава 13

К удивлению Эрики, Марш повел ее в кафе, специализировавшееся на йогуртовом мороженом. Оно находилось недалеко от отделения Луишем-Роу, открылось несколько дней назад, и народу там было много.

– Я обещал Марси посмотреть, что это за место, – объяснил Марш, вместе с Эрикой вставая в очередь. Интерьер кафе был оформлен в кричащих ярких розово-желтых красках.

– Подбодрить меня хотите? Или показываете, что полиция экономит не на всем? – пошутила Эрика.

– Мой кабинет под самой крышей. Мне нужно охладиться, – ответил Марш. Они дошли до молодой продавщицы, стоявшей перед гудящим раздаточным устройством, и Марш заказал себе и Эрике большие порции. Девушка дала им по бумажному стакану с йогуртовым мороженым, и они перешли к прилавку самообслуживания, заставленному тарелочками со сладостями, фруктами и шоколадом. Марш с серьезным видом принялся рассматривать ассортимент и в конце концов выбрал «мармеладных мишек». Эрика, подавив улыбку, взяла салат из свежих фруктов.

– Как устроились в новой квартире? – любопытствовал Марш, когда они нашли два свободных местечка у большого окна и взгромоздились на высокие табуреты. В зале стоял оживленный гул. Мимо по дороге ползли машины, на солнце мерцал плавающий от жары асфальт. Из вестибюля железнодорожной станции, что находилась на другой стороне улицы, высыпали пассажиры.

– Я уже полгода там живу. Тихое место, мне нравится, – ответила Эрика, кладя в рот ложку холодного йогурта.

– Не думали о том, чтобы купить жилье в Лондоне? – спросил Марш.

– Не знаю. Вроде бы уже привыкаю здесь и на работе тоже, но цены бешеные. Ведь здесь даже самая вшивая дыра стоит двести штук.

– Снимая квартиру, вы бросаете деньги на ветер, а цены так и будут расти, Эрика. Если намерены приобрести здесь жилье, не тяните. У вас в Манчестере есть дом. Выпроваживайте своих жильцов и продавайте. Займите свою нишу в здешней иерархии собственников жилья.

– Вы по вопросам недвижимости тоже консультируете? – улыбнулась Эрика.

Марш не рассмеялся. Он сунул в рот очередную ложку мороженого. В чашке мерцали на солнце разноцветные «мармеладные мишки».

– Гэри Уилмслоу трогать не надо, – сказал Марш, внезапно меняя тему разговора.

– Вы же присутствовали на совещании в оперативном отделе, сэр, – удивилась Эрика. – Я не собираюсь преследовать его, пока у нас нет неопровержимых доказательств.

– Не трогайте его. Вообще. Он неприкосновенен. – Марш чуть опустил голову, глядя на Эрику поверх солнцезащитных очков.

– Можно узнать, почему, сэр?

– Нет. Я ваш начальник и отдаю вам приказ.

– Вы же знаете, со мной такие номера не проходят. Оставьте меня в темноте, и я обязательно отыщу выключатель.

Марш сунул в рот еще одну большую ложку мороженого и подержал немного, прежде чем проглотить. Потом снял очки и положил их на стол.

– Господи. Ну хорошо. Слышали про операцию «Хемслоу»?

– Нет.

– Операция «Хемслоу» направлена на борьбу с известными нам лицами, которые занимаются финансированием и распространением детской порнографии. Гэри Уилмслоу – одно из звеньев порнопедофильной цепи, и дело у них поставлено с размахом: распространение цифровых записей через веб-сайты, в меньшей степени – изготовление DVD. Последние восемь месяцев мы следим за ним, но он скользкий тип. Последние пять недель он постоянно находится под нашим наблюдением 24 часа в сутки.

– И вам нужно, чтобы он оставался на свободе и делал свое дело, чтобы взять его с поличным?

– Правильно мыслите.

– Но Питер – его племянник! Он живет с ним под одной крышей!

– Все нормально. Мы уверены, сам Уилмслоу не занимается поставкой детей для видео.

– Вы уверены?

– На сто процентов.

– Боже, – промолвила Эрика, отодвигая от себя мороженое.

– Я доверил вам секретную информацию, Эрика. Надеюсь, дальше вас это никуда не пойдет.

– Хорошо, хорошо. Но нельзя ли как-то убрать оттуда Питера, да и Пенни тоже?

– Вы знаете, что в таких случаях мы стараемся свести риск до минимума при обеспечении безопасности, но у нас пока мало конкретных фактов, которые дали бы основание взять Питера под опеку. Как я уже

сказал, Гэри находится под круглосуточным наблюдением. Мы будем знать, если он заберет ребенка.

– То есть, раз Гэри находится под наблюдением, вы точно знаете, что он не убивал Грегори Манро?

– Да. Его алиби подтверждается. Он весь вечер сидел дома.

– И вы уверены, что Гэри Уилмслоу не имеет отношения к убийству Грегори Манро, и оно никак не связано с операцией «Хемслоу»?

– Абсолютно. Грегори Манро вообще никогда не всплывал на нашем горизонте. Надеюсь, вы найдете способ увести свою команду в другом направлении. На вашем месте я рассматривал бы версию ненависти к гомосексуалистам. Слили бы это дело одной из следственных групп, которые занимаются расследованием убийств на сексуальной почве.

– Кто вам сказал, что убийство Грегори Манро совершено на *сексуальной* почве? Пока что у нас только косвенные улики.

– Но этими косвенными уликами вполне можно воспользоваться, Эрика. Конечно, вам решать, но вы оказали бы себе услугу, если бы сбагрили это дело.

– По-моему, у них своих забот хватает, сэр.

– А у кого их мало? – Марш выскреб из чашки остатки мороженого.

– В общем, пришли к тому, с чего начали. – С минуту Эрика сидела в угрюмом молчании, наблюдая за прохожими, что шли мимо окна. Все они казались счастливыми, радуясь солнечному дню.

– Кстати, появилась вакансия суперинтенданта, – сообщил Марш, проглотив мороженое.

Эрика снова обратила на него взгляд.

– Надеюсь, сэр, вы подадите на повышение мою кандидатуру, если уже не подали? Засиделась я в старших инспекторах, и я заслуживаю...

– Пойдите, пойдите, вы ведь даже не знаете, где это, – заметил Марш.

– Мне все равно, где.

– Вы же только что сказали, что уже привыкли жить здесь!

– Привыкла, но в последнее время у меня такое ощущение, что про меня забыли. В прошлом году была должность суперинтенданта, ее отдали другому, и вы не...

– Я считал, что вы еще не готовы.

– И что дает вам право принимать такое решение, Пол? – вспыхнула Эрика.

Брови Марша взвились над темными очками.

– Эрика, вы тогда только-только вернулись на службу после тяжелого

ранения, перенесли сложную операцию, не говоря уже про психологическую травму...

– А еще я успешно вычислила преступника, совершившего четыре убийства, и на блюдечке преподнесла столичной полиции главаря румынской банды, нелегально поставлявшей в Англию проституток из Восточной Европы!

– Эрика, никто вас не поддерживает так, как я, но надо овладевать навыками тактического лавирования. Для продвижения по служебной лестнице в полиции недостаточно быть гениальным сыщиком – нужно еще обладать служебным чутьем. Было бы неплохо, если бы вы наладили отношения с помощником комиссара Оукли.

– Моих достижений должно быть достаточно. У меня нет ни времени, ни желания лизать задницы начальству.

– Да не надо ничего лизать. Просто будьте немного... покладистее.

– Так где освобождается должность суперинтенданта?

– Здесь, в столичной полиции, в Скотленд-Ярде, в Отделе расследования нераскрытых преступлений.

– Так вы выдвинете меня, да? – настаивала Эрика.

– Да.

Эрика пристально посмотрела на Марша.

– Я *подам* вашу кандидатуру, – повторил он.

– Спасибо. Значит, у меня тем более есть основания не трогать Гэри Уилмслоу?

– Да. – Марш постучал ложкой в пустой чашке. – Хотя из эгоистических соображений мне жалко вас терять.

– Уверена, вы это переживете, – криво усмехнулась Эрика.

У Марша в кармане зазвонил телефон. Он вытер рот, достал аппарат. Когда ответил, сразу стало ясно, что ему звонит жена, Марси.

– Черт, – выругался он, положив трубку. – Совсем потерял счет времени. Сегодня мы планировали провести вечер вдвоем. Мама Марси забрала детей.

– Понятно. Марси привет. Мне тоже пора бежать, – солгала Эрика.

– Ладно, завтра состыкуемся, – сказал Марш. Эрика смотрела, как он вышел из кафе и остановил ехавшее мимо такси. Не отнимая телефона от уха, Марш сел в машину, и такси тронулось с места.

Люди вокруг наслаждались солнечной погодой, гуляя парами или в компании друзей. Эрика положила в рот большую ложку йогуртового мороженого и задумалась. Интересно, Марш специально ляпнул про повышение, чтобы задобрить ее, или его обещание было искренним? Она

вспомнила дело Грегори Манро и про то, что она вернулась к тому, с чего начала.

– Черт! – громко произнесла Эрика.

Две девушки, сидевшие рядом у окна, переглянулись и, взяв свои стаканы с мороженым, перешли за другой столик.

Глава 14

СОВА: Привет, Герцог.

ГЕРЦОГ: Слава богу. Ты долго молчала. Я уж стал волноваться.

СОВА: Волноваться?

ГЕРЦОГ: Да. Ты не появлялась в Сети. Я подумал, что тебя...

СОВА: Что?

ГЕРЦОГ: Сама знаешь. Не хочу печатать.

СОВА: Арестовали?

ГЕРЦОГ: Будь осторожна.

СОВА: У нас криптографическая защита. Непрошибаемая.

ГЕРЦОГ: Никогда не знаешь, кто за тобой наблюдает.

СОВА: У тебя паранойя.

ГЕРЦОГ: Это еще не самое страшное.

СОВА: Что ты имеешь в виду?

ГЕРЦОГ: Ничего. Просто соблюдаю осторожность. И тебе советую.

СОВА: Я слежу за новостями, просматриваю газеты. Им ничего неизвестно.

ГЕРЦОГ: Будем надеяться, что они не догадаются.

СОВА: Хочу еще одного убрать.

ГЕРЦОГ: Уже?

СОВА: Да. Времени мало. Я уже веду наблюдение за следующим в моем списке. Скоро приступлю к исполнению.

ГЕРЦОГ: Уверена?

СОВА: На все сто. Организуешь кое-что для меня?

Герцог молчал. На экране запузарились точки, выстраивавшиеся в запись: ГЕРЦОГ печатает...» Вскоре запись исчезла.

СОВА: Ты еще здесь?

ГЕРЦОГ: Да, сделаю.

СОВА: Отлично. Буду ждать. Этот опомниться не успеет.

Глава 15

Когда Эрика вышла из душа, уже сгущались сумерки. Завернувшись в полотенце, она босиком прошлепала в спальню и включила свет. Она снимала небольшую квартиру на первом этаже старого жилого дома в Форест-Хилл, стоявшего на зеленой улице чуть в стороне от центральной дороги. Эрика жила здесь уже полгода, но квартира по-прежнему оставалась голой, словно она только что переехала. В чистой спальне царила спартанская обстановка.

Эрика прошла к комоду, над которым висело зеркало в золоченой раме, и глянула на свое отражение. Лицо, смотревшее на нее, не дышало уверенностью. Короткие светлые волосы с проседью всклокочены. В молодости Эрика никогда не переживала за свою внешность. Природа наградила ее привлекательным славянским лицом с высокими скулами, гладкой кожей и миндалевидными зелеными глазами. Но теперь в уголках этих самых глаз собирались морщинки, да и на лбу морщин было много, а кожа лица утратила упругость.

Эрика перевела взгляд на стоявшую у зеркала фотографию в рамке, с которой ей улыбался красивый темноволосый мужчина – ее покойный муж Марк. Ей казалось, она никогда не свыкнется с мыслью, что его больше нет. Горе усугубляло чувство вины – ответственность за его гибель лежала на ней, – по нескольку раз на день пронзавшее ее сердце. Неожиданностью для Эрики стало ее отношение к старению. В ее восприятии каждый минувший год еще больше отдалял их друг от друга. В ее воспоминаниях, на фотографиях Марк оставался таким, каким был до смерти. Она с течением времени превратится в старуху, а Марк всегда будет молодым и красивым.

Несколько дней назад по дороге на работу она услышала по радио песню «Вечно молодые» в исполнении группы «Альфавиль»^[7]. Ей пришлось остановить машину, чтобы совладать со своими эмоциями.

Эрика провела пальцами по рамке с фотографией, потом – по линиям волевого подбородка Марка, его носа, теплых карих глаз. Взяла фото, подержала в руке, ощущая тяжесть рамки. Выдвинув верхний ящик комода, она глянула на аккуратно сложенное нижнее белье, затем приподняла одну стопку, намереваясь положить под нее снимок. Пару секунд помедлила и убрала руку. Ящик задвинула, а фото в рамке снова поставила на полированную деревянную поверхность.

Через пару недель исполнится два года со дня смерти Марка. Из глаза выкатилась слеза, с тихим шлепком упавшая на комод. Эрика не была готова отпустить его. Ее страшило, что однажды такой день настанет.

Она отерла лицо и прошла в гостиную. Как и спальня, эта комната была чистая и функциональная. Диван, журнальный столик, перед ними – небольшой телевизор. Книжные полки вдоль стены по левую сторону от окон, выходивших во внутренний дворик. На подоконниках – рекламные листки кафе, отпускающих обеды на дом, телефонные справочники и роман «Пятьдесят оттенков серого» в мягкой обложке, забытый предыдущим жильцом. На диване лежали открытые папки с копиями досье Гэри Уилмслоу и материалами дела по убийству Грегори Манро, на журнальном столике светился экран ноутбука. Чем больше она читала о Гэри Уилмслоу, тем больше досадовала и раздражалась. Питерсон был прав: у Гэри был веский мотив для убийства Грегори Манро, а ей вот теперь велено оставить его в покое.

Эрика взяла сигареты и открыла дверь, что вела во двор. Луна освещала небольшой общий садик – квадратик ухоженного газона с силуэтом яблони на дальнем краю. Соседи, как и она, работали с утра до вечера и жили замкнуто. Эрика вытащила из пачки сигарету и запрокинула голову, проверяя, горит ли свет в верхних окнах. От кирпичной стены, поднимавшейся вверх на четыре этажа, прямо в лицо ей веяло жаром. Закуривая, она помедлила, обратив внимание на большую белую коробку на стене с красной маркировкой «ОХРАНА ДОМОВ».

Что-то сверкнуло в глубине сознания. Эрика поспешила в дом. Зажав меж зубами сигарету, она схватила папку с материалами дела Грегори Манро и принялась листать ее, пропуская свидетельские показания и фотографии. Зазвонил телефон. Она ответила, подбородком подпирая телефон у уха, чтобы не занимать руку, и продолжала рыться в папке.

– Привет, Эрика, это я, – зазвучал в трубке голос Айзека.

– Да? – рассеянно отозвалась Эрика. Сейчас ей было не до разговоров по телефону – ее больше интересовали материалы дела. – Что-то новое по убийству Грегори Манро?

– Нет, я не по работе. Просто хотел извиниться за вчерашний вечер... Конечно, я должен был предупредить, что на ужине будет Стивен. Знаю, я тебя пригласил, и ты подумала...

– Айзек, твоя личная жизнь – это твое дело, – машинально перебила его Эрика. Она толком и не вникала в разговор, продолжая просматривать снимки комнат в доме Грегори Манро. Крупным планом кухня, еда на столе... Она *знала*, что на одном из фото заметила что-то, но что именно,

никак не могла сообразить.

– Да, но я хотел бы загладить вину, – сказал Айзек. – Придешь на ужин в четверг?

Эрика перевернула страницу и замерла, рассматривая снимок.

– Ты слушаешь? – спросил Айзек.

– Да... Да, с удовольствием. Мне пора. – Не дожидаясь ответа от Айзека, Эрика повесила трубку и кинулась в спальню одеваться.

Глава 16

Айзек разговаривал с Эрикой, стоя у кровати. Когда в трубке зазвучали гудки, он сел и с минуту смотрел на телефон.

– Бросила трубку. Ну, может, и не бросила, но как-то резко оборвала разговор, – сказал он.

Стивен, лежа рядом, работал на своем ноутбуке.

– Я же говорил: синий чулок, – отозвался он, продолжая печатать.

Айзек наблюдал, как на светящемся экране одно за другим струятся слова.

– Ты несправедлив, Стиви. Она – несчастная женщина. Все еще скорбит по мужу, мучается чувством вины за его смерть. К тому же она работает не в той среде, которая располагает к проявлению чувств.

– Предсказуемо. Банально. Пережившая трагедию женщина-полицейский не видит никого и ничего, кроме своей работы, – прокомментировал Стивен, продолжая печатать.

– Ты слишком суров, Стиви.

– Жизнь сурова.

– А как же книги, что ты пишешь? Твой старший инспектор Бартоломью тоже с прибабахом.

Стивен поднял голову от экрана.

– Да, но старший инспектор Бартоломью далеко не банален. Он куда более многослойная личность, чем как ее там...

– Эрика.

– Он – антигерой. Меня хвалят за то, что я создал столь оригинальный образ порочного гения. Я, черт возьми, на «Кинжал»^[8] номинирован!

– Стиви, я тебя не критикую.

– Не приплетай к моей работе свою несчастную подружку-сыщицу.

Последовало неловкое молчание. Айзек принялся собирать обертки от шоколадных конфет, валявшиеся на одеяле вокруг Стивена.

– Я хочу, чтобы ты узнал ее получше, – произнес Айзек. – Вне работы она совсем другая. Я хочу, чтобы вы подружились. Ты ведь слышал, что я пригласил ее на ужин.

– Айзек, меня сроки поджимают. Вот сдам книгу, тогда, конечно, наверно, я мог бы выпить с ней кофе, – ответил Стивен, стуча по клавиатуре. – Прошлый раз она не очень-то приветлива была со мной. Это она должна сделать шаг навстречу, а не я.

Айзек кивнул, глядя на красивое лицо Стивена и его обнаженный торс. Кожа у него была безупречно гладкая. Мерцала в мягком сиянии, отбрасываемом светящимся экраном ноутбука. В глубине души Айзек понимал, что он одержим Стивеном, и что эта одержимость губительна и опасна, но без Стивена ему было невыносимо. Невыносимо просыпаться по утрам и видеть рядом с собой в постели пустое место.

Стивен, печатая, морщил лоб.

– Чем ты занят, Стиви?

– Провожу кое-какие изыскания. Сажу в чате, обсуждая способы самоубийства. – Он поднял глаза на Айзека. – Не волнуйся. Я просто собираю материал для новой книги.

– Народ в соцсетях обсуждает способы самоубийства? – Айзек приковался взглядом к экрану, сминая в комочек обертки от шоколада.

– Да. В Интернете есть чаты, посвященные всем мыслимым и немыслимым причудам и фетишам, хотя самоубийство – не обязательно фетишизм. Здесь люди на полном серьезе обсуждают, как лучше свести счеты с жизнью – самые надежные способы, чтобы никто и ничто не могло помешать. Вот послушай...

– Не хочу, – отказался Айзек. – Я видел слишком много самоубийц: передозировки, повешение, перерезанные вены, отравления бог знает чем. Самые жуткие – прыгуны. На прошлой неделе возился с девочкой-подростком, нырнувшей с эстакады Хаммерсмит. Она ударилась об асфальт с такой силой, что челюсть вдавилась в мозг.

– Боже, – протянул Стивен, снова посмотрев на него. – Можно я это использую?

– Что?

– Отличная история. Я мог бы использовать ее в своей книге.

– Нет! – Айзек почувствовал себя уязвленным.

Стивен снова застучал по клавиатуре.

– Да, и не заглядывай в мою историю поиска в *Google*. Там полно вопросов типа: «За какое время кожа истлевает, если труп похоронен в свинцовом гробу?»

– Я и так мог бы тебе сказать.

– Ты только что заявил, что не желаешь говорить о работе!

– Помочь я могу. Я не сказал, что не буду помогать. Просто не хочу говорить об этом *сейчас*.

Вздыхнув, Стивен положил ноутбук на прикроватную тумбочку.

– Пойду перекурю. – Он взял сигареты и направился к балконной двери.

– Если идешь на балкон, надень что-нибудь, – бросил ему вслед Айзек, глядя на узкие черные плавки, что были на Стивене.

– Зачем? Уже поздно. И темно.

– Затем... Это Блэкхит. Мои соседи – уважаемые люди. – Здесь он немного покривил душой. Недавно рядом поселился парень, который, как подозревал Айзек, был гей. Он страшно боялся, что его сосед и Стивен познакомятся. В конце концов Стивен раз уже бросал его.

– Внешне, может, и уважаемые. А кто знает, что происходит за закрытыми дверями? – поддразнивающим тоном произнес Стивен.

– Прощу тебя... – Айзек попытался его обнять, но Стивен, закатив глаза, увернулся и натянул на себя футболку. Сунув в зубы сигарету, он пошел на балкон. Айзек провожал его взглядом, любясь высокой атлетичной фигурой Стивена, его упругими ягодицами, обтянутыми плавками, его капризными губами, из которых свисала сигарета.

Как профессионал Айзек не имел себе равных: высококвалифицированный судмедэксперт, он сделал блестящую карьеру. Он досконально знал свое ремесло и руководствовался только собственным мнением. Однако в личной жизни Айзек был абсолютно беспомощен. Стивен Линли перевернул его мир вверх тормашками. Стивен задавал тон в их отношениях и манипулировал его чувствами. Айзека это одновременно волновало и нервировало.

Он взял ноутбук Стивена. На экране участники чата вели активную переписку. Он минимизировал окно сайта, и на экране появился текст нового романа, над которым работал Стивен. В книгах Стивена властвовала мрачная атмосфера жестокости. Читать их было неприятно, но Айзека влекло к ним, и ему стыдно было признать, что его воображение волнуют зло и насилие и то, как Стивену удастся проникать в темные закоулки сознания серийных убийц с садистскими наклонностями.

Он уже хотел приступить к чтению, но потом опомнился: ведь он обещал не читать роман, пока тот не будет закончен. Айзек положил ноутбук на место и пошел на балкон, как верный пес, скукающий по хозяину.

Глава 17

На Лорел-роуд было тихо и спокойно. Эрика вставила ключ в замок входной двери дома Грегори Манро и сорвала с нее печать. Она повернула ключ, толкнула дверь, содрав остатки липкой печати, и ступила в прихожую. Послышалось тревожное пиканье, и она увидела светящуюся в темноте панель системы охранной сигнализации.

– Черт, – пробормотала Эрика. Она не предвидела, что криминалисты после осмотра снова поставят дом на сигнализацию. Эрика смотрела на панель, зная, что в запасе у нее всего несколько секунд: потом будут оповещены полицейские, начнется отвлекающая от дел бумажная волокита, ей придется объяснять свое присутствие в доме жертвы. Она набрала комбинацию цифр «4291», и пиканье прекратилось. Это был дежурный код, который часто использовали, сдавая на охрану дом, в котором было совершено преступление. Конечно, это было рискованно, зато полиция сэкономила целое состояние на штрафах за ложные вызовы службы охраны.

В доме стояла удушающая жара, в темноте все еще витал едва ощутимый гнилостный трупный запах от тела Грегори Манро. Эрика щелкнула выключателем, и прихожую озарил свет, едва добивавший до лестницы, поднимавшейся в темноту. Интересно, подумалось ей, что почувствовал бы здесь человек, который не знает, что это – место преступления? Ей самой казалось, что в доме по-прежнему живет дух насилия.

Она прошла мимо лестницы в кухню, включила свет. Нашла то, что увидела на фото: пробковую доску возле холодильника, на которую были прикреплены меню из нескольких ресторанов, отпускающих еду на дом, написанный от руки список покупок и рекламный листок некой охранной компании: «ДОМ ПОД ОХРАНОЙ».

Эрика сняла листок с пробковой доски. Дизайн был профессиональный, но использовалась бумага для печати на обычном струйном принтере. На черном фоне – название фирмы, выполненное красным цветом: «Дом под охраной». Буква «о» постепенно трансформировалась в образ свирепой немецкой овчарки. Под названием – номер телефона и адрес электронной почты. Эрика перевернула листок. На обратной стороне внизу синей шариковой ручкой была сделана надпись: МАЙК, 21 ИЮНЯ, 18.30.

Эрика вытащила свой мобильный и набрала номер, указанный на

рекламном листке. Сначала в трубке было глухо, потом раздался пронзительный гудок и следом автоответчик сообщил ей, что данный номер больше не обслуживается. Эрика прошла к большой раздвижной стеклянной двери в глубине дома и открыла ее, подергав ручку туда-сюда. Дверь с шумом раздвинулась. Эрика шагнула на террасу. На задней стене дома над стеклом висела белая коробка с красной маркировкой «ОХРАНА ДОМОВ» – такая же, как на стене дома, в котором она снимала квартиру.

Эрика вернулась в дом и позвонила Крейну. Когда он ответил, его голос звучал на фоне орущего телевизора.

– Прошу прощения за поздний звонок. Это старший инспектор Фостер. Вы можете говорить? – спросила она.

– Подождите минутку, – послышался шорох, и затем ор телевизора удалился.

– Простите. Я вас с постели подняла, Крейн?

– Нет, все нормально. Вы как раз вовремя – спасли меня от «Настоящих домохозяек Беверли-Хиллз». Карен, подружка моя, это шоу обожает, а я и так на работе целыми днями имею дело с агрессией. Мне совершенно не улыбается по возвращении домой смотреть, как бесятся какие-то чокнутые домохозяйки. Так чем обязан, босс?

– Я по поводу Грегори Манро. Я просматривала распечатки с его телефона и обратила внимание, что 19 июня он звонил в некую фирму по обслуживанию систем охранной сигнализации – «Дом под охраной».

– Подождите, сейчас включу компьютер. Ну да, точно, «Дом под охраной». Один из номеров, которые я проверял сегодня утром.

– И что?

– Оставил сообщение на их автоответчике, потом какой-то парень перезвонил и подтвердил, что некто по имени Майк приходил к Манро по заявке. Проверил систему. Все датчики и сигнальные устройства были в норме, работали исправно.

– Как вам этот парень по голосу?

– Да вроде нормальный. Гнусавил малость, знаете, как это делают спесивые умники. А что?

– Я сейчас звонила по этому номеру. Его не существует. Отключили, – объяснила Эрика.

– Что? – Эрика услышала, как Крейн застучал по клавиатуре, потом до нее донеслось звонкое «бип».

– Я только что послал сообщение на электронный адрес, что указан в рекламе. Оно вернулось. Ошибка подсистемы доставки почты. Сообщение не может быть доставлено, – сказал Крейн.

Эрика снова вышла в темный сад и устремила взгляд на белеющую в ночной мгле коробку с маркировкой «ОХРАНА ДОМОВ».

– Боже, босс. Думаете, это был убийца?

– Да. Рекламный листок, вероятно, ему дали прямо в руки, и, предположительно Грегори Манро позвонил по указанному телефону и договорился, чтобы этот Майк пришел...

– Майка пригласили в дом, и он разведал обстановку: расположение комнат, систему сигнализации, охранное освещение, все, – закончил Крейн.

– И скорей всего сегодня ты говорил с этим Майком. Он перезвонил тебе с номера фирмы «Дом под охраной».

– Черт. Что я должен сделать, босс?

– Нужно отследить тот телефон и адрес электронной почты. Как можно быстрее.

– Номер наверняка одноразовый, но я попробую.

– Также нужно еще раз опросить жителей на Лорел-роуд, подробно расспросить обо всех курьерах и экспедиторах, которых там видели. В частности, видел ли кто-нибудь этого Майка 21 июня.

– Хорошо, босс. Я прямо сейчас могу прогнать кое-что через компьютер. Буду держать вас в курсе.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. В телефоне раздался щелчок: Крейн положил трубку. Она пошла к забору, огораживавшему двор с задней стороны дома. Под ее ногами шуршала сухая трава. По-прежнему было тихо и спокойно. Откуда-то издали донесся едва слышимый рокот проехавшего автомобиля, стрекотали сверчки. Эрика вздрогнула от неожиданности, когда окружавшее ее безмолвие сотрясло громыхание поезда, мчавшегося по железной дороге, что пролегла за садом.

Она приблизилась к забору и присела на корточки под деревом, рассматривая то место в ограждении, где проволока была аккуратно разрезана. Отогнув ее, Эрика пролезла в дыру и через высокую сухую траву выбралась на тропинку. С минуту постояла, обволакиваемая теплом вечера, пока глаза не привыкли к темноте. Потом пересекла узкую тропинку и через брешь в высоких деревьях вышла к железной дороге, убежавшей вдаль. Эрика вернулась на тропинку, достала телефон, включила встроенный в него фонарик, направляя луч вправо и влево. Фонарик освещал тропинку на несколько шагов, а потом та терялась в темноте среди деревьев. Эрика присела под деревом на краю сада и обратила взгляд на дом. Казалось, он смотрит на нее: два темных окна на верхнем этаже были похожи на глаза.

– Так ты наблюдал отсюда? – тихо промолвила Эрика, разговаривая

сама с собой. – Сколько времени ты провел здесь? Что видел? Тебе это не сойдет с рук. Я тебя найду.

Глава 18

Утро еще только началось, а солнце уже палило нещадно. Выжженные газоны перед домами из красного кирпича, что стояли в ряд вдоль улицы, переливались всеми оттенками желтого. Час пик миновал, на дороге было пустынно. Лишь в ясном голубом небе летел самолет, оставляя за собой след.

По пути домой после ночной смены в больнице Симона зашла в супермаркет и теперь, нагруженная пакетами, еле-еле тащиась по тротуару. Пластиковые ручки впивались в ладони, причиняя почти нестерпимую боль; под плотным жакетом с нее градом лил пот, разъедавший воспаленный рубец на животе, который саднил и горел еще и от того, что об него терлась ткань униформы. Симона добрела до обветшавшего дома в конце улицы и толкнула калитку. Та нижним краем упиралась в бетонную дорожку. Симона яростно налегла на нее раз, второй. Калитка внезапно распахнулась, и она буквально влетела во двор, едва устояв на ногах.

Тихо бранясь, Симона быстрым шагом дошла до входа и со стуком опустила пакеты на крыльцо. Посмотрела на свои ладони, иссеченные глубокими красными бороздами. Из дома по соседству появилась пожилая женщина в элегантном платье. Запирая входную дверь, она поглядывала на Симону. Та рылась в карманах жакета, ища ключи. Взгляд соседки скользнул по покосившемуся забору между их участками, по выжженному газону, захламленному старой стиральной машиной, пустыми банками из-под краски и кучей гниющей ежевики, и снова остановился на Симоне, которая теперь стояла неподвижно, глядя на нее.

– О, миссис Мэтьюз, доброе утро, – поздоровалась соседка. Симона не ответила – молча смотрела на нее большими голубыми глазами. Соседку ее взгляд нервировал. Он был мертвенный, в широко расставленных глазах – ни проблеска чувств. – Чудесный день...

Симона продолжала сверлить ее злобным взглядом, пока та не поспешила прочь.

– Вечно нос свой всюду сует, стерва, – пробормотала Симона, затем повернулась и插вила ключ в замок. В замызганной прихожей громоздились кипы старых газет. Симона втащила пакеты с покупками в дом и бросила ключи на старый деревянный стол. Потом повернулась, закрыла входную дверь. Некогда она была красивой, эта дверь, украшена

витражом с ромбовидным узором. В солнечные дни витраж отбрасывал мозаику мягких красок на выцветший ковер в прихожей. Теперь он был заколочен; над доской, прибитой к дверной раме, виднелись лишь несколько синих ромбиков.

Симона заперла дверь, повернулась, и у нее от страха сдавило горло. Посреди коридора стоял мужчина с открытым ртом и глазами, затянутыми белой пеленой. Он был голый, по его рыхлому дебелому телу стекали капли воды.

Она попятилась, почувствовала, что в спину вдавилась дверная ручка. Зажмурилась, снова открыла глаза. Он по-прежнему был там. Теперь вода лилась с него тонкими ручейками – струилась по огромному волосатому животу, по светлой поросли вокруг гениталий. На ковре под ним расплывалось темное круглое пятно от воды, которая стекала с него все быстрее и быстрее. Симона снова зажмурилась и разжала веки. Пошатываясь, он двинулся на нее, длинными желтыми ногтями на пальцах ног цепляясь за ковер. Она ощущала его дыхание. Вонь лука в смеси с перегаром.

– Нет! – крикнула Симона. Она закрыла глаза, вдавливая кулаки в лицо. – ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПРИЧИНИТЬ МНЕ БОЛЬ, СТЭН! ТЫ УМЕР!

Она открыла глаза.

Коридор был такой, как прежде: обшарпанный и сумрачный, но пустой. С улицы донеслось тихое гудение еще одного самолета, летящего в вышине. Она слышала собственное учащенное дыхание.

Он исчез.

На время.

Глава 19

Через неделю, после того как было обнаружено тело Грегори Манро, после обеда – в этот день стояла одуряющая жара – Эрику вызвали на совещание по делу Грегори Манро, которое проводилось в отделении Луишем-Роу. Идя на совещание, она чувствовала себя неуверенно: расследование застопорилось, и она начинала сомневаться в собственном профессионализме.

Совещание проходило в стильно оформленном конференц-зале. На нем присутствовали старший суперинтендант Марш, Коллин Скэнлан, степенная и почтенная, как матрона, пресс-секретарь столичной полиции, Тим Эйкен, молодой психолог-криминалист, и помощник комиссара Оукли, величаво восседавший во главе длинного стола. Оукли никогда не пытался скрывать своей неприязни к Эрике. Ей он напоминал холеную лису: в его тонких чертах сквозило коварство, а волосы стального цвета всегда были безукоризненно уложены. Правда, сегодня из-за жары он выглядел не столь холеным. Его обычно тщательно ухоженные волосы взмокли от пота; он был вынужден снять свой форменный мундир с эполетами, на которых были изящно вышиты знаки отличия его звания, и теперь сидел в рубашке с засученными рукавами.

Первой выступила Эрика, подробно рассказывая о ходе расследования.

– Выяснив, что убийца нанес предварительный визит в дом Грегори Манро, мои сотрудники стали просматривать записи с камер видеонаблюдения на железнодорожной станции Онор-Оук-Парк и в окрестностях. Работают круглые сутки: материала на несколько сотен часов. Повторно были опрошены жители Лорел-роуд. Никто не помнит, чтобы они видели представителя фиктивной компании «Дом под охраной». Ее не существует. Адрес электронной почты, указанный на рекламном листке, ложный; номер телефона – одноразовый, отследить невозможно.

Эрика обвела взглядом сидящих за столом, сознавая, что от ее выступления зависит, удастся ли ей сохранить в своем подчинении следственную группу. Она чувствовала большую ответственность, да еще в конференц-зале сломался кондиционер, и атмосфера была неуютно душной.

– Я активно изучаю подробности личной жизни Грегори Манро, – продолжала Эрика. – По моему мнению, он знал или прежде встречал нападавшего и, имея информацию о его личной жизни, мы могли бы

установить личность убийцы. Но дело это сложное, и мне нужно больше времени.

– Шурин жертвы, Гэри Уилмслоу, тоже находится под следствием за другие преступления, которые расследуются в рамках операции «Хемслоу», – перебил ее Оукли. – Надеюсь, вы не намерены объединять эти два дела, и сотрудники, занимающиеся убийством Манро, не станут вмешиваться в ход операции «Хемслоу»?

– Нет, сэр. На этот счет даны четкие указания, – ответил Марш, многозначительно посмотрев на Эрику. Воцарилось молчание. Взгляды всех присутствующих обратились на Эрику. Марш перевел разговор на другую тему. – Что удалось выяснить относительно гей-порнографии, обнаруженной на месте убийства? Насколько я понимаю, Грегори Манро загрузил в свой мобильный некое приложение для геев?

Этот вопрос Эрика с Маршем уже обсуждали. Она поняла, что он задал его для Оукли.

– Да, сэр. На месте преступления были найдены порножурналы для геев, и он загрузил в свой телефон «Грайндр», но не активировал его. В приложении нет ни контактов, ни сообщений, – ответила Эрика.

– Значит, жертва, возможно, имел гомосексуальные наклонности и тайком встречался с мужчинами? – заключил Оукли.

– Не считая нескольких потрепанных порножурналов для геев, нет никаких доказательств того, что Грегори Манро был подвержен гомосексуальным порывам, – возразила Эрика.

– Почему вы не подумали о том, чтобы проверить места сборищ гомосексуалистов в Лондоне? Общественные туалеты? Парки? – давил Оукли.

– Я *подумала* об этом, сэр. Нам известны несколько таких мест, но они не охвачены камерами видеонаблюдения. Мои люди работают на износ, разбираясь с тем материалом, который у нас *есть*. И наводить справки, шастая по кустам...

– Он был женатый человек с гомосексуальными наклонностями. Не понимаю, почему вы не рассматриваете это как основную версию, старший инспектор Фостер?

– Как я уже сказала, сэр, мы ведем расследование в нескольких направлениях. Мне нужно больше людей, чтобы...

– У вас и без того большая команда, старший инспектор Фостер. Может, прежде чем просить дополнительные ресурсы, объясните, как вы используете те, что уже имеются в вашем распоряжении?

– Сэр, уверяю вас, все члены следственной группы работают на

пределе своих возможностей.

Оукли взял одну из фотографий Грегори Манро, сделанных на месте происшествия, и стал внимательно ее рассматривать.

– Насилие в гей-сообществе зачастую неразрывно связано с сексуальностью. Разве такие люди не ищут тайных встреч с объектами своего вожделения? Не приглашают домой опасных мужчин?

– Сэр, гомосексуалисты разные бывают, – парировала Эрика. За столом повисла тишина.

– Это все из-за жары, сэр. Жара всем действует на нервы, – произнес Марш, сердито зыркнув на Эрику.

Оукли, раздраженно хмурясь, достал из кармана аккуратно сложенный носовой платок и прижал его к лицу, промокая потный лоб. При этом он весьма осторожно приподнял челку, и Эрике вдруг подумалось, что помощник комиссара носит парик. «Сироп, – внезапно пришло ей на ум. – Сироп... Сироп из фиг... парик...»^[9] Ей вспомнилось, как Марк рассказывал ей про рифмованный сленг кокни, когда она только-только приехала в Англию. Она хохотала до упаду.

– Вас что-то развеселило, старший инспектор Фостер? – спросил Оукли, убирая в карман носовой платок.

– Нет, сэр, – ответила Эрика, беря себя в руки.

– Да, веселого мало. Нехватка людей – не единственная ваша проблема. Из-за того, что вы не в состоянии найти подозреваемого, СМИ в очередной раз устроили столичной полиции хорошую взбучку. Сначала местные, а теперь уже и национальные издания. – Оукли показал на газеты в центре стола, пестревшие заголовками: **«ПЕРВОКЛАССНЫЙ ДОКТОР УБИТ В СОБСТВЕННОЙ ПОСТЕЛИ»**, **«ПОЛИЦИЯ ВСЕ ЕЩЕ РАЗЫСКИВАЕТ УБИЙЦУ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ВРАЧА»**. – А вы что молчите, Коллин? Вам есть что добавить?

– Я работаю... – начала Коллин и замялась.

Сейчас скажет: «не покладая рук», подумала Эрика.

– Я делаю все возможное, чтобы моя команда пресс-службы направляла СМИ в верное русло. Правда, нам пока особо нечем их попотчевать – фактов мало, – добавила она, пытаясь свалить вину на Эрику.

– Мы не обязаны кормить с ложечки журналистов. По-моему, несколько преждевременно оглашать какие-либо сведения на столь раннем этапе следствия, – заметила Эрика. – Мы должны опережать журналистов хотя бы на пару шагов и иметь наготове больше информации. В результате они сделали то, что я и ожидала: нашли свой собственный ракурс, увязав данное дело с урезанием бюджетного финансирования в целях экономии.

– Вот-вот, интересно, кого они здесь цитируют, старший инспектор Фостер? – Оукли взял одну из газет. – «По всему Лондону отключены в общей сложности 14 000 камер видеонаблюдения. У полиции недостаточно людских ресурсов для эффективного обеспечения безопасности жителей столицы». Кажется, это вы громко сетовали на нехватку видеокамер?

– Сэр, вы полагаете, что я информирую прессу о ходе следствия?

– Нет, помощник комиссара совсем не это имел в виду, – поспешил вмешаться Марш.

– Пол, я сам за себя в состоянии ответить, – рявкнул Оукли. – Я хотел сказать, что не нужно сеять панику. Вашей команде предоставлены огромные людские ресурсы для расследования этого убийства. И вряд ли ваше вечное нытье по поводу нехватки того-сего поднимает боевой дух. Как по-вашему, сколько еще вам нужно сотрудников?

– Сэр, я не сею панику и не ною, – возразила Эрика.

– Сколько?

– Пять. Я приготовила для вас документ, в котором четко расписано, как я буду использовать...

– Со дня убийства Грегори Манро прошла неделя, и мне нужны гарантии, что вашим сотрудникам найдено надлежащее применение, – перебил Оукли.

– Разумеется, сэр, только...

– Фостер, я бы настойчиво рекомендовал сосредоточиться на версии о том, что Грегори Манро пригласил к себе домой мужчину с целью полового сношения, и этот человек, кто бы он ни был, воспользовавшись удобным случаем, убил его. Преступление по страсти.

– Убийство на почве гомофобии? – уточнила Эрика.

– Мне не нравится это выражение, Фостер.

– Зато оно нравится прессе. И если мы станем вести расследование в данном ключе, на гей-сообщество, вне сомнения, обрушится новая волна негатива. Мы также обнаружили следы незаконного проникновения в дом через кухонное окно, а в проволочном заборе со стороны заднего фасада была аккуратно прорезана дырка. Непохоже, чтобы Грегори Манро пригласил в свой дом убийцу. Самая реальная зацепка – рекламный листок фиктивной фирмы по установке и обслуживанию систем охранной сигнализации. Сейчас сезон летних отпусков. Мы опросили не всех жителей Лорел-роуд, так как некоторые их них в отъезде. Мы также отрабатываем список жалоб в адрес Грегори Манро от его пациентов. И это тоже занимает время.

– Какие-нибудь из жалоб заслуживают внимания? – осведомился

Оукли.

– Таких пока не нашлось, но...

– Я хотел бы послушать нашего специалиста по поведенческой психологии, – в очередной раз бесцеремонно перебил Эрику Оукли. – Тим?

Тим Эйкен, психолог-криминалист, до сей минуты хранил молчание. Его коротко стриженные густые волосы отливали здоровым блеском, на лице – модная щетина, и, несмотря на то что одет он был по-деловому – в рубашку с галстуком, – запястье его обвивала толстая связка разноцветных плетеных браслетов. Он поднял голову от блокнота, в котором вычерчивал кубики.

– Я думаю, что мы имеем дело с индивидом, наделенным чувством жесткого самоконтроля. Он тщательно планирует каждый свой шаг. Физически он силен. Грегори Манро был не субтильного телосложения, однако следов борьбы мы не обнаружили.

– Грегори Манро опоили седативным средством; в его крови обнаружена огромная доза флунитразепама. Флунитразепам – препарат, который используют с целью совершения насилия над жертвой. Преступник, проникший в дом, нашел возможность подсыпать ему наркотик, а потом дождался, когда транквилизатор подействует, – добавила Эрика.

– Да. Флунитразепам также широко используют в среде гей-сообщества для повышения сексуального возбуждения и получения удовольствия, – сказал Тим.

– Сомневаюсь, что многие, кому в баре подмешивали его в напитки, получали удовольствие, – заметила Эрика.

– У убийцы, должно быть, сильно развита интуиция, раз он сумел подбросить рекламную листовку с контактами охранной фирмы и заставить жертву позвонить ему. Принимая во внимание использование седативного препарата, мы не должны исключать фактор гомосексуальности.

– Грегори Манро не подвергался сексуальному насилию, – указала Эрика.

– Да, верно. Но, возможно, у нашего убийцы проблемное отношение к мужчинам с ярко выраженными мужскими качествами, и прежде он имел печальный опыт общения с типом А, то есть альфа-самцами. Возможно, у него склонность к подавлению маскулинных особей.

* * *

– Господи помилуй. Во сколько он нам обходится? – спросила Эрика по окончании совещания, которое тянулось целых сорок минут в атмосфере духоты и дискомфорта. Она покинула конференц-зал и спускалась по

лестнице вместе с Маршем.

– Не жалуете криминальную психологию?

– Почему же? Полезная штука. Просто зачастую на психологов-криминалистов, когда к ним обращаются, смотрят как на волшебников. Но не они ведь ловят преступников, а мы.

– Не жалуйтесь. Не забывайте, он работает на вас. Уговорил Оукли не урезать ваш бюджет.

– Задавив его наукой.

– Вы недовольны?

– Я буду довольна, когда мы поймем убийцу, – ответила Эрика. – Тим не сказал ничего такого, чего мы не знаем. Теория об альфа-самцах сама по себе интересна. Только как бы ей найти толковое применение? Это очень обширная сфера. Мы не можем взять под наблюдение каждого агрессивного доминирующего самца. В мире таких полно.

Марш закатил глаза.

– Вы бы лучше попытались навести мосты с Оукли. Ради собственного блага.

– Я ведь не стала его критиковать за гомофобское высказывание. Это уже кое-что. И потом, какой смысл? Он никогда не восплает ко мне любовью. Никогда не внесет меня в список людей, которых он поздравляет открытками на Рождество.

Они спустились до этажа, на котором находился кабинет Марша.

– Держите меня в курсе, хорошо? – попросил он, шагнув к двухпольной двери.

– Пока вы не ушли, сэр. Есть новости о вакансии суперинтенданта?

Марш остановился и повернулся к ней лицом.

– Эрика, я же обещал, что подам вашу кандидатуру.

– Вы проинформировали Оукли о том, что намерены повесить меня?

– Да.

– И что он сказал?

– Вы же понимаете, я не вправе обсуждать подробности процесса назначения. Ладно, мне пора. – Марш повернулся, собираясь пройти в дверь.

– Еще вопрос, сэр. Что с Питером Манро? Он ведь живет под одной крышей с Гэри Уилмслоу. Меня беспокоит его судьба.

Марш снова остановился, повернулся.

– За минувшую неделю Питер уходил из дома только с матерью в школу. В нескольких комнатах мы поставили «жучки». Насколько мне известно, с ним все в порядке. А Гэри Уилмслоу – представитель рабочего

класса старой закваски. Честь, семья, все такое – для него не пустые слова. К своей родне он никого не подпустит.

– «Жителей Ист-Энда»^[10] насмотрелись, сэр? Надеюсь, вы правы.

– Я прав, – ледяным тоном ответил Марш. И исчез за дверью.

– Как же меня все *обожают*. А я ведь просто пытаюсь делать свою работу, – буркнула себе под нос Эрика, спускаясь дальше по лестнице.

В оперативном отделе потолочные вентиляторы работали на износ, но, казалось, они просто гоняют по помещению жаркий воздух, запахи кофе и потных тел.

– Босс, я только что говорил с районными полицейскими. Соседи, живущие напротив дома Грегори, вернулись из отпуска, – сообщил Питерсон, кладя трубку.

Мосс, сидевшая напротив Питерсона, тоже с кем-то закончила говорить по телефону. Лицо ее покраснело от жары.

– Звонила Эстель Манро, – доложила она. – Говорит, из дома на Лорел-роуд, 14 исчез сертификат, выданный Грегори Манро Генеральным медицинским советом^[11].

– Когда мы вернули дом семье? – спросила Эрика.

– Вчера. Я просмотрела записи криминалистов и перечень всего, что мы изъяли. Про сертификат ГМС там ни слова.

– Значит, его мог взять убийца. Черт. Как мы это упустили?

Глава 20

Эрика, Мосс и Питерсон приехали на Лорел-роуд. Погода была теплая и тихая. Солнце опустилось довольно низко, и та сторона улицы, на которой стоял дом Грегори Манро, находилась в тени.

В конце дороги на улицу сворачивала группа мужчин и женщин в деловых костюмах. У всех лица покрасневшие; мужчины, сняв пиджаки, шли в рубашках с засученными рукавами. Часы показывали чуть больше половины шестого, и Эрика сообразила, что это с электрички сошла первая волна пассажиров, возвращающихся домой из центра Лондона.

Она позвонила в дом № 14. Спустя пару минут дверь им открыла Эстель Манро – в светлых брюках, элегантной белой блузке с узором из роз и желтых резиновых перчатках.

– Здравствуйте, миссис Манро. Мы по поводу медицинского сертификата, – объяснила Эрика.

– Да, – только и произнесла та в ответ. Она отступила в сторону, пропуская их в дом. Эрика узнала острый лимонный запах чистящих средств, к которому примешивался резкий аромат освежителя воздуха. Правда, в доме было прохладно. Все окна были закрыты, жужжал кондиционер.

– Сертификат висел в кабинете Грегори, – сообщила Эстель, закрывая и запирая входную дверь. Эрика отметила, что та поменяла замки – поставила новенький блестящий «Йель» и два новых запора.

Вслед за Эстель, которую мучила одышка, они стали медленно подниматься по лестнице.

– Как справляетесь? – спросила Эрика.

– Да вот, все убираю бардак, что ваши здесь оставили, – сердито отвечала Эстель.

– Мы стараемся как можно аккуратнее работать на месте преступления, но задействовано слишком много людей, и они все одновременно проводят осмотр, – объяснила Мосс.

– Так эти ваши люди... они хоть как-то продвинулись в поиске убийцы моего сына?

– Мы рассматриваем несколько версий, – ответила Эрика.

Они поднялись на верхний этаж. Эстель одной рукой в резиновой перчатке уперлась в бедро и остановилась, переводя дух. Тяжелые портьеры, занавешивавшие окно в холле, были сняты, отчего на

лестничной площадке теперь стало гораздо светлее.

– Инспектор Фоссет, когда отдадут тело моего сына? – спросила Эстель.

– Фостер...

– Мне же похоронами заниматься надо, – сказала Эстель, палец за пальцем стягивая с рук резиновые перчатки.

– Боюсь, прежде нам придется уточнить, с кем из родственников мы должны связаться в первую очередь, – объяснила Мосс.

Лицо Эстель еще больше омрачилось.

– Грегори – мой сын. Я девять месяцев вынашивала его в своем чреве. Первой вы позвоните *мне*, это ясно? Пенни состояла с ним в браке всего четыре года. А я была ему матерью сорок шесть лет... – Эстель сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. – Она позвонила мне... Пенни. Потребовала, чтобы я ей сказала, когда отдадут *тело*. «Тело»! Не «Грегори», не «Грег»... он не любил, чтобы его называли Грегом. Для панихиды Пенни хочет арендовать футбольный клуб «Шерли». Футбольный клуб! На радость Гэри и его друзьям-бандитам!

– Мне жаль это слышать, миссис Манро.

Эстель прошла в ванную, сполоснула руки и, вытирая их о маленькое полотенце, вернулась к ним.

– Сегодня звонил Гэри, угрожал.

– Угрожал? – переспросила Эрика.

– Расставшись с Пенни, Грегори изменил завещание. Мы только что узнали, что этот дом он оставил мне, а свои дома, которые он сдавал в аренду, Грегори оформил в доверительное управление в интересах Питера.

– А Пенни?

Эстель посмотрела на Эрику.

– А что Пенни? Ей достанется четырехкомнатный дом в Шерли. Он дорого стоит. Гэри на чем свет бранился в телефон, сказал, что этот дом по праву должен принадлежать Пенни и что я должна переписать его на нее, *иначе...*

– Иначе что? – спросила Эрика.

– О, а вы включите воображение, инспектор Фоссет. Иначе мне не поздоровится. Подошлет ко мне своих дружков. Под машину попаду, возвращаясь домой из магазина. Полагаю, вы читали его досье?

Эрика, Мосс и Питерсон переглянулись.

– Я сменила замки, – продолжала Эстель, – но мне все равно тревожно.

– Уверяю вас, Гэри Уилмслоу не причинит вам зла, – успокоила старушку Эрика.

Глаза Эстель наполнились слезами, она стала искать салфетку. На помощь опять пришел Питерсон. Он достал из кармана пачку салфеток и протянул ей.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она.

Эрика подала знак Мосс, и они, оставив Эстель на попечение Питерсона, направились по коридору к маленькой комнатке, которая Грегори Манро служила домашним кабинетом.

У окна был втиснут массивный письменный стол из темного дерева, напротив стояли такие же полки с книгами по медицине и романами в мягкой обложке, среди которых Эрика заметила три детектива Стивена Линли о старшем инспекторе Бартоломью.

– Черт! – воскликнула она.

– Что случилось, босс?

– Ничего... – Эрика вспомнила свой разговор с Айзеком на минувшей неделе: они условились, что сегодня она придет к нему на ужин. Эрика глянула на часы: почти шесть.

В кабинет в сопровождении Питерсона приковыляла Эстель.

– Вот здесь он был. – Она показала на стену за столом, где висели две золоченые картинные рамы. Одна была заполнена фотографиями: Грегори и Пенни разрезают свадебный торт; Пенни придерживает солнцезащитные очки на невозмутимой мордочке их кота; Пенни на больничной койке с каким-то свертком в руках – должно быть, с новорожденным Питером, а по обе стороны от нее в неловких позах стоят Гэри, Эстель и мать Пенни в очках. Вторая рама была пуста.

– Я спросила у Пенни, не она ли это забрала. Она ответила, что не она – думаю, в кои-то веки не солгала, – говорила Эстель, показывая на пустую раму. – Телевизор или DVD-проигрыватель она бы взяла, а это – нет.

Натянув латексные перчатки, Эрика подошла к пустой раме и сняла ее со стены. Рама оказалась легкой, из пластика.

– Вы к ней прикасались, миссис Манро?

– Нет.

Эрика повернула раму обратной стороной, но сзади ничего не увидела.

– Нужно вызвать дактилоскописта. Шансов мало, но...

– Будет исполнено, босс. – Мосс взяла рацию, сделала заявку. Чей-то голос ответил, что свободных сотрудников нет.

Эрика выхватила у Мосс рацию.

– Говорит старший инспектор Фостер. Мне нужен кто-нибудь сегодня же, сейчас, как можно скорее. Мы нашли новые улики на месте преступления. Лорел-роуд, 14, SE23.

Пауза, затем – «бип-бип».

– Один из наших экспертов работает по краже со взломом в районе Телеграф-Хилл. Уже заканчивает. Я сообщу ей, чтобы она пришла к вам, как только освободится. У вас есть полномочия санкционировать сверхурочную работу? – спросил по рации оловянный голос.

– Да, есть, – рявкнула Эрика.

– Хорошо, – ответил голос.

Эрика повесила раму на место и сняла перчатки.

– Что ж, немного подождем. Мосс, вы со мной. Поговорим с соседями, которые вернулись из отпуска. Миссис Манро, вы позволите инспектору Питерсону подождать с вами?

– Да. Хотите чаю, дорогой? – спросила Эстель.

Питерсон кивнул.

* * *

Через улицу, напротив дома № 14, жила супружеская чета – женщина-европейка Мари и чернокожий мужчина по имени Клод. Обоим было под сорок. Дом их отличали элегантность и этакая модная щеголеватость, а на них самих лежал налет урбанистского шика. В передней все еще стояли несколько чемоданов ярких цветов, и хозяева пригласили Эрику с Мосс в кухню. Мари взяла несколько бокалов, наполнила их водой со льдом из краника в дверце большого холодильника из нержавеющей стали. Два бокала она дала Эрике и Мосс. Эрика сделала большой глоток, наслаждаясь холодной свежестью напитка.

– Мы были потрясены, узнав о том, что случилось с доктором Манро, – сказала Мари, когда они все расселись вокруг кухонного стола. – У нас, конечно, не самый благополучный район, но убийство! – Клод сел рядом с женой, и она взяла его за руку. Он в ответ ободряюще стиснул ее ладонь.

– Мне понятна ваша тревога, но должна подчеркнуть, что, согласно статистическим данным, убийства происходят крайне редко, – заверила их Эрика.

– По статистике и одно убийство – перебор, если в собственной постели замочили мужика, который жил с вами почти что дверь в дверь, – возразил Клод, вращая глазами.

– Не спорю, – согласилась Эрика.

– Нас интересует, не заметили ли вы, чтобы на вашей улице ошивался кто-то подозрительный? – спросила Мосс. – Может, какие-то странные вещи, любая мелочь... В частности, 21 июня между пятью и семью часами вечера.

– У нас здесь не такая улица, милая, – отвечала Мари. – Мы не подглядываем в окна за соседями. Все заняты работой и личной жизнью.

– Вы были дома в тот день, между пятью и семью часами вечера? – спросила Эрика.

– То есть примерно месяц назад... – начала Мари.

– Да, во вторник, – вставила Мосс.

– Я скорее всего еще не вернулась с работы. Я служу бухгалтером в Сити, – ответила Мари.

– Я заканчиваю раньше. Работаю в местном муниципалитете, – добавил Клод. – Если это был вторник, значит, я занимался в спортзале. Он называется «Будь здоров». Это дальше по дороге, в Сиднэме. Там это могут подтвердить. Вход в зал по электронным пропускам.

– Не волнуйтесь, вас никто не подозревает, – успокоила их Эрика. – Вы хорошо знали Грегори Манро?

Они покачали головами.

– Хотя с нами он всегда был приветлив и учтив, – добавил Клод. – Он считался нашим врачом, но мы к нему ни разу не обращались. Пожалуй, только раз были у него в клинике, несколько лет назад, когда заводили карточки.

Эрика с Мосс обменялись унылыми взглядами.

– Да, вот еще что, – начал Клод. Он глотнул ледяной воды и стал в задумчивости перекачивать ее во рту. С его бокала на деревянный стол стекали капли конденсата.

– Нам важна любая мелочь, – повторила Мосс.

– Ах, ну да, – согласилась Мари. – Я тоже их видела.

– Кого? – спросила Эрика.

– В последнее время к доктору Манро заходили симпатичные молодые люди, – сообщил Клод.

Эрика посмотрела на Мосс.

– Можно поточнее?

– Ну знаете, такие мускулистые, – объяснила Мари. – Первый на вид был сексапильный работяга, и я подумала, что доктор Манро нанял его для какой-то работы. Но на следующий день в дом к нему постучал молодой человек совершенно другого типа. Очень красивый. Модельной внешности, если вы понимаете, о чем я.

– Как мальчик по вызову?

– Да. И он пробыл там где-то с час, – добавил Клод.

– В котором часу это было?

– Первые двое приходили в будни. В какие дни, точно не помню. Я с

работы возвращалась, – значит, примерно в половине восьмого... Первого парня доктор Манро поспешил впустить в дом, когда увидел, что я иду. Мне только бросил «привет» и все. А где-то через час – мы как раз ужинали в гостиной – я увидела, как тот парень уходит, – сказала Мари.

– А остальные? – спросила Эрика.

– Один был в субботу утром, кажется. Ты ведь видел, как он рано уходил, да, Клод? – спросила у мужа Мари.

– Да, у нас окно туалета наверху выходит на улицу. Я стоял перед унитазом и увидел, как этот парень вышел из его дома, рано, примерно в семь, – подтвердил Клод.

– И вам это не показалось странным? – спросила Мосс.

– Станным? В Лондоне всякое бывает. И потом, мы тогда еще не знали, что он расстался с женой... Это мог быть друг, коллега, студент-медик или даже нянька, вернее, нянь, – ответил Клод.

– Думаете, его убил кто-то из этих мужчин? – любопытствовала Мари.

– Я буду с вами откровенна: мы пока не знаем. Это одна из нескольких версий.

На какое-то время все умолкли. Мари стирала конденсат с бокала. Клод обнял жену одной рукой.

– Вы сможете составить фотороботы? Нам очень важно знать, как выглядят эти люди хотя бы приблизительно, – произнесла Эрика. – Чтобы не доставлять вам лишних неудобств, мы могли бы прислать нашего специалиста к вам прямо сюда, домой?

– Да, конечно, – согласился Клод. – Если это поможет поймать убийцу.

* * *

Мосс и Эрика вышли на улицу под палящее солнце и поспешили на теневую сторону.

– Я считаю, что это результат, – сказала Мосс.

– И, если повезет, уже сегодня вечером, у нас будет фоторобот, – согласилась с ней Эрика. Она вытащила телефон и позвонила Питерсону, чтобы прояснить обстановку.

– Пока ничего, босс, – ответил он. – Дактилоскопист еще не закончила в Телеграф-Хилл. Эстель Манро пошла за молоком... Ключа от дома у меня нет, закрыть его я не могу.

– Ладно, мы идем. – Эрика отключилась, убрала телефон в сумку и посмотрела на часы: начало восьмого.

– Куда-то торопитесь, босс? – спросила Мосс.

– У меня ужин на вечер запланирован, с Айзеком Стронгом.

– Я могу остаться здесь с Питерсоном, если вам нужно бежать. Похоже, мы тут застрянем надолго. Маловероятно, что на раме есть отпечатки, но я сразу же вам сообщу. И по фотороботу тоже.

– А вам разве домой не нужно, Мосс?

– За меня не переживайте. Силия Джейкоба в бассейн повезла, так что на весь вечер я предоставлена сама себе. Вы, я знаю, редко... – Мосс осеклась.

– Редко куда-нибудь хожу?

– Я не хотела вас обидеть, босс, – сказала Мосс, покраснев еще больше.

– Знаю. Все нормально. – Покусывая губу и щурясь на солнце, Эрика смотрела на Мосс.

– Честно, босс, я позвоню в ту же секунду, как снимут отпечатки. А на составление фотороботов может уйти несколько часов. Что Айзек готовит на ужин?

– Не знаю.

– К тому времени, как вы поедите, мы уже получим какие-то ответы.

– Ладно. Спасибо, Мосс. Я ваша должница. Звоните сразу же, как что-то прояснится, любая мелочь, хорошо?

– Обещаю, босс.

Эрика села в машину и уехала. Мосс смотрела ей вслед, надеясь, что найдутся новые улики, которые дадут толчок расследованию.

Старший инспектор Фостер остро нуждалась в зацепках, которые помогли бы выйти на след убийцы.

Глава 21

– На следующей неделе наступит самый длинный день в году, а потом ночи начнут прибывать, – сказала Симона. Она стояла у маленького окошка в палате Мэри с видом на промышленные мусорные баки и мусоросжигательную печь. Со всех сторон к ним подступали стены высоких кирпичных зданий, но наверху в просвете сверкал кусочек лондонского неба. Солнечный шар, казалось, был насажен на шпиль часовой башни, торчавшей над вокзалом Кингз-Кросс.

Симона подошла к кровати, где с закрытыми глазами лежала Мэри, до подбородка укрытая одеялом, которое едва-едва шевелилось от ее поверхностного дыхания, да и тело под ним, казалось, усохло. Смена Симоны окончилась час назад, но она решила задержаться. Мэри угасала. Ждать осталось недолго.

Симона взяла из шкафчика черно-белую фотографию Мэри и Джорджа и прислонила ее к графину с водой.

– Вот, мы здесь все вместе. Я, ты и Джордж, – промолвила Симона. Она просунула руку под оградительную штангу и взяла ладонь Мэри в свою. – Ты выглядишь счастливой на фото, Мэри. Жаль, что не можешь рассказать мне о нем. На вид он настоящий мужчина... У меня никогда не было близкой подруги. Мама о сексе со мной никогда не разговаривала, только все твердила, что секс – дело грязное. Я знаю, что она ошибалась. Секс – не грязное дело. Секс, если он освящен любовью, прекрасен... Тебе было хорошо с Джорджем?

Симона посмотрела на снимок. Красавчик Джордж щурился на солнце, крепкой рукой обнимая Мэри за тонкую талию.

– Тебе нравились вечера, когда вы ходили вместе куда-нибудь? Он водил тебя на танцы? Провожал вечером до дома?

Симона взяла щетку для волос и принялась бережно расчесывать Мэри.

– Меня темнота пугает, Мэри. В эти часы мне особенно одиноко.

Шершаво-свистящие звуки, что издавала щетка, скользя по тонким серебристым волосам Мэри, успокаивали. Кожа у старушки была бледная, местами почти прозрачная. От виска к кромке волос тянулась тонкая голубая вена. Симона приподняла ее голову, чтобы подлезть щеткой под затылок.

Виших, виших, виших.

– Я несчастна в браке. Мы никогда особо не ладили, но несколько лет назад стало совсем худо. И я перебралась в гостевую...

Виших, виших, виших.

– Его это не остановило. Он приходит ко мне по ночам. Я баррикадирую дверь, но он врывается...

Виших, виших.

– Силой меня берет.

Виших.

– Это больно. Он причиняет мне боль...

Виших, виших.

– Ему нравится мучить меня, и он никогда не останавливается. Никогда. Не. Останавливается. Пока. Не. Удовлетворится!

Раздавалось ритмичное глухое постукивание. Симона не сразу сообразила, что щетка застряла в спутанных волосах. Пытаясь расчесать узел, она яростно дергала за щетку, и голова Мэри билась о металлическую оградительную штангу.

Симона выпустила из руки щетку и отступила на шаг. В голове у нее шумела кровь, руки тряслись. Мэри лежала, словно пьяная, на боку; с той стороны, где ее голова упиралась в штангу, глаз был приоткрыт.

– О, Мэри! – Симона наклонилась, отцепила щетку от свалывшихся волос на затылке Мэри, затем бережно повернула старушку на спину и подоткнула под нее одеяло. На виске под тонкой кожей Мэри проявлялся кровоподтек.

– Прости, Мэри, прости меня. – Симона нежно провела пальцам по синяку. – Пожалуйста, прости... – Она еще раз поправила одеяло. Солнце скрылось за другими корпусами больницы, и в палате стало сумрачно и холодно. – Я что угодно готова для тебя сделать... Ты очень много для меня значишь, и в доказательство я покажу тебе кое-что...

Симона шагнула к двери, открыла ее, проверила, нет ли кого в коридоре. Затем нагнулась, взялась за подол своего форменного платья и стала медленно тянуть его вверх, выставляя напоказ плотные темные колготки, через которые просвечивала бледная кожа ее толстых ног. Она задирала платье все выше и выше. Вот показался пояс колготок, трусы, врезающиеся в белый живот. Симона чуть поменяла позу, задрав платье до самой шеи, так что материя сбилась в кучу над ее грудью. Весь участок тела под грудной клеткой, включая то место, где некогда был пупок, покрывал ядрено-розовый морщинистый крапчатый шрам, исчезавший под мягкой сероватой тканью бюстгальтера. Симона подошла к старушке, взяла ее руку, прижала к шраму и стала безвольной старческой ладонью

поглаживать свою обезображенную кожу.

– Чувствуешь, Мэри? Это он сделал. Он меня обжег... Я нуждаюсь в тебе не меньше, чем ты – во мне.

С минуту Симона постояла у кровати, ощущая на своей изуродованной покрытой рубцами коже прикосновение прохладного воздуха и тепло ладони Мэри, потом осторожно положила старческую руку на койку, опустила подол, расправила на себе платье. Затем нагнулась к своей сумке, что стояла на полу у кровати, и вытащила из нее конверт.

– Чуть не забыла. Я принесла тебе открытку! Хочешь покажу? – Симона просунула палец под клапан плотного конверта, вскрыла его и достала открытку. – Смотри. Это акварель, тутовое дерево... Вы ведь с Джорджем сидите как раз под тутовником. Хочешь прочитаю, что я написала на открытке? «Моей лучшей подруге Мэри. Поправляйся скорее. С любовью от сестры Симоны Мэтьюз».

Симона поставила открытку на шкафчик рядом с фотографией и графином, включила лампу над кроватью, потом села и взяла руку Мэри в свои ладони.

– Ты не поправишься, я знаю. Абсолютно в этом уверена. Но важно ведь то, что я желаю тебе добра, правда? – Она потрепала Мэри по руке. – Ну вот, и нам снова стало уютно. Если не возражаешь, я побуду еще здесь с тобой, ладно? Не хочу идти домой. Дождусь, пока он заснет.

Глава 22

Айзек встретил ее на пороге в шортах и футболке без рукавов. Из кухни неслись ароматные запахи его стряпни.

– Боже, кто эта элегантная красавица, что явилась моему взору? – произнес он, оглядывая Эрику с ног до головы: ее длинное летнее платье, стильно уложенные волосы, длинные серебряные подвески в ушах.

– Послушать тебя, так я всегда одеваюсь как бомжиха, – сказала она.

– Вовсе нет, но ты неплохо поработала над собой, – улыбнулся он. Они обнялись. Эрика ступила в дом и вручила ему запотевшую бутылку белого вина. Они прошли на кухню. Эрика обрадовалась, увидев, что других гостей нет.

– Стивен занят, работает... Просил передать, что любит тебя и приносит свои извинения. Ему скоро новую книгу сдавать, сроки поджимают, – объяснил Айзек. Он откупорил бутылку, пробка вытащилась с благозвучным хлопком. – Не против, если мы для начала выпьем вина с сигаретой на балконе?

Они вышли на балкон с бокалами, закурили. Низкое солнце отбрасывало длинные бархатные тени на простирившийся перед ними город.

– Красота какая, – восхитилась Эрика, пригубив бокал.

– Пока не забыл. Стивен просил передать тебе кое-что. – Айзек исчез за дверью и вскоре вернулся с книгой. – Его последний роман. Точнее, последний опубликованный...

– «Из моих охладевших рук», – прочитала Эрика название. На обложке был изображен гроб, из которого высывалась мертвенно-бледная рука, приподнимавшая крышку. В руке было письмо, с которого капала кровь.

– Это четвертый роман о следователе Бартоломью, но все они самостоятельные произведения. Читать предыдущие не обязательно. Кстати, он его подписал. – Айзек забрал у Эрики бокал с вином, чтобы она могла открыть книгу.

– «Эрикке, из моих теплых, живых рук, с наилучшими пожеланиями. Стивен», – прочитала она. Ее имя он написал с двумя «к». Она взглянула на Айзека, собираясь отговориться дежурной фразой, и увидела тревогу в его лице: ему отчаянно хотелось, чтобы она приняла подарок и подружилась со Стивеном. – Ой, как здорово! Непременно поблагодарю его при встрече. – Эрика сунула книгу в сумку и забрала у Айзека свой бокал.

– Ты не сердишься? – спросил он. – На прошлой неделе я напортачил с ужином, и...

– Ты уже три раза извинялся. Все нормально. – Она собралась было добавить что-то еще, но тут зазвонил ее телефон.

– Подожди, извини. – Порывшись в сумке, Эрика достала свой мобильник. Звонил Марш. – Прости, я должна ответить.

– Не буду мешать. – Айзек ушел с балкона.

– Сэр? – сказала в трубку Эрика.

– Кто, черт возьми, позволил Питерсону арестовать Гэри Уилмслоу?! – заорал Марш.

– Что?

– Час назад Питерсон задержал Уилмслоу, притащил его в отделение! Вулф уже его оформил, и он теперь в камере, ожидает допроса!

– Где он его задержал? – спросила Эрика, холодея.

– На Лорел-роуд...

– Я была там совсем недавно.

– Вот и нечего было уезжать. Гэри Уилмслоу вломился в дом, сказал, что ему надо забрать свои вещи. Привел Питерсона к тайнику с сигаретами.

– С сигаретами?

– Да – ерунда, нелегальный товар.

– Черт.

– Эрика, если он сядет за несколько пачек контрабандных сигарет, на операции «Хемслоу» можно ставить крест. Оборвется наша единственная прямая ниточка... Все многомесячные труды насмарку!

– Да, сэр, понимаю.

– Вряд ли. Зачем Питерсон его арестовал, черт возьми? Вы же слышали, что говорил Оукли на совещании. Вы расследуете убийство Грегори Манро, к которому Гэри Уилмслоу не имеет отношения! Я еду из Манчестера, возвращаюсь с конференции. Немедленно отправляйтесь в отделение и приструните своих подчиненных. Выпустите Уилмслоу под залог или, еще лучше, найдите способ обойтись официальным предупреждением и освободите его! – Марш повесил трубку.

– Проблемы? – спросил Айзек, возвращаясь на балкон с большим фарфоровым блюдом, на котором были красиво разложены сыр и оливки. Эрика с тоской посмотрела на угощение.

– Звонил Марш. Питерсон не сдержался. Поеду в отделение разбираться. – Она глотнула напоследок вина и отдала бокал Айзеку.

– Прямо сейчас?

– Да. Прелести моей работы. Извини. Не знаю, сколько там проторчу. Я позвоню, – пообещала Эрика и поспешила к своей машине.

Айзек остался на балконе. Он смотрел на город, думая, что, возможно, в ближайшее время она не даст о себе знать, если только не обнаружат очередной труп.

Глава 23

Эрика вошла в отделение Луишем-Роу. В приемной никого, кроме дежурного. Вулф, сидя за своим столом, расправлялся с едой из китайского ресторана.

– Для Гэри Уилмслоу принарядились? – пошутил он, обратив внимание на ее летнее платье свободного покроя на тонких ляпочках.

– Где он? – сердито спросила Эрика.

– В третьей допросной.

– Пропустите меня.

Вулф нажал на кнопку, дверь открылась. Эрика прошла мимо него в коридор. Вулф проводил ее взглядом, впервые заметив, что у нее, оказывается, неплохая фигура и довольно стройные ноги.

* * *

Эрика прошла в массивную стальную дверь, отделявшую блок с камерами для задержанных от помещений, где работали сотрудники полиции, и направилась в комнату, из которой велось наблюдение за ходом допросов. Там перед огромной панелью с видеэкранами сидели констебль Уоррен и один из полицейских в форме. Один из экранов показывал с верхнего ракурса голый кабинет для допросов № 3, где посередине стояли стол и два стула. Один занимал Питерсон, на втором сидел Гэри Уилмслоу со сложенными на груди руками и самодовольной ухмылкой. В углу за Питерсоном сидела на стуле незнакомая Эрике молодая женщина.

– Кто это? – спросила она.

– Констебль Райан, – ответил Уоррен.

– Давай, Гэри, рассказывай. Где ты взял сигареты? – спросил Питерсон в допросной. В наблюдательской динамике придали его голосу металлический призыв.

– Они не мои, – пожал плечами Гэри. В ярком свете его бледная лысина блестела.

– Ты ведь знал, что они там, Гэри.

– Они не мои.

– Грегори Манро зарабатывал более двухсот тысяч в год. Плюс доход от аренды домов...

– Они не мои, – повторил Гэри скучным голосом.

– Он не стал бы рисковать своей карьерой из-за блока контрабандных сигарет...

– Они. Не. МОИ, – повторил Гэри, оскалившись.

– Ты за ними явился в дом? Узнал, что он перешел к Эстель Манро?

Гэри сидел, все также со сложенными на груди руками, и смотрел перед собой.

– Не прикидывайся шлангом, Гэри. Мы были наверху и слышали, как ты угрожал Эстель. Нравится стращать старушек? – не унимался Питерсон.

– Я ей не угрожал, – злобно отвечал Гэри. – Я ее защищал.

– Защищал? От чего?

Гэри рассмеялся, подаваясь вперед за столом.

– От тебя, чумазый. Знаю я таких. При виде белых женщин возбуждаются, как кобели. Даже дряхлые кошелки вроде Эстель вас заводят. – Он откинулся на стуле, ухмыляясь.

– Где ты взял сигареты, Гэри? – заорал Питерсон, явно теряя самообладание.

– Не понимаю, о чем ты, – ответил Гэри.

– Мы ясно слышали, как ты сказал, что пришел за *своими* сигаретами. А потом на чердаке мы нашли двадцать тысяч испанских «Мальборо Лайтс». Упакованных в пластик.

– Мне повезло, я несколько раз отдыхал в Испании, – отвечал Гэри с издевательской улыбкой на лице. – Сигареты тут ни при чем, я просто из вежливости поддерживаю разговор.

Питерсон, глядя на Гэри, придвинул к нему свое лицо почти нос к носу.

– Убери свою рожу от меня... Убери свою рожу...

Питерсон не шелохнулся, продолжая взглядом буравить Гэри.

– Убери от меня свою грязную рожу! – Гэри отклонил назад голову и со всей силы врезал ею Питерсону в лоб.

– Боже! – вскричала Эрика. Она выскочила из наблюдательской и в коридоре налетела на Мосс.

– Чем вы занимаетесь, черт возьми? Почему не там?

– Я пытаюсь разобраться с адвокатом Уилмслоу... – начала Мосс.

Эрика метнулась мимо нее к кабинету для допросов № 3 и рывком открыла дверь. Питерсон с Уилмслоу были на полу. Гэри сидел на нем верхом и кулаком бил его в лицо. Питерсон сбросил его с себя, отшвырнул к стене. Гэри быстро оправился и снова рванулся к Питерсону. Констебль Райан, увидев Эрику, кинулась помогать.

– Быстро! Нужна поддержка. Сюда, живо! – крикнула Эрика, глядя в камеру. Эрика, Мосс и Райан оторвали Гэри Уилмслоу от Питерсона и сумели заковать его в наручники. Губа у него была разбита, он харкал на

пол. В этот момент в дверях появились трое полицейских в форме.

– Проснулись? В камеру его. Живо, – распорядилась Эрика.

– Всегда к твоим услугам, чумазик. – Гэри нахально улыбнулся Питерсону окровавленным ртом, и его потащили прочь. Питерсон медленно поднялся с грязного пола. Две пуговицы на его рубашке были оторваны, нос кровоточил.

– Что вы тут устроили? – спросила Эрика.

– Босс, он...

– Рот закрыть и привести себя в порядок. Потом поговорим.

Питерсон вытер рот тыльной стороной ладони и покинул кабинет для допросов.

– Босс, мы нашли у него уйму сигарет... – начала Мосс. Эрика жестом велела ей молчать.

– Я знаю, что произошло. А вот чего я не хочу знать, так это почему два моих лучших сотрудника не соблюдают процедуру допроса.

– Я пыталась связаться с его адвокатом.

– Выйдем, – сказала Эрика, заметив, что камеры все еще ведут запись их разговора.

* * *

– Вы же знаете, что у Питерсона зуб на Уилмслоу, – продолжала Эрика, когда они вышли в коридор. – Он – подонок, но к убийству Грегори Манро он не причастен, у него алиби. Ваша задача – расследовать убийство, а не тащить в участок всех подряд, кто вам не понравился.

– Дело не в том, что он нам не нравится...

– Идите домой, Мосс. Я все улажу.

– Но...

– Домой. Сейчас же!

– Слушаюсь, босс. – Вытирая со лба пот, Мосс пошла прочь. Эрика осталась одна в коридоре, под жгуче-ярким светом флуоресцентных ламп.

Часом позже она нашла Питерсона в мужской раздевалке на цокольном этаже отделения. Здесь смешивались запахи напольного воска и людских тел. Питерсон сидел на лавке, прислонившись к шкафчикам. На одной из металлических дверей шкафчиков, что стояли напротив, красовалась вмятина, а рука Питерсона была обмотана окровавленной тряпкой.

– Он специально нарывался, босс, – произнес Питерсон, поднимая глаза на Эрику. – Вломился в дом, сшиб с ног Эстель. Нас послал куда подальше.

– Он, конечно, мразь, Питерсон. Но если бы я арестовывала каждого, кто меня посылает, тюрем бы не хватило.

Окон в раздевалке не было, свет горел только над раковинами, окутывая все помещение сумеречным сиянием. В тонком летнем платье Эрика чувствовала себя почти что обнаженной; серебряные подвески в ушах шлепали по щекам. Она сложила на груди руки.

– За что конкретно вы его арестовали, Питерсон?

– У него были контрабандные сигареты, которые он планировал продать!

– И у вас есть доказательства того, что он планировал их продать?

– Ну как же, босс! Там ведь тысячи сигарет!

– Допустим, он собирался их продать, но какое отношение это имеет к нашему убийству? – спросила Эрика.

– Босс, Уилмслоу находится на пробации, – отвечал Питерсон. – Не просто же так. И мы до сих пор не знаем, причастен ли он к убийству Грегори Манро. Зато теперь у нас есть время, чтобы копнуть глубже.

– Он не причастен к убийству Грегори Манро! – раздраженно бросила Эрика.

– Мы этого не знаем, босс. Его алиби подтверждают только сестра и мать, которые...

Эрика прошла к раковине, включила холодную воду. Сполоснув лицо, она набрала в ладони воды и напилась. Потом закрыла кран и промокнула рот бумажным полотенцем.

– Питерсон...

– Что?

– Гэри Уилмслоу находится под следствием за изготовление и распространение детской порнопродукции. Потенциально он является ключевым игроком в обширной подпольной сети педофилов. Полиция ведет за ним скрытое наблюдение. Именно поэтому мы *точно* знаем, что он не убивал Грегори Манро. У него железное алиби.

Питерсон в шоке вытаращился на нее.

– Вы это серьезно?

– Да, серьезно. И я не должна была вам это говорить.

Питерсон грузно наклонился вперед и опустил голову в ладони.

– *Нельзя* поддаваться на провокации сволочей вроде Уилмслоу. Вы же знаете, что это за типы. Он умеет выводить из себя. С детства научен. Я считала вас более умным человеком. Жажда мщения затмевает разум.

– И когда его арестуют? – сипло выдавил из себя Питерсон, словно борясь со слезами.

– Не знаю. Марш сообщил мне об этом пару дней назад, когда я хотела взяться за Уилмслоу. Эта операция называется «Хемслоу». Полиция

считает, что есть фабрика по производству DVD-дисков и отснятый материал... на сотни часов, который загружают в Сеть.

Ее слова повисли в воздухе. Питерсон выпрямился, прижал к глазам ладони.

– Нет, нет, нет, нет... – произнес он. Эрику потрясла его реакция. Он не пытался снять с себя вину или оправдаться. Питерсон отнял руки от лица. – Что же теперь будет?

– Неведение не может служить оправданием, а вы совершили глупость... Но вы не знали об Уилмслоу. Просто выполняли свою работу, хоть и действовали небезупречно. Ваше счастье, что драку в допросной начал Уилмслоу. Я скажу Маршу, что выпала вам по первое число.

Питерсон смотрел на Эрику, пораженный ее спокойным тоном.

– Я имел в виду, что теперь будет с операцией «Хемслоу»?

– Не знаю.

– Вы не требуете, чтобы я сдал свое удостоверение? – тихо спросил он.

– Нет, Питерсон. Я вижу, что вы и так потрясены.

– Да уж.

– Теперь идите домой. Жду вас здесь завтра с ясной головой. Вам будет объявлено официальное предупреждение. К счастью, оно у вас первое.

Питерсон встал, взял куртку и, больше не сказав ни слова, ушел. Эрика озабоченно смотрела на закрывшуюся за ним дверь. Еще час она провела в отделении, улаживая инцидент. Гэри Уилмслоу было сделано официальное предостережение за оскорбительные расистские речи в адрес сотрудника полиции.

* * *

Эрика курила на крыльце. Из отделения в сопровождении своего адвоката, холеного мужчины в сером костюме из ткани в тонкую полоску, вышел Гэри. Он задержался на верхней ступеньке и, убедившись, что адвокат отошел довольно далеко и не услышит его, сказал:

– Спасибо, что отпустили. Кстати, раз теперь я на свободе, может, пойдем позажигаем? Видок у тебя аппетитный.

Эрика повернулась, посмотрела на него. Гэри пожирал ее вожделенным взглядом. Она поднялась на верхнюю ступеньку, где он стоял, поравнялась с ним.

– Дальше неудачной попытки изнасилования дело у нас не пойдет. Впрочем, с другими женщинами, я уверена, ты тоже на большее не способен, – ответила она, приблизив свое лицо к его.

Адвокат заметил, что Гэри не идет за ним, когда уже находился на

полпути к машине.

– Мистер Уилмслоу, – окликнул он своего подопечного, обернувшись.

– Тварь, – буркнул Гэри.

– Кто бы говорил, – ответила Эрика, выдержав его взгляд. Он повернулся, спустился с крыльца и поспешил за своим адвокатом.

Перед входом остановился автомобиль Марша. Тот выбрался из машины. Вид у него был не радостный.

– Нужно поговорить. У меня в кабинете. Прямо сейчас! – Он решительным шагом прошел мимо нее.

Эрика смотрела, как Гэри с адвокатом выехали со стоянки на черном БМВ. Ее не покидало ужасное чувство, что она выпустила из клетки дикого зверя.

Глава 24

– Эрика, вы обязаны контролировать своих подчиненных. Что заставило вас покинуть место происшествия? – спросил Марш, вышагивая по кабинету. Эрика выслушивала его стоя.

– Сэр, когда я уходила, там не было никакого происшествия. Питерсон и Мосс вместе с Этель Манро ждали дактилоскописта... Уилмслоу уже после моего ухода ворвался в дом.

– Я только что из СОУ, где Оукли устроил мне разнос.

– В Следственно-оперативном управлении знают, что по нашему делу у нас с ними возможен конфликт интересов.

– Да, и благодаря инспектору Питерсону столкновение произошло.

– Сэр, ни Уилмслоу, ни его адвокату ни словом не было упомянуто про операцию «Хемслоу». Никто из моих сотрудников о ней не знает. Поэтому Питерсон...

– Совершил глупость. Идиот.

– Я отпустила Уилмслоу, сделав ему официальное предостережение, – сказала Эрика.

– И, думаете, у него это не вызовет подозрений? Мы применяем суровые меры к тем, кто провозит контрабандой сигареты и пускает их на черный рынок. Его задержали за хранение двадцати тысяч контрабандных сигарет, он ударил сотрудника полиции. Разве его не насторожит, что за все это ему позволили отделаться предостережением?

– В голову к нему залезть я не могу, но он профессиональный преступник. Такие всю жизнь существуют на грани паранойи и экзальтации.

– Эрика, Уилмслоу – единственное звено в обширной сети преступников, участвующих в совершении насилия над детьми, к которому нам удалось подобраться. На операцию «Хемслоу» потрачены миллионы, и если его потеряют...

– Его не потеряют, сэр.

– Вы теперь руководите операцией «Хемслоу», Эрика?

– Нет, сэр. Все еще жду вестей о своем повышении...

Марш мерил шагами кабинет. Эрика прикусила губу. «Почему порой я никак не могу удержать язык за зубами?» – укорила она себя.

– Есть подвижки в расследовании убийства Грегори Манро? – наконец спросил Марш.

– В доме Манро сняли отпечатки с одной из картинных рам. Я жду результатов дактилоскопии. Похоже, преступник, проникнув к нему в дом, забрал его сертификат ГМС. Об этом стало известно лишь после того, как криминалисты произвели осмотр и вернули дом Эстель Манро. Также соседи из дома напротив возвратились из отпуска. По их словам, за две недели до убийства они видели, как в дом Манро в разное время входили молодые люди. На вид «мальчики по вызову». Завтра у меня будут их фотороботы.

Марш остановился и посмотрел на нее.

– Передайте все материалы дела одной из групп, специализирующихся на расследовании убийств на сексуальной почве.

– Что?

– На месте убийства обнаружено гей-порно, в его телефон загружено приложение, обеспечивающее доступ к геосоциальной сети для геев, теперь еще и соседи утверждают, что видели, как к нему домой приходили мальчики по вызову...

– Личности этих молодых людей еще не установлены, – заметила Эрика, жалея, что упомянула мальчиков по вызову. – Если мы передадим это дело, оно затеряется в море других дел. А я уже близка...

– Близки к тому, чтобы провалить многомиллионную операцию, вызвать подозрение у опасного преступника, что за ним ведется скрытое наблюдение?

– Сэр, вы несправедливы.

– Послушайте, Эрика. Я настоятельно советую вам отказаться от расследования этого дела и передать его другим службам. А я позабочусь о том, чтобы это не выглядело как провал с вашей стороны.

– Сэр, прошу вас...

– Все, это не обсуждается. Скомпонуйте все материалы по убийству Грегори Манро и будьте готовы передать дело завтра к обеду.

– Слушаюсь, сэр. – Эрика хотела добавить что-то еще, но передумала. Она повесила на плечо сумку и вышла из кабинета Марша, еле сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверью.

* * *

Эрика припарковалась возле своего дома и заглушила мотор. При мысли о том, что надо идти домой, ей стало еще тоскливее. Она опустила стекло и закурила. Дымила сигаретой, вслушиваясь в шум дорожного движения на Лондон-роуд и стрекот сверчков в кустах.

Что-то в этом деле ускользало от нее. Кто убийца – Гэри Уилмслоу? Или один из мальчиков по вызову, навещавших Грегори Манро? Может, у

Грегори что-то было на Гэри, поэтому от него и избавились? Эрику не покидало ощущение, что ответ где-то рядом. Простой ответ. Обычно это маленькая зацепка вроде пропущенного стежка на одеяле. Нужно только найти эту зацепку, потянуть за нее, и клубок распутается сам собой.

Эрике было обидно, что не она найдет убийцу Грегори Манро. Завтра придет на работу и скажет своим коллегам, что дело передается другой следственной группе, как раз в тот момент, когда начинается самое интересное.

Глава 25

ГЕРЦОГ: Получила?

СОВА: Да. Только что. Пропустила доставку почты. Пришлось забирать из отделения... Если бы они знали, что внутри.

ГЕРЦОГ: Все было запечатано?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: ТОЧНО?

СОВА: Точнее некуда. Ножом пакет вскрывала.

ГЕРЦОГ: Тогда ладно.

СОВА: Ты что так дергаешься?

ГЕРЦОГ: Думаешь, они вскрывают почту?

СОВА: Кто?

ГЕРЦОГ: Почтовая служба.

СОВА: Нет. Это противозаконно. Если только ты не террорист.

ГЕРЦОГ: Понятно.

СОВА: А я разве террорист?

ГЕРЦОГ: Конечно, нет.

СОВА: То-то же. Я делаю это на благо общества.

ГЕРЦОГ: Знаю. И общество будет тебе благодарно. Я благодарен.

ГЕРЦОГ: И все же может быть так, что пакет вскрыли, а потом снова запечатали?

СОВА: Но это же я делаю – НЕ ТЫ.

ГЕРЦОГ: Все равно я рискую. В инвойсе указана моя фамилия.

СОВА: Боже, Герцог. Ну ты и бздун.

ГЕРЦОГ: Я не бздун.

СОВА: Тогда заткнись.

Переписка на время прекратилась. Текст застыл на экране.

СОВА: Ты еще здесь?

ГЕРЦОГ: Ничего не принимай как должное. Будь осторожна.

СОВА: Он это заслужил.

ГЕРЦОГ: Заслужил.

СОВА: Моя ненависть столь сильна, что меня саму приводит в трепет, вдохновляет.

ГЕРЦОГ: Ты меня вдохновляешь.

СОВА: И он будет трепетать.

ГЕРЦОГ: Сообщишь, когда будет кончено?

СОВА: Ты узнаешь первым.

Глава 26

Сова катила по пустынным улицам зажиточного квартала Лордшип-лейн в южной части Лондона. Мимо мелькали окутанные темнотой частные магазинчики. Было тихо, слышались только поскрипывание колес горного велосипеда и отдаленный гул города.

Близилась полночь, но от асфальта по-прежнему исходил жар, и Сова, в черном спортивном костюме, обливалась потом. На машине было бы быстрее, но на каждом углу висели камеры видеонаблюдения, фотографировавшие людей и номерные знаки. Риск был слишком велик.

Установить адрес по Интернету оказалось совсем нетрудно. Он был личность известная, любил кричать о своей личной жизни в светской хронике. Сова обнажила в улыбке ряд мелких кривых зубов.

Слишком много болтает о себе.

Поскольку следующая намеченная жертва была публичной фигурой, к тому же нередко попадавшей в скандальные ситуации, Сова опасалась, что его дом находится под защитой надежной системы охранной сигнализации, однако одного простого визита в ясный жаркий день на минувшей неделе оказалось достаточно: один телефонный звонок с одноразового телефона, самодельный рекламный листок несуществующей компании «Белл. Надежные сейфы» – и все дела. Сова была шокирована тем, что увидела его лицо так близко. Ей было трудно скрывать свою ненависть, вести себя легко и непринужденно.

Сова свернула с Лордшип-лейн и остановилась у высокой стены. Тормоза горного велосипеда издали сдавленный визг, прозвучавший слишком громко в тиши улицы.

Вдоль дороги стояли в ряд красивые элегантные дома. За каждым домом был сад. Высокая стена служила боковым ограждением крайнего из них. Сова поставила велосипед за почтовым ящиком, стоявшим близко у стены, затем, используя его как опору, перелезла в сад. Четыре дома были оснащены системой охранной сигнализации. Все шесть садов сзади были обнесены единой высокой стеной, за которой находился автовокзал.

Перебраться через первый сад не представляло труда. Он был заросший, а в окнах большого дома, в котором обитала пожилая дама, свет не горел. Сова почти бесшумно перебежала скволь двор и через низкий забор перелезла в соседний сад.

Охранное освещение включено не было, но владелец этого дома

сделал к нему огромную пристройку, из-за которой площадь сада сократилась до полоски травы у высокой задней стены. Первое окно нижнего этажа затемнено, но второе оказалось приоткрытым на несколько дюймов и из него сочилось мягкое многоцветное сияние. Это была просторная детская, где из мебели ближе к окну стояла только большая деревянная колыбель.

В колыбели стоял, вцепившись пухлыми ручонками в планки высокой боковины кровати, маленький ребенок с огромными глазищами и взлохмаченными черными пушистыми волосами. Он смотрел в сад. Мягкий свет исходил от медленно вращающегося ночника. Сова приблизилась к открытому окну и прошептала:

– Привет.

Малыш переступил с ноги на ногу, хватаясь за край колыбели. Это оказалась девочка. В розовом комбинезоне и в розовой вязаной кофточке. Было душно, кирпичная стена дышала жаром.

– Тебе жарко и скучно? – шепотом произнесла Сова с улыбкой. Малышка улыбнулась в ответ, покачнулась. Потянув за кофточку, она тихо захныкала.

Сове предстояло пройти еще через три сада, но ей стало жалко невинное дитя, изнывавшее от духоты в жаркой комнате. Окно поддалось легко. Сова перенесла ногу через подоконник и залезла в дом. Девочка таращилась на гостью большими круглыми глазенками, не зная, как реагировать на человека, забравшегося в ее комнату.

– Не бойся... не бойся, – прошептала Сова. – Ты – невинное дитя. Еще не имела возможности посеять хаос в этом мире. – Быстрым движением Сова взяла малышку из колыбели, вытянула ее на руках. Та засмеялась. Сова снова поставила девочку в кроватку и, поддерживая одной рукой, чтобы она не упала, другой проворно расстегнула крохотные пуговицы, отцепила каждый рукавчик и сняла кофточку.

– Ну вот, так лучше? – воркующим голосом произнесла Сова. Малышка безропотно позволила, чтобы ее приподняли и положили на крохотный матрас, застеленный белой простынкой с узором в виде серых слоников. Она подняла вверх свои ручонки, а Сова медленно крутанула музыкальный мобиль, что висел над кроваткой.

Заиграла тихая мелодия «Ты мигай, звезда ночная»^[12], и Сова отступила из поля зрения девочки.

* * *

В третьем саду прожектор охранного освещения светил с задней стены, и перебраться через двор было непросто: пришлось идти по самому

краю, чтобы не попасть в его луч.

Четвертый сад оказался несколько неухоженным: высокая трава, пышные клумбы. Сова скользнула мимо пластиковых качелей и заросшей песочницы и притаилась у двери хозяйственной постройки.

Спрятав лицо в капюшоне, так что из-под него виднелся только блеск пары глаз, Сова приставила ухо к двери и прислушалась, затем вытащила длинный кусок тонкой проволоки и вставила его в замочную скважину.

Глава 27

Телеведущий Джек Харт вышел из бара закрытого клуба на Шарлотт-стрит в центральной части Лондона и остановился у входа, наслаждаясь приятным теплом летнего вечера. Несмотря на поздний час на тротуаре толпилась в ожидании большая группа фоторепортеров. Вспышки их фотокамер быстро засверкали, когда Джек сбегал по ступенькам к ним навстречу.

Стройный, поджарый, Джек был хорош собой, с белыми, как снег, волосами. Он носил модную стрижку – подбритые виски и затылок, гладко зачесанная вверх челка. Зубы у него были такие же белые, как и волосы. Сшитый на заказ модный костюм идеально сидел на его высокой фигуре. Он обрадовался, увидев, что его ждут журналисты с Би-би-си, Ай-ти-ви^[13] и «Скай ньюс»^[14], а также традиционная компания представителей желтой прессы, в числе которых находились и его бывшие коллеги. Правда, радость свою он постарался замаскировать на своем красивом лице выражением серьезной задумчивости.

– Вы считаете себя ответственным за смерть Миган Фэрчайлд? – крикнул репортер одной из широкополосных газет.

– Как вы думаете, вашу программу снимут с эфира? – крикнул другой.

– Признайтесь, Джек. Это ведь вы ее убили, да? – промурлыкал один из папарацци, близко подойдя к нему. Вспышка его фотокамеры ослепляла Джека.

Не отвечая, он протиснулся сквозь толпу, сел в черное такси, ожидавшее его у обочины, и захлопнул дверцу. Машина медленно тронулась с места. Репортеры не отставали, объективами фотокамер прижимаясь к стеклу, наполняя салон яркими вспышками света. Наконец они завернули за угол Шарлотт-стрит, и водителю удалось прибавить скорость.

– Моя жена обожает ваше шоу, приятель, – сказал таксист, глядя на Джека в зеркало заднего обзора. – Ведь у вас всё специально подстроено, да?

– Это прямой эфир, здесь может случиться что угодно, – возразил Джек, повторив заученную фразу, которой он начинал каждую свою передачу.

– Говорят, у девушки с вашего шоу, у той, что покончила с собой... Миган... с головой было не все в порядке. Готов поспорить, она так и так

порешила бы себя, приятель, – сказал таксист, снова поймав его взгляд в зеркале заднего обзора.

– Не старайтесь. Я и так собирался дать вам хорошие чаевые. – Джек откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, умиротворяемый мягким покачиванием такси, катившего по улицам Центрального Лондона.

– Как вам будет угодно, приятель, – буркнул водитель.

«Шоу Джека Харта» транслировали по телевидению в утренние часы пять дней в неделю. За последний год рейтинг передачи сильно вырос, но по популярности ей все еще было далеко до основного конкурента – «Шоу Джереми Кайла»^[15].

Джек Харт гордился тем, что его программа идет в прямом эфире. Это придавало шоу остроту, привлекало к нему внимание прессы. Пять дней в неделю его гости в «добрых» традициях «Шоу Джерри Спрингера»^[16] боролись и добивались своих пятнадцати минут славы, полоща собственное грязное белье перед телекамерами, и зрителям это нравилось.

Начинал Джек журналистом на Флит-стрит^[17] и тонкости своего гнусного ремесла постигал в качестве репортера, собиравшего конфиденциальную информацию. Он предавал огласке романы знаменитостей, изобличал бесчестных политиков, писал сенсационные газетные очерки. «Шоу Джека Харта» он часто характеризовал как таблоид, размазанный на объективе камеры.

Случай Миган Фэрчайлд мог служить ярким тому примером: молодая женщина, носившая под сердцем ребенка, отец которого спал с ее собственным отцом. К сожалению, создатели шоу не удосужились выяснить, что отец Миган насиловал дочь на протяжении всего ее детства. На следующий день после выхода в эфир провокационной передачи Миган покончила с собой и со своим нерожденным ребенком, выпив литр гербицида.

На публике Джек демонстрировал раскаяние, и в общем-то вполне искренне: он еще не окончательно очерствел душой, и эти две смерти его печалили. Но за закрытыми дверями Джек и его продюсеры млели от внимания прессы, надеясь, что благодаря шумихе в СМИ рейтинг их передачи взметнется до небес.

Джек открыл глаза и, вытащив телефон, подключился к своему каналу в *Twitter*. Люди до сих пор говорили о смерти Миган, что его немало обрадовало. Еще кое-кто из знаменитостей средней руки прислал сердечные соболезнования. Джек ответил им и затем загрузил страничку *Go Fund Me* – кампании по сбору средств в память о Миган. Сумма

пожертвований только что достигла £100 000. Он поблагодарил всех и снова развалился на сиденье, тихо напевая слова песни *And the Money Kept Rolling In* («И деньги текут рекой») из своего любимого мюзикла «Эвита».

* * *

Спустя сорок пять минут такси затормозило у большого красивого дома в Далидже, где жил Джек. Он поблагодарил водителя, испытывая одновременно облегчение и разочарование от того, что на улице его поджидало мало фоторепортеров. Он насчитал всего пятерых. «Наверно, получили то, что хотели, возле бара. Зачем же еще тащиться за реку?», – рассудил Джек. Он выбрался из машины, расплатился с таксистом через окно со стороны пассажирского кресла. Репортеры защелкали фотоаппаратами. На черном такси и окружающих домах замелькали яркие вспышки.

Джек протолкнулся через небольшую группу фоторепортеров и открыл калитку дома, думая о том, что скоро эта эксцентричная сцена, имевшая место в тихом уголке Далиджа на юге Лондона, будет растиражирована в СМИ по всей стране.

– Вам есть что передать матери Миган Фэрчайлд? – спросил один из журналистов.

Джек остановился перед входной дверью и, повернувшись к репортерам, сказал:

– Вы бы лучше беспокоились о собственной дочери. – С минуту он стоял, задумчиво глядя в объективы, затем развернулся на каблуках, отпер входную дверь, вошел в дом и закрылся от сверкающих вспышек.

Зазвенела охранная сигнализация. Джек быстро набрал четырехзначный код. Экран прибора осветился зеленым, и звонок умолк. Джек снял тонкий пиджак, достал из карманов бумажник с ключами и положил их на столик в прихожей, затем прошел в жилую комнату открытой планировки с видом на темный сад и включил свет. Взору его предстало огромное пустое пространство. Джек подошел к холодильнику, на мгновение остановился перед ним, глядя на рисунки, висевшие на дверце, – рисунки его маленьких детей: сына и дочери. Он открыл холодильник, достал бутылку пива, откупорил ее. Пиво не зашипело: крышка бесшумно слетела с бутылки, звякнув лишь при падении на стол.

Джек глотнул пива. Оно было холодное, но как будто чуть выдохшееся. Он снова открыл холодильник и увидел, что пива там больше нет. Он точно помнил, что оставалось еще три бутылки... В недоумении он постоял пару секунд, затем погасил свет и пошел наверх.

Жилую комнату на мгновение окутала тишина. Из ванной на верхнем

этаже доносились стук и хлопанье, потом зашумел душ. Из двери хозяйственного помещения медленно выскользнула маленькая сбитая фигурка в черном – тень в темноте. Она прошмыгнула через кухню к лестнице и принялась подниматься наверх, полной стопой становясь на каждую ступеньку, чтобы не производить скрипа.

На лестничной площадке было темно, лишь из ванной на ковер падала полоска света. Сова – пара глаз, поблескивающих из глубины капюшона, – подкралась к двери ванной.

Крепкий, гибкий, Джек сложен был великолепно. Сова наблюдала, как он намыливается под душем, как пенится шампунь на его мокрых волосах. Струя мыльной воды текла по его мускулистой спине и меж ягодицами. Купаясь, Джек что-то тихо и монотонно напевал себе под нос.

– Меня тошнит от тебя, – прошептала Сова. Пение прекратилось. Джек с прилизанными, как мех котика, мокрыми волосами убрал голову из-под душа.

Стоять и незаметно наблюдать... как же это пьянит! Подумать только! Вся страна говорит об этом человеке... об этом спесивом, эгоистичном ублюдке! Металлический скрежет. Шум воды прекратился. И Сова снова быстро растворилась в темноте.

* * *

Джек вышел из душа, миновал спальни сына и дочери. Двери пустых детских он держал постоянно закрытыми. Только мимо закрытых дверей каждый вечер он мог проходить, не испытывая тоски и сожаления. С бутылкой пива в одной руке, другой полотенцем вытирая волосы, Джек прошлепал в свою элегантную спальню. Голый опустился на край кровати, уронив на ковер полотенце. Пиво быстро теплело и выдыхалось, поэтому он залпом допил бутылку и поставил ее на тумбочку с другой стороны кровати.

Ему вспомнилось теплое уютное тело жены. Как она часто сидела с книгой в руках, делая вид, что читает, когда он поздно возвращался домой. Книга всегда была всего лишь реквизитом, служила оправданием тому, что она еще не спит и может выразить свое недовольство.

Джек хотел встать и спуститься вниз еще за каким-нибудь напитком, но голова внезапно отяжелела. И руки-ноги тоже. Все тело сковала усталость. Он лег, переместился на кровати так, чтобы голова лежала на подушке, взял с тумбочки пульт и включил телевизор. Канал «Скай» показывал, как он час назад выходил из клуба на Шарлотт-стрит. В нижней части экрана под красным заголовком «НОВОСТИ» он прочитал: «Орган по надзору за СМИ проведет расследование в связи со скандальной

передачей Джека Харта».

Взгляд его блуждал по спальне, снова остановился на телевизоре: краски на экране, казалось, выщелачивались полосами. Джек приподнял голову от подушки, и комната стала кружиться перед глазами. Он опять бухнулся на подушку. Несмотря на жару, его знобило. Он сумел вытащить из-под себя одеяло и укрыться, наслаждаясь теплом.

– Постой, постой, – пробормотал Джек, едва вникая в смысл слов, что ползли по экрану. Шум телевизора обволакивал, комната вращалась. Он дернул головой, и ему показалось, что возле кровати движется некое черное пятно. Оно мелькнуло у двери и исчезло. Где-то в глубине сознания Джек понимал, что с ним происходит нечто нехорошее. Возможно, у него некий суточный грипп. *Постой, если будут проводить расследование, нужно ведь кому-нибудь позвонить*, подумал он.

* * *

Сова не тратила впустую ни секунды: быстро спустилась вниз и заблокировала изнутри входную дверь, затем, взяв маленький аккуратный секатор, перерезала провода интернет-модема и телефонной связи. Огоньки на модеме мигнули и погасли. Из тонкого пиджака Джека, который он повесил в прихожей, Сова вытащила «Блэкберри», извлекла из аппарата SIM-карту, бросила его на пол и раздавила пяткой, покорежив растрескавшийся дисплей.

Осталось отключить энергоснабжение. Прибор охранной сигнализации запищал. Сова ввела PIN-код, и наступила тишина. Сверху донесся тихий стон. Сова взялась за перила и стала медленно подниматься по лестнице.

* * *

Комната теперь вращалась, как сумасшедшая. Джек, лежа на кровати, не сразу сообразил, что телевизор умолк, а экран его потемнел. Впрочем, как и спальня. Ощущение панического ужаса присутствовало, но оно было далеким и размытым, Джек не мог в полной мере его прочувствовать. Ему снова вспомнилась жена, Мари. В темноте он положил руку на вторую половину кровати и пришел в недоумение. Где же она?

Джек почувствовал, как матрас возле него колыхнулся, просел: кто-то забрался в постель. Его ладонь коснулась теплого тела.

– Мари? – прохрипел он в тишине, нащупав плоть под тонкой тканью одежды. – Мари? Когда ты вернулась? – Несмотря на наркотики в крови, он помнил, что расстался с женой. Она его бросила. Ушла и забрала с собой детей. Джек замер, потом попытался отодвинуться.

– Тсссс... Расслабься, – произнес чей-то голос. Принадлежавший не

Мари. Этот голос был резкий и до странного высокий.

Джек попытался встать с кровати, но та под ним кренилась и заваливалась. В руках и ногах сил не осталось, координация движений была нарушена. Он схватился за телефон на тумбочке, но только сшиб его на пол. Потом он почувствовал, что незваный гость залез на него и перевернул на живот. Беспомощно взмахивая конечностями, он силился сопротивляться, но сильные руки проворно сцепили его запястья и рывком перевернули его на спину.

– Хшоо ффыы? – Джек пытался кричать, но язык заплетался.

– Тот, кто жаждет своих пятнадцати минут славы, – рассмеялся голос. Джек услышал, как расстегнулась молния, потом хруст. Кто-то медленно стал надевать ему на голову полиэтиленовый пакет. Руки двигались быстро, дергая за нечто похожее на шнурок, который затягивался у него на шее. У Джека участилось дыхание. Полиэтилен трещал, лип к голове, все плотнее и плотнее приставая к лицу. Один глаз оказался закрытым, а другой, прижатый полиэтиленом, оставался открытым. А потом в пакете кончился воздух.

Сова крепко держала затянутый шнурок, наслаждаясь звуками удушья: kloкочущими хрипами и мычанием. Джек продолжал метаться, воля к жизни прибавляла сил. Он дернул вверх голову, лбом врезавшись Сове в лицо. У той от боли из глаз посыпались искры. Сова усилила давление, туже затянув на шее Джека шнурок, и с размаху кулаком ударила по его сплюсненному искаженному лицу.

Напоследок в сознании Джека промелькнуло, что возле его дома, наверно, все еще дежурят фоторепортеры и что это будет сенсация.

Наконец он содрогнулся, издал слабый писк и застыл. Сова еще несколько минут лежала рядом с телом Джека, наблюдая, дрожа и хватая ртом воздух от возбуждения и эйфории.

Потом бесшумно поднялась с кровати и, словно тень, выскользнула из дома.

Глава 28

Утро следующего дня, несмотря на ранний час, выдалось еще более знойным. Казалось, жар просачивается сквозь стены отделения полиции Луишем-Роу. В оперативном отделе вентиляторы работали на всю мощь, но комната раскалилась, как духовка. Мосс стояла перед демонстрационными досками, докладывала Эрике и остальным коллегам информацию о ходе расследования.

– На картинной раме, что висела на Лорел-роуд, 14, отпечатков не обнаружено, но соседи из дома напротив Грегори Манро опознали одного из молодых людей, которые к нему приходили, – докладывала она. – Вчера вечером Мари и Клод Моррис сумели составить вот этот фоторобот.

Эрика и остальные рассматривали портрет рядом с фотографиями Грегори Манро и Гэри Уилмслоу. Это был молодой парень с худощавым красивым лицом и зачесанными назад темными волосами, открывавшими высокий лоб.

– Констебль Уоррен решил расширить свои горизонты, – продолжала Мосс, – и почти всю ночь провел на веб-сайтах с мальчиками по вызову...

Несколько человек заулюлюкали, и Уоррен покраснел, закатив глаза.

– И теперь мы имеем вот это...

Мосс прикрепила фото с сайта под названием «Мальчики по найму». Сходство с фотороботом было очевидно. Оказалось, что у красивого молодого парня, смотревшего в объектив, были также зеленые глаза и модная небритость на лице. Мосс, умолкнув, закатанным рукавом рубашки отерла лоб и кивнула Уоррену.

Тот встал, несколько тушуясь.

– М-м-м... в общем, так. Зарегистрирован он под именем ДжордиЛеви. Ему восемнадцать лет, живет в Лондоне. Берет в час £250; за хорошие деньги, похоже, готов на многое. Разумеется, свое настоящее имя и адрес он не указал. Я связался с администратором сайта. Тот сказал, что регистрация анонимная, так что здесь ловить нечего, но я продолжаю над этим работать.

Мосс подмигнула Уоррену, и тот снова сел.

– Полагаю, все согласны, что по виду это один и тот же парень. – Она показала на фоторобот и фото ДжордиЛеви, которое тот разместил на сайте. – По-моему, это прорыв.

Раздались аплодисменты. Эрика с тяжелым сердцем, встала со стола с

принтерами, на который она присела, слушая доклады коллег.

– Мосс, Уоррен, отличная работа. Спасибо. Однако вынуждена сообщить, что после тщательного анализа дела вместе со старшим суперинтендантом Маршем и помощником комиссара было решено, что расследование данного преступления относится к компетенции одной из следственных групп, специализирующихся на убийствах на сексуальной почве, – объяснила Эрика. – Сегодня во второй половине дня дело будет передано им. Прошу всех к этому времени скомпоновать собранные материалы и подготовить соответствующие документы.

– Босс, вы же понимаете, что мы вышли на след. Если найдем этого ДжордиЛеви, он выведет нас на убийцу Грегори Манро. Возможно, он что-то видел! – воскликнула Мосс.

– Нам просто нужно время, босс, – добавил Крейн, – причем немного. Поместим на сайт «Мальчики по найму» анкету подставного гомосека и договоримся о встрече с этим ДжордиЛеви. Возможно, он опишет того, кто приходил в дом Грегори Манро, и у нас появится подозреваемый.

– Мне очень жаль, но вопрос решен, – сказала Эрика. Мосс опустила на стул и в расстройстве сложила руки на груди. – Мне это нравится не больше, чем вам. Прошу всех к полудню подготовить сводки и материалы по данному делу.

Под аккомпанемент протестующих голосов Эрика покинула оперативный отдел. В коридоре она направилась к торговому автомату, опустила в него нужное количество монет и нажала кнопку с истершейся блеклой надписью «капучино». Никакой реакции. Она ударила кулаком по автомату, потом еще раз и еще, срывая свое раздражение на бездушной машине. Она не слышала, как к ней приблизилась Мосс.

– Все нормально, босс? Организм требует кофеина?

Эрика обернулась, кивнула.

– Отойдите.

Эрика отступила в сторону, а Мосс вскинула ногу в ботинке и пнула автомат чуть ниже того места, где находилась картинка с дымящейся кофейной чашкой. Автомат пикнул, и под разливное устройство опустился стакан, в который полился кофе.

– Нужно метить в блюдце, – объяснила Мосс.

– Блестящая работа, инспектор, – похвалила Эрика. – Есть ли предел вашим талантам?

– Кстати, это также работает с чаем и супом.

– А в этом автомате есть и суп?

– Угу, из бычьих хвостов. Я бы не стала рисковать.

Слабо улыбнувшись, Эрика взяла из автомата стакан с кофе.

– Босс, можно спросить вас кое о чем? Вы действительно считаете, что это дело должна расследовать другая группа?

Эрика подула на кофе.

– Да, считаю. – Ее огорчало, что она не может быть откровенной с Мосс. Та всегда была ее верным и рассудительным союзником.

– Говорят, появилась вакансия суперинтенданта, – сказала Мосс. – Вы ведь не потому хотите сплавить это запутанное дело?

– Мне казалось, вы знаете меня, Мосс. Не мой стиль.

– Хорошо. Тогда почему? Я знаю вас. Вы не сдаетесь без борьбы. Упорствуете до последнего, как Чарлтон Хестон^[18].

– Что?

– «Только через мой труп»^[19], – произнесла Мосс с плохим американским акцентом. Помолчав, она добавила: – Босс, как же так? Мы столько времени бились башкой об стену, и вот, когда мы почти у цели...

– Мосс, я сказала все, что хотела сказать. Мое решение окончательное.

– Ну хорошо, хорошо. Вы не можете об этом говорить. Тогда просто моргните один раз, если «да», и два – если «нет».

– Мосс.... – Эрика покачала головой.

– Раз вы не можете объяснить, в чем дело, тогда хотя бы мне позвольте высказать свое мнение?

– Разве у меня есть выбор?

– Я думаю, что мы завалены делами, а Маршу необходимо пригласить цифры. Это дело становится все более замысловатым и проблемным. И он решил его сплавить.

– Мосс...

– Думаю, мотив мы определим, когда сложится схема действий убийцы. А чтобы сложилась схема, должен появиться еще один труп.

– Разумно.

– И я точно знаю, как все будет, когда дело у нас заберут. Если появится еще один труп, это снова расценят как «убийство гомосека», в гей-сообществе возникнет эпидемия страха и большая шумиха. Натуралы совершают убийств в десять раз больше. Мужчин, насилующих и убивающих женщин, считают злом. Но когда такое же преступление совершают геи, это воспринимается как естественная составляющая их натуры! И их образа жизни в целом!

Мосс распалялась все больше и больше. Эрика молча наблюдала за ней.

– Извините, босс... Просто... достало все это. Мы только-только вышли на след. Если мы завалены делами, что, у другой следственной группы работы меньше? И пока следствие возглавляли вы, я знала, что это дело в надежных руках. Уже сейчас вижу заголовки: «Разборки между гомосексуалистами в пригороде», «Гей-террор в пригороде Лондона!»

– Я не знала, что для вас это столь личный вопрос.

– Да не совсем... Тут как-то – на той неделе или на позапрошлой – у Джейкоба в школе было занятие, на котором они делали открытки ко Дню отца^[20]. Так его дебильная училка – она ко всему прочему еще и жена приходского священника – никак не могла взять в толк, что у него две мамы. Заставила его сделать открытку для папы, который «где-то есть». Я хотела пойти и дать ей пинка, да Силия меня остановила.

– Мне жаль это слышать.

– Да всякого дерьма хватает. Просто я надеялась, что мы доведем это дело до конца. Надеялась, что и вы к этому стремитесь. Вы умеете противостоять давлению и всегда поступаете по совести. Во всяком случае, так...

Эрика видела, что Мосс хотела сказать «так было до сих пор», но вовремя осеклась. С минуту они стояли в молчании.

– Вам известно, где сегодня Питерсон? – спросила Эрика.

– Он сообщил по телефону, что заболел.

– Не сказал, что с ним?

Мосс помедлила, давая понять Эрике, что ей что-то известно, потом ответила:

– Нет, босс. Я прослежу, чтобы все подготовили отчеты к полудню.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. Мосс направилась в оперативный отдел. Эрика провожала ее взглядом, раздумывая над ее словами.

Глава 29

Остаток утра прошел в гнетущем дурмане жаркого помещения оперативного отдела и подготовке к передаче следственных материалов по делу, к которому Эрика уже прикипела душой.

Из головы не шли слова Мосс. *Только через мой труп...* И вот вам пожалуйста. У нее в руках потрясающая зацепка, ее команда горит энтузиазмом, а она собирается отказаться от дела! Около часу дня, когда Эрика все еще сидела за своим столом, глядя в монитор компьютера, к ней подошла Мосс.

– Босс...

– Да?

– Вы уже передали дело?

– Нет. А что? – Эрика посмотрела на нее.

– Позвонили из местного отделения. В одном из домов Далиджа обнаружен труп. Белый мужчина, голый, задушен в кровати. Признаков насильственного проникновения или борьбы нет. По предварительным данным это Джек Харт.

– Что-то знакомое.

– Он ведет «Шоу Джека Харта» для безработных и неработающих родителей, у которых маленькие дети. Силия его смотрит.

– И местные полицейские считают, это тот же тип, который убил Грегори Манро?

– Местные полицейские ждут кого-нибудь из отдела убийств, но в принципе да, похоже, что это он. Это все еще наше дело?

– Да. Официально это пока наше расследование. Едем, – сказала Эрика.

Глава 30

Джек Харт жил в престижном районе Далиджа на юге Лондона. Дорога круто шла вверх, а затем резко уходила вниз. Проезжую часть перед домом перекрыли, дальше за ограждением стояли пять патрульных автомобилей, машина «скорой помощи» и два больших микроавтобуса службы технической поддержки, блокировавшие проезд с другой стороны улицы. Эрика припарковалась неподалеку от троих полицейских, следивших за тем, чтобы посторонние не пролезли за ленту ограждения. На тротуаре перед домом росла толпа, из которой тянулись вверх фотоаппараты и телефоны.

– Черт, быстро же разлетаются слухи, – заметила Эрика. Они с Мосс вышли из машины и стали протискиваться сквозь толпу, состоящую в основном из подростков, небольшой группы старушек и женщины, прижимавшей к груди крохотного темноволосого малыша.

– Это Джек Харт? – выкрикнул рыжий парень.

– Это дом Джека Харта. Я видела его здесь, – добавила юная девушка с пирсингом на губе.

– Это – место преступления, выключите камеры в телефонах, – приказала Эрика.

– В общественном месте снимать не запрещено, – возразила ей невысокая девушка с растрепанными волосами и с ворсистой розовой сумочкой. В подтверждение своих слов она поднесла телефон к лицу Эрики. – Улыбнитесь: вас показывают по *YouTube*.

– Вообще-то не мешало бы проявить уважение. Здесь было совершено преступление, – ответила Мосс ровным тоном. Пожилые женщины молчали – просто наблюдали.

– Сволочь он был самая настоящая, этот Джек Харт. По его вине погибла Миган Фэрчайлд. Он использовал людей в своих интересах, так почему я теперь не могу использовать его в своих? – спросил бритоголовый парень. Другие подростки, осмелев после его слов, тоже повытягивали вверх телефоны.

– Уберите их подальше, – велела Эрика одному из полицейских.

– Так они же за оцеплением стоят, – ответил тот.

– Тогда включите мозги: передвиньте подальше оцепление! – рявкнула Эрика.

В эту минуту подъехал фургон «Скай ньюс» с большой спутниковой

тарелкой на крыше и припарковался на противоположной стороне дороги.

– Если в помощь нужны еще люди, это не проблема. Выполняйте, – распорядилась Эрика.

– Слушаюсь, мэм, – ответил полицейский.

Эрика и Мосс зарегистрировались в журнале, поднырнули под ленту и пошли к дому.

* * *

Еще один полицейский встретил Эрику с Мосс и провел их в дом. В передней оказалось прохладнее. Убрана передняя была со вкусом: на стене большое зеркало в золоченой раме, на полу – кремовый ковер до самой лестницы с перилами из полированного темного дерева. Вслед за полицейским они поднялись на верхнюю длинную лестничную площадку, где тоже лежал кремовый ковер. В доме стояла неестественная тишина. Эрика сообразила, что здесь, вероятно, хорошая звукоизоляция, блокирующая уличные шумы. Спальня находилась в конце лестничной площадки. В открытую дверь струился солнечный свет, в воздухе лениво кружили пылинки.

– Боже, – выдохнула Мосс, когда они обогнули дверь спальни. На кровати было распростерто голое тело мертвого мужчины. На вид он был рослый, со светлой кожей, гладкой и почти без волос. Лежал на спине, с полиэтиленовым пакетом на голове, туго затянутым на шее. Рот открыт, открыт и один глаз с приплюснутым полиэтиленом веком. Другой, сильно подбитый, полностью заплыл. Зубы обнажены, словно он скалился.

– Кто обнаружил тело? – осведомилась Эрика.

– Одна из продюсеров его шоу, – объяснил полицейский. – Она залезла наверх, разбила окно, что находится сзади вас, и пробралась в дом.

Они обернулись и увидели большое окно, выходившее в сад. В стекле была дыра в окружении трещин. Кремовый ковер под окном усеивали осколки.

– Значит, она подтвердила, что это Джек Харт? – уточнила Эрика.

– Да, – кивнул полицейский.

– Я думала, его шоу идет в прямом эфире по будням каждый день. А сегодня пятница, – заметила Мосс.

Они поразмыслили об этом с минуту.

– Ладно. Нужно скорее вызвать сюда криминалистов, – сказала Эрика, берясь за телефон.

* * *

Айзек Стронг и группа экспертов-криминалистов прибыли быстро. Облачившись в синие комбинезоны, они принялись за работу. Через пару

часов Эрика и Мосс, тоже в синих комбинезонах, снова поднялись в спальню. Для тех, кто обследовал место преступления, вокруг кровати расставили железные ящики, по которым они должны были ступать, чтобы не затоптать улики.

– Ну что, Айзек? Думаешь, это тот же, кто убил Грегори Манро? Полиэтиленовый пакет, жертва – одинокий мужчина, голый... – начала Эрика.

– Не будем спешить с выводами, – сказал Айзек, глянув на нее и на Мосс с противоположной стороны двуспальной кровати. Один из экспертов, вклинившись между ними, сфотографировал тело. – Смерть наступила менее суток назад. В стиснутых кулаках, в области рта и глаз еще заметны признаки трупного окоченения. Дом фасадом смотрит на восток; эта комната, в частности, весь день находится в тени, поэтому температура обеспечила относительно хрестоматийный процесс разложения. Его возвращение домой вчера поздно вечером зафиксировали фоторепортеры, так что здесь мы руководствуемся скорее здравым смыслом, чем наукой. Полиэтиленовый пакет туго затянут под подбородком... – Айзек показал на шнурок, впившийся в кожу. – Возможно, жертва сопротивлялась; левый глаз сильно подбит, удар нанесен тупым предметом – наверно, рукой или кулаком. На тумбочке порожняя бутылка из-под пива, которую мы возьмем на токсикологическую экспертизу. Опять-таки следы борьбы на кровати и в комнате практически отсутствуют: везде полный порядок. Вероятно, убитый был в беспомощном состоянии... убийца лишил его возможности сопротивляться. Признаков сексуального насилия нет. Остальное, как всегда, после вскрытия.

– Что это на простыне? – спросила Эрика, показывая на сероватый налет на темно-голубой простыне рядом с трупом. Она опустила на корточки и заглянула под кровать: пара грязных носков и толстый, местами неровный слой пыли.

– Пыль, – сказала она, отвечая на свой вопрос. – Кто-то испачкался в пыли под кроватью и перенес ее на матрас.

– Черт, значит, кто-то прятался под кроватью, – заключила Мосс. Полицейский фотограф, склонившись над трупом, снимал тело жертвы крупным планом. При каждом щелчке его фотокамера испускала яркую вспышку света. Неожиданно у них за спинами тоже сверкнула вспышка. Эрика повернулась и увидела худого мужчину с ярко-синим ирокезом на голове, притаившегося на участке плоской крыши за окном спальни. Он просунул объектив в дыру в стекле и сделал еще два снимка.

– Эй! – крикнула Эрика, стягивая с лица защитную маску. Она

подошла к окну, но мужчина, в джинсовых шортах и черной футболке с символикой группы *AC/DC*, нагнулся и сделал еще пару снимков. Он метнулся к краю плоской крыши и, раздавив ногами осколки стекла, принялся спускаться вниз, цепляясь за пышные кисти глицинии, маскировавшие водосточный желоб.

– Это еще кто такой? – спросила Эрика.

– Похож на папарацци, – предположила Мосс.

Они выглянули из окна. Мужчина уже спустился на газон. Полицейских в саду за домом не было. Эрика посмотрела на Мосс, и они бросились из комнаты.

Глава 31

Эрика с Мосс помчались к лестнице, едва не сбив с ног эксперта, державшего в руках хрупкий поднос, на котором лежали упакованные в прозрачные пакеты предметы, изъятые с места преступления. Бегом они спустились в жилую комнату открытой планировки и подскочили к окну от пола до потолка, выходявшему во внутренний двор. Эрика попыталась открыть его. Фотограф с синим ирокезом бежал к забору с правой стороны сада.

– Откройте, быстро! – заорала Эрика. Криминалисты в синих комбинезонах обратили на нее взгляды, но их лиц под масками она не различала – видела только блеск любопытных глаз.

– Босс, сюда! – крикнула Мосс, появляясь из двери, что находилась рядом с холодильником металлического цвета. Эрика кинулась за ней. Дверь вела в хозяйственное помещение, где стояли большая стиральная машина и сушка. Узкое вытянутое вверх окно выходило в ухоженный благоустроенный сад, но фотографа нигде не было. Мосс подергала ручку крепкой деревянной двери. – Заперто! И ключа нет, черт возьми! – в досаде воскликнула она.

Они глянули из окна в сад и увидели, что фотограф уже перелезает через забор. Над стиральной машиной и сушкой висели полки с упаковками бытовой химии. На нижней Эрика заметила тяжелый железный ключ. Она взяла его, вставила в замочную скважину. Дверь открылась, и они выскочили в сад. Эрика рванула вправо, ухватила за верх деревянного забора, подтянулась, перелезла в соседний сад. Мосс не отставала. Эрика приземлилась на выжженную траву, на бегу вытащила рацию.

– Он выскочит на Данэм-роуд, – крикнула сзади Мосс.

– Преследуем подозреваемого. Он бежит через сад, который граничит с Данэм-роуд в Далидже. Нужно его перехватить. Пришлите подкрепление. – Эрика достигла забора на противоположной стороне сада, снова подтянулась, перемахнула через стену, легко приземлившись в соседнем дворе. Впереди она увидела фотографа, его синий ирокез исчезал за следующим забором. *Нельзя, чтобы он ушел со снимками места преступления. Их в считанные минуты загрузят в Интернет, думала Эрика.*

Она бросилась через следующий сад, по пути обогнув пластмассовые

качели, и, перепрыгнув через забор, бултыхнулась в пруд, где больно приземлилась на колени.

– Эй, вы нарушили границы частных владений! Там же карпы мои! – крикнула молодая женщина в коротком летнем платье и солнцезащитных очках, появившись на террасе.

– Полиция! – крикнула в ответ Эрика. Мокрая, она с хлюпаньем выбралась из пруда и помчалась к очередному забору, видя, что нагоняет фотографа. Тот уже добежал до края следующего сада и закидывал на стену ногу.

– Держи его! – крикнула Эрика. Этот вполне уместный возглас прозвучал нелепо. Она обернулась и увидела, что у нее за спиной Мосс, перевалившись через забор, ничком упала в пруд, подняв сноп брызг. Женщина на террасе закричала еще громче.

Зной стоял невыносимый. Эрика выбилась из сил и изнывала от жары во всей своей одежде, поверх которой на ней еще был надет синий комбинезон. Мосс выбралась из воды с водорослями в волосах.

– Я цела, босс. ЗА НИМ! – крикнула она. Эрика продолжила погоню. Перелезла через очередной забор, чувствуя, как ноги карябают щепки, проткнувшие комбинезон и одежду. Она увидела, что фотограф уже подбежал к краю последнего двора, огороженного высокой стеной из светлого кирпича.

– Стоять! – заорала она.

Фотограф обернулся. Он покраснелся, синий ирокез торчал на его голове как плащик. Он поправил фотокамеру на плече, показал неприличный жест, подпрыгнул, хватаясь за верхушку стены, и подтянулся.

Эрика побежала через последний – голый и пыльный – двор, где стояли только растрескавшиеся, покрытые лишайником купалки для птиц. Мужчина, пытаясь взобраться на стену, чуть сполз вниз, и Эрике удалось схватить его за ногу. Он отбрыкнулся, задев ее по лицу, и, хотя на нем были всего лишь кроссовки, ее щеку пронзила боль. Она снова поймала его за ногу и сумела стащить с нее кроссовок, но он вырвался и перевалился через волнистый верх стены. Эрика услышала глухой стук и вскрик.

Благодаря высокому росту она с легкостью взобралась на стену. Сидя на ней верхом, Эрика увидела, что с другой стороны до тротуара не так далеко. Фотограф неудачно приземлился на босую ногу и теперь ковылял прочь, возясь с фотокамерой. Эрика прыгнула на тротуар. Без труда приземлившись на обе ноги, она сумела быстро догнать мужчину и схватить его за руку. Он сопротивлялся, пытаясь вырваться.

– Не... уй... дешь... – выдохнула она, отдуваясь. Спустя мгновения на

верхушке стены появилась Мосс. Она сползла на тротуар и подбежала к ним. С помощью Эрики ей удалось завести мужчине руки за спину и защелкнуть наручники.

– Проклятые сучки! – орал тот.

– Успокойтесь, – сказала Эрика.

– С какой стати? Я арестован?

– Задержан, – ответила Мосс.

– На каком основании?

– На том основании, что вы не остановились, сбежали с места преступления, а мы хотели с вами просто поговорить. Вы лягнули мою коллегу в лицо, – перечислила его прегрешения Мосс.

– Закон не запрещает фотографировать! – возразил он, пытаясь стряхнуть с себя полицейских.

– Вы фотографировали место преступления, – указала Эрика.

– Фотографировать место преступления законом тоже не запрещено!

– Да, но я изымаю у вас фотоаппарат как вещественное доказательство. Не исключено, что в нем содержится информация, которая поможет нам раскрыть дело, – заявила Эрика, пытаясь отдышаться. Она никогда не видела Мосс такой злой. У той волосы и комбинезон были мокрые, сама она обливалась потом. Эрика взяла в руки фотоаппарат, который все еще висел на плече репортера, открыла сбоку крышку, заглянула в гнездо.

– Где карта памяти? – спросила она.

– Понятия не имею. – Репортер с вызовом смотрел на нее маленькими глазками-бусинками.

– Где карта памяти? Выбросили? Мы обыщем все сады, – сказала Мосс.

– Ищите, – ухмыльнулся он, пожимая плечами.

– Как вас зовут?

Мужчина снова пожал плечами.

Эрика просунула ладонь между его сцепленными руками, вытащила из заднего кармана бумажник, открыла его, достала водительские права и прочитала:

– Марк Руни, тридцать девять лет. На кого вы работаете?

– Я – свободный художник.

– Зачем вы фотографировали?

– Глупый вопрос. Это же *Джек Харт*. Я же не знал, что он погиб.

– Где гарантия, что вы не повинны в его гибели? Официально о его смерти не объявляли. Официальное опознание не проводилось.

– Я же сказал: я не знал, что он умер. Вчера вечером он был жив-здоров.

– Вы были здесь вчера вечером? Зачем? – спросила Эрика.

– После того как та девушка покончила с собой, о нем вся пресса гудит.

– Что вы снимали вчера вечером?

– Как он приехал домой на такси. Потом сделал несколько снимков, когда он был в спальне.

– В котором часу это было? – спросила Мосс.

– Точно не скажу. В половине первого, в час.

– И вы здесь находились всю ночь?

– Нет.

– Почему?

– Мне дали наводку. Одна из Кардашьян сейчас в Лондоне. Сказали, что она будет тусить всю ночь. А снимки Кардашьян стоят куда дороже, чем фото Джека Харта...

– Ладно, поговорили и будет. А теперь – карту памяти, – велела Эрика.

– Я же сказал: у меня ее нет!

– Пять минут назад была.

– Должно быть, я забыл вставить ее в фотокамеру, – ухмыльнулся репортер. – Так бывает. Карты памяти – маленькие такие штучки. Да-да, теперь припоминаю, совсем из головы вылетело. Я забыл ее вставить.

– Ну все, мое терпение лопнуло, – сказала Мосс. Она выпустила руку фотографа, расстегнула комбинезон и достала из кармана брюк одну резиновую перчатку. Закатала рукав комбинезона, натянула перчатку. Свободной рукой схватила Марка за синий ирокез и запрокинула назад его голову.

– Эй! Вы чего? Ой! – вскричал тот. Мосс сунула два пальца в перчатке глубоко ему в рот. Он согнулся, и его стошнило на тротуар. Эрика с Мосс успели чуть отскочить в сторону.

– Приходится и такое делать, – произнесла Мосс. Мужчина откашливался, давился, плевался. Эрика развернула его лицом к стене.

– Так я и думала. Проглотил, гаденыш, – сказала Мосс. Из лужи рвотной массы на тротуаре она извлекла маленькую черную мокрую карту памяти и аккуратно положила ее в чистый прозрачный пакетик. – Как говаривала моя мама, не суй в рот что попало.

– Тварь! Я подам жалобу на жестокое обращение! – ругался Марк. Все еще кашляя, он сполз по стене.

– Не скули. Перчатка была чистая. – Мосс стянула с руки перчатку и

бросила ее в стоявшую рядом урну. Из-за угла выехала с включенной сиреной патрульная машина и остановилась у обочины подле них.

– Не прошло и года, – сказала Эрика, когда из автомобиля вылезли те же двое полицейских, что обеспечивали оцепление.

– Простите, босс, мы не предусмотрели, что здесь одностороннее движение, – объяснил один.

– Они напали на меня, совершили противоправные действия! – крикнул Марк.

– Отвезите его на ближайшую железнодорожную станцию и высадите, – распорядилась Эрика.

Полицейские затолкали мужчину в машину и уехали. Мосс с Эрикой все еще пытались отдышаться.

– Отличная работа, – похвалила Эрика. Она взяла у Мосс пакетик с грязной картой памяти и подняла его к свету.

– Я не переборщила? Что сунула пальцы ему в глотку? – спросила Мосс.

– Не понимаю, о чем вы, – ответила Эрика. – Давайте вернемся в дом.

Глава 32

Когда Эрика с Мосс вернулись к месту преступления, толпа на дороге у дома заметно выросла. Рядом с фургоном «Скай ньюс» появились микроавтобусы съемочных групп Би-би-си и Ай-ти-эн^[21]. Их встретил руководитель группы криминалистов Нилз Акерман, вручивший им чистую спецодежду.

– Телефонная линия перерезана, как и на Лорел-роуд, – сообщил он, пока Эрика с Мосс переодевались.

– Убийца тот же. Наверняка, – сказала Мосс, застегивая на себе синий комбинезон и накидывая на голову капюшон. Эрика промолчала, тоже застегивая молнию комбинезона. Они отдали свои грязные спецкостюмы одному из экспертов, и тот поместил их в прозрачный пакет.

– Попробуйте вытащить из этого все, что можно, – распорядилась Эрика, отдавая Нилзу маленький прозрачный пакетик с картой памяти. – Ее проглотили, но в желудке она пробыла недолго.

– Проблем быть не должно, – рассудил он, забирая пакетик. – Но прежде я хочу вам кое-что показать.

Они проследовали за ним в дом, прошли через застеленную кремовым ковром прихожую, где все еще работали криминалисты, через гостиную открытой планировки, и Акерман завел их в хозяйственное помещение, выходящее на задний двор. Дверь была распахнута. Они снова ступили под солнце. Где-то вдалеке жужжала газонокосилка.

– Мы проверили все окна в доме. Они пластиковые, тройные стеклопакеты. Просто так через них не заберешься – нужно разбить. Все окна заперты изнутри, за исключением того, что в спальне. Его разбила коллега Джека Харта, когда обнаружила его тело, – доложил Нилз. Эрика и Мосс проследили за его взглядом, направленным на разбитое окно в задней части дома. – Отпечатков и других следов насильственного проникновения не обнаружено.

– А входная дверь? – спросила Эрика.

– Заперта изнутри на «Йель» и запор, – ответил Нилз. – Остается это – дверь хозяйственного помещения, которая и послужила местом проникновения.

Дверь была деревянная, толстая, выкрашенная в синий цвет. Ручка из тяжелого металла; массивный железный ключ, который Эрика нашла на полке, был вставлен в замочную скважину.

– Она была на замке. Мне пришлось ее отпирать, когда мы погнались за фоторепортером, – сообщила Эрика.

– Сейчас, одну минутку, – пообещал Нилз. Он закрыл дверь. – Если приглядеться сюда с наружной стороны, в самом низу можно увидеть тонкую полоску с более старой краской. – Они припали к траве с наружной стороны двери и заметили, что дверная панель по нижнему краю на сантиметр зеленая. – Когда дверь была зеленой, к ней внизу приклеили уплотнитель. Недавно этот уплотнитель отодрали; мы нашли его за стиральной машиной и сушкой. – Нилз открыл дверь, шагнул в хозяйственное помещение и взял со стиральной машины тонкую резиновую прокладку, которую он на несколько секунд приставил к зеленой полоске в нижней части дверной панели и снова убрал. – Видите то место, где ее содрали? Она прикрывала щель под дверью шириной с четверть дюйма.

Эрика посмотрела на Мосс.

– Ну и что? Как он мог через нее залезть? Он же не Плоский Стэнли^[22], – заметила Мосс.

– Сейчас покажу, – сказал Нилз. Он жестом подозвал одного из дактилоскопистов. Тот пришел из кухни, принес с собой длинный кусок проволоки и газету, затем закрыл и запер дверь, оставив их в саду. Нилз опустился на колени, развернул газетный лист и просунул его в щель под дверью. Потом взял проволоку, вставил в замочную скважину и принялся осторожно проталкивать ее и вращать. Эрика с Мосс, наблюдая в окно, увидели, как ключ зашевелился, выскочил из замка и, звякнув, упал на лежащую внизу газету. Нилз затем аккуратно вытащил из-под двери газету вместе с ключом, который он вставил в замок, и открыл с улицы хозяйственное помещение.

– *Вуаля!* – Он торжествующе улыбнулся.

Они смотрели на него. В канализационной трубе рядом с дверью забулькало.

– Зря вы пошли в судмедэксперты. Вы же настоящий фокусник, – заметила Мосс.

– Великолепно придумано. Но почему вы решили, что именно этим способом преступник проник в дом? – спросила Эрика.

– Мы нашли в замке кусочек отломившейся проволоки и клочок газеты, зацепившийся за дерево под дверью, – объяснил Нилз, со всей церемонностью доставая из кармана прозрачный пакет, в котором лежали огрызок серебристой проволоки и газетный обрывок.

Из глубин памяти Эрики всплыла картина: наполненная паром ванная;

Марк, в одном лишь полотенце, обернутом вокруг пояса, прижимает к порезу от бритвы такой же крошечный клочок туалетной бумаги, на котором проступает кровь.

Жужжание вновь заработавшей газонокосилки вернуло Эрику в реальность.

– На уплотнителе есть отпечатки? – спрашивала Мосс. Нилз покачал головой.

– Если убийца проник в дом, используя трюк с газетой, как же тогда он вышел – запер дверь и ключ положил на полку?

– Нет. Как и в случае с Грегори Манро, он мог нанести визит предварительно. Взял ключ, сделал с него оттиск, положил на место, – сказала Мосс.

– Логично. Немного сложно, но логично, – рассудила Эрика. – А суд примет подобные доказательства?

– Примет. Вкупе с отпечатком, что мы сняли с наружной стороны этой двери, в нижней половине, – ответил Нилз, показывая на покрытие из глянцевой синей краски.

– Вы сняли отпечаток пальца? – обрадовалась Эрика.

Нилз вновь подозвал дактилоскописта.

– Это отпечаток не пальца... – Он показал им лист белого картона с четким контуром уха. – Убийца приставил ухо к двери, прислушивался, – объяснил Нилз.

Это был отпечаток маленького уха, почти как у ребенка. Несмотря на изнуряющий зной в саду, Эрика зябко поежилась.

Глава 33

Эрика с Мосс перебрались в один из больших полицейских микроавтобусов службы технической поддержки, которые были припаркованы перед домом. Напротив них за пластмассовым столиком сидела Данута Макбрайд, женщина, обнаружившая тело Джека Харта. Один из полицейских принес три пластиковых стакана с чаем и поставил перед ними. Они все взяли по стакану, глотнули чаю.

Эрика решила, что Дануте, должно быть, под пятьдесят. Выглядела она бледной и потрясенной. Длинные темные гладкие волосы, прямая челка. На крупной фигуре – цветастое платье-халат, перетянутое в талии широким ремнем. На шее висел большой смартфон, на ногах – спортивные тапочки с ярко-розовыми носами.

– Откуда вы знали Джека? – спросила Эрика.

– М-м-м, я исполнительный продюсер его передачи. Мы – компаньоны. Нам принадлежит компания «ХартБрайд медиа», которая делает это шоу.

– Вы давно знакомы?

– Да, вместе учились в университете. Изучали журналистику. – Данута посмотрела на них с недоверием во взгляде. – Можно мне сигарету? Я прошу об этом ваших коллег последние два часа. – Она показала на двух молодых полицейских у входа.

– Конечно. Я тоже покурю, – сказала Эрика, доставая сигареты и зажигалку.

– Простите, здесь нельзя курить – техника безопасности, – вмешался один из полицейских, темноволосый парень.

– А вы идите подышите свежим воздухом. Мы постараемся не сжечь мебель. – Эрика сунула сигарету в рот и протянула пачку Дануте. Та с благодарностью взяла одну сигарету. Эрика поднесла зажигалку к своей сигарете, давая прикурить Дануте. Полицейский хотел еще что-то сказать, но передумал.

– Как вы думаете, кто хотел убить Джека? – спросила Эрика, кладя пачку сигарет на столик. В салоне работали потолочные вентиляторы, но все равно было жарко.

– Да кто угодно, – ответила Данута. Уткнувшись взглядом в пластмассовый столик, она выпустила дым.

– Можно поконкретнее? – попросила Мосс.

– Он такой... опереточный злодей... Он был как «Мармайт»^[23]. Его в равной степени любят и ненавидят миллионы. Он многие годы работал в *The Sun*, потом в *Mirror* и *Express*, в *News of the World*^[24], проводил репортерские расследования. И был чертовски хорош в своем деле. Всегда раскапает какую-нибудь историю, чего бы это ни стоило. Несколько месяцев назад он развелся с женой из-за того, что она застала его с одной из наших сотрудниц. Делая карьеру, он нажил немало врагов, но у кого их нет? Однако я даже представить не могу, кто бы решиться... на *такое*... – На глаза Дануты навернулись слезы, она отерла их тыльной стороной ладони. – С тех пор как Миган Фэрчайлд покончила с собой, он получал массу злобных писем. Не писем, а просто ругательств от интернет-троллей.

– Как он отреагировал на смерть Миган?

– А вы как думаете?! – сердито воскликнула Данута. – Мы оба были подавлены. И ведь эта Миган *сама* нам написала. Она приезжала в Лондон на пробы. Дважды. Мы каждому объясняем, что это за шоу. Предупреждаем про освещение в прессе, про вторжение в личную жизнь, но они все равно хотят побыть пятнадцать минут в ореоле славы. Да какие там пятнадцать – дай бог пять! Джек жалел, что Энди Уорхолла уже нет в живых, а то бы он посмотрел, на что готовы пойти эти безумцы, лишь бы оказаться на телевидении.

– В котором часу вы приехали к дому Джека?

– Не знаю. Где-то в одиннадцать. У нас было назначено совещание по разрешению кризисной ситуации, возникшей в связи с гибелью Миган. На нем должны были присутствовать также продюсеры и руководство канала.

– Я думала, шоу идет в прямом эфире каждое утро в девять часов? А сегодня пятница, – заметила Эрика.

– В прямом эфире оно с понедельника по среду. Остальные два мы записываем, как «прямой эфир» в среду, после прямого эфира. Экономим студийное время.

– И вы не видели, чтобы кто-то крутился у дома?

– Нет, я только увидела спальню и перепугалась. Сразу спустилась на задний двор и позвонила в службу «999».

– Вы знакомы с женой Джека?

– Да. С Клэр. Она ушла от него пару месяцев назад. И детей забрала.

– Сколько лет его детям?

– Девять и семь.

– Я читала в прессе, что у нее диагностировали рак? – сказала Мосс.

– Этот диагноз ей поставили через месяц после того, как она ушла от

него. Он просил ее вернуться, пытался помириться, но она отказалась. Пресса об этом умолчала. Они предпочитают выставлять его злодеем, трубят, что он изменял больной женщине. Клэр теперь живет у матери в Уитстейбле, на берегу моря.

– Вас с Джеком когда-нибудь связывали романтические отношения? – спросила Эрика.

– Переспали раз или два в студенческие годы. Я теперь замужем и к Джеку относилась как к брату. – Сигарета Дануты догорела до фильтра. Эрика пододвинула на середину стола пластиковый стакан для окурков.

– Как вы проникли в дом? – спросила Мосс. – Вы говорили, что залезли на верхний этаж?

– Да. Я вскарабкалась к окну спальни со стороны заднего фасада.

– Вы часто так делали?

– Нет. До этого только раз, когда он проспал прямой эфир. Правда, накануне он сутки вел двадцатичетырехчасовой благотворительный марафон «Напишите Санте». Он был в отключке... спал, как убитый. Я забралась на крышу и стала барабанить в окно, пока он не проснулся.

– А сегодня вы разбили окно?

– Да.

– Почему? Думали, он еще жив?

– Нет... Да... Не знаю. У него на голове был пакет. Я подумала, что, может быть, сумею спасти его. На крыше есть маленькая каменная пепельница. Джек выходил туда курить. Этой пепельницей я и разбила окно. А потом, когда залезла в дом, увидела, что помочь ему уже нельзя...

– Думаете, он пытался покончить с собой?

– Нет.

– Тогда что, по-вашему, произошло?

– Не знаю.

– Джек был гетеросексуалом? – спросила Мосс.

– Разумеется, черт возьми! И гомофобом он не был. В нашей команде есть геи, и он с ними прекрасно ладит. Ладил.

– Он злоупотреблял спиртным, наркотиками?

Данута обратила взор в маленькое окно микроавтобуса, глядя на дом, где сновали туда-сюда криминалисты.

– Мы спрашиваем в конфиденциальном порядке. Это поможет следствию, – объяснила Эрика.

– Он любил курить...

– Марихуану?

Данута кивнула.

– И однажды, много лет назад, когда делал документальный фильм о «Горящем человеке»^[25], принял экстази. Так мы ведь все баловались. Он любил оторваться, но я бы не сказала, что у него были проблемы с алкоголем или наркотиками.

– Понятно.

– Дом принадлежит ему? – спросила Мосс.

– Да.

– Что еще вы могли бы добавить?

– Проявите деликатность, когда будете сообщать его жене, ладно? Ей в последнее время нелегко.

Эрика кивнула. Они увидели в окно, как из дома показались носилки с трупом в черном мешке, который понесли в машину «скорой помощи». Толпа на улице все увеличивалась. Вспышки фотокамер сверкали, словно крошечные яркие булабочные головки.

В открытую дверь микроавтобуса постучали, в салон просунул голову Крейн.

– Босс, можно вас на два слова?

– Спасибо, Данута. Домой вас отвезут, – сказала Эрика. Данута едва заметно кивнула. Эрика с Мосс извинились и вышли из микроавтобуса.

– Тут одна соседка желает с вами побеседовать. Говорит, вчера вечером кто-то пробрался к ней в дом и выкрал детскую одежду, – сообщил Крейн.

– Почему она в этом так уверена? – спросила Эрика.

– Одежду сняли прямо с ребенка.

Глава 34

– И больше ничего не пропало? – спросила Эрика, подходя к окнам в детской. Комната находилась на первом этаже. Из нее открывался вид на пожелтевший газон с неухоженными клумбами. В окна светило солнце, на новом бежевом ковре лежали две квадратные тени. Стены не так давно были освежены белой краской и украшены бордюром в виде шагающих разноцветных слоников.

– Нет. Ничего... – ответила молодая женщина, жившая через два дома от Джека Харта. Бледная, изможденная, она крепко прижимала к груди свою маленькую темноволосую дочку. У обеих были короткие густые волосы и большие карие глаза.

Мосс отошла от стоявшей в середине комнаты деревянной кровати к высокому комоду у стены по левую сторону, на котором лежали пеленальный матрасик, большая бутылка жидкого крема и «радионяня».

– «Радионяня» была включена? – спросила Мосс.

– Да.

– «Радионяня» работает всю ночь, миссис Мерфи? – уточнила Эрика.

– Можно просто Кэт. Она включена всю ночь. Мы спим в соседней комнате. Я часто захожу к Саманте.

– Как часто?

– Каждые три часа. Будильник ставлю.

– Вы знаете, в котором часу исчезла одежда?

– Точно не скажу. Я заметила только утром.

– И вы не слышали ничего необычного по «радионяне»? Ничего, что теперь, после того, что произошло, кажется вам странным? – допытывалась Мосс. Она подошла к малышке и протянула ей палец. Та поймала его в свою крошечную ладошку и засмеялась.

– Нет. Саманта – очень спокойный ребенок. Я не сообразила, что к чему, пока не услышала шум на улице. Это правда, что Джека Харта задушили? Как того доктора недели две назад?

– Мы не даем комментариев по данному делу, – сказала Эрика.

– Это мой дом! Я имею право знать!

– Мы считаем, что он умер при подозрительных обстоятельствах. Это все, что мы можем сказать.

– Он был хороший человек. Джек Харт. Единственный со всей улицы, кто всегда здоровался. Спрашивал про Саманту. Присылал

поздравительные открытки. Он был совсем не такой, как по телевизору.

– В последние две недели здесь появлялся кто-нибудь чужой, ходил по домам, может быть, расспрашивал про охранную сигнализацию? – осведомилась Мосс.

– Ни о чем таком не слышала. Могу у мужа спросить, когда он вернется домой.

– А когда он вернется?

– Поздно, сегодня вечером. Он в центре работает.

– Хорошо. Одно из окон в этой комнате было открыто вчера вечером?

Следов насильственного проникновения не обнаружено.

Женщина приняла виноватый вид.

– Да, но совсем чуть-чуть. Обычно в нашем районе спокойно, а наш дом зажат между другими домами. Вчера вечером было очень жарко. Я не знала, что делать. Хотела, чтобы ей было тепло, но чтобы она не перегрелась. На этот счет столько разных мнений... – Женщина заплакала, крепче прижимая к себе малышку.

– Саманта у вас первый ребенок? – спросила Мосс. Девочка все еще держала ее палец в своем крошечном кулачке. – Трудно быть матерью, – продолжала Мосс. – Все растят детей, но никто не хочет признать, как это трудно. И я сейчас говорю не как сотрудник полиции.

Кэт немного расслабилась, улыбнулась. Эрика рассматривала недавно отремонтированную детскую, вполуха слушая беседу Мосс и хозяйки дома о детях. Глубоко упрятав свои материнские чувства, она подошла к окну и устремила взгляд на газон.

– Вы уверены, что кофточку не бросили в стирку ваш муж или няня?

– Няни у нас нет. Я обыскала дом, перерыла грязное белье. Только я встаю к дочке по ночам, а она сама слишком мала, чтобы расстегнуть пуговики... – Кэт снова умолкла, крепко прижимая к груди малышку. – Зачем надо было это делать? Это же мерзко, отвратительно. Специально людей пугают. Я запираю все окна. Никогда больше их не открою!

* * *

Спустя несколько минут Эрика и Мосс вышли из дома Кэт.

– Всю детскую обследовать на отпечатки пальцев. Все сады тщательно прочесать, – распорядилась Эрика. – Преступник, кто бы он ни был, рано или поздно совершит ошибку. Он повинен в гибели двух человек.

– Значит, все-таки серийный убийца? – спросила Мосс.

– Не знаю. Зачем забирать одежду у ребенка, а самого ребенка не трогать? Что-то тут не вяжется. Кроме того, он предварительно наносил визит жертвам средь бела дня, а у нас ничего нет.

– Есть отпечаток уха, – напомнила Мосс.

Эрика снова подумала про отпечаток уха, представила его черный контур на бумаге. И похолодела.

Глава 35

Домой Эрика вернулась поздно. Когда отперла входную дверь, в лицо ей ударили жар и темнота. Она щелкнула выключателем в прихожей, но свет не зажегся. С минуту Эрика постояла в темноте на пороге, потом погасло и освещение в подъезде, регулировавшееся таймером. Ее окутал крошечный мрак.

В воображении всплыло лицо Джека Харта. Открытый глаз, прижатый пленкой. Беззвучный крик.

Эрика несколько раз глубоко вздохнула, затем вернулась к подъездной двери и включила таймер. Лампочка снова засияла, таймер затикал. Она возвратилась на порог своего жилища, достала мобильный телефон, активировала в нем фонарь, отбросивший в квартиру яркую световую дугу. Осторожно передвигаясь по темному коридору, она дошла до спальни. Нащупала на стене выключатель. Ничего. Эрика провела рукой слева направо, озаряя углы комнаты. Присев на корточки, посветила под кроватью. Открыла шкаф.

Ничего.

Новые образы заполнили сознание: Грегори Манро, Джек Харт. Голые, на кровати. Лежат на спине. Их обнаженные тела выставлены на всеобщее обозрение. Обезображенные лица под прозрачной пленкой надетых на головы полиэтиленовых пакетов.

Входная дверь с щелчком захлопнулась.

– Черт, – выдохнула под нос Эрика, чувствуя, как заходило в груди сердце. Она все еще ощущала липкий запах прудовой воды на своем потном теле. Эрика выскочила из спальни и, не сводя глаз с входной двери, прошла к ванной. Дернула за шнурок выключателя. Свет не загорелся. Она шагнула в ванную, посветила фонарем. Никого. Только белый унитаз, белая ванная, белая раковина. Эрика рывком отодвинула белую занавеску душевой. Никого. Свет фонаря, отразившись от зеркала, на мгновение ослепил ее. Жмурясь, чтобы избавиться от рези в глазах, она поспешила из ванной в гостиную-кухню мимо входной двери.

Попыталась включить свет. Снова никакой реакции. В гостиной все было так, как она оставила: беспорядок. Над грязными чашками из-под кофе, стоявшими на кухонном столе, кружили две мухи. Эрика вздохнула свободнее. Чужих в квартире не было. Она вернулась к входной двери, закрыла ее на цепочку и возвратилась в гостиную. Потянула за шнурок

жалюзи на большом окне, выходившем на террасу. Они со свистом поднялись вверх.

В окне высился силуэт рослого мужчины. Эрика вскрикнула, попятилась, споткнувшись о журнальный столик, на котором задребезжали чашки.

Она выронила телефон, и ее вновь поглотила темнота.

Глава 36

Эрика лежала на полу. Несколько мгновений высокий силуэт стоял неподвижно, потом чуть качнулся, и она через стекло услышала его голос:

– Босс? Вы дома? Это я, Питерсон. – Он чашкой приставил ладони к стеклу, вглядываясь в комнату. – Босс?

– Какого черта вы здесь делаете? – спросила Эрика, поднимаясь с пола и открывая дверь на террасу. Свечение ночного неба, в котором рассеивались огни города, омывал Питерсона оранжевым сиянием.

– Простите, не смог найти входную дверь. Не знал, что она сбоку.

– Вот это опер! – сыронизировала Эрика. – Подождите секунду.

В темноте она нашла телефон под журнальным столиком, снова включила фонарик, подставила к стене стул и полезла к щитку, висевшему высоко над телевизором. Открыла щиток, включила автомат. Во всех комнатах, кроме прихожей, зажегся свет.

Теперь она ясно видела Питерсона в открытых дверях, выходящих на террасу. На нем были синие джинсы и старая футболка «Адидас», на лице – двухдневная щетина. Он потерял красные глаза.

– Лампочка перегорела, – сказала Эрика, скорее, успокаивая себя, чем давая объяснения. Она сошла со стула, пригладила волосы, сознавая, что, должно быть, вид у нее несколько дикий. – Почему вас сегодня не было? – спросила она, смерив Питерсона взглядом. От него разило спиртным.

– Можно войти? Поговорить?

– Поздно уже.

– Прошу вас, босс.

– Ладно, входите.

Питерсон шагнул в гостиную. С улицы в комнату ворвался легкий ветерок.

– У вас... уютно, – произнес Питерсон.

– Вовсе нет, – возразила Эрика, направляясь в зону кухни. – Налить вам чего-нибудь?

– Что у вас есть?

– Спиртного не получите. Судя по запаху, вам уже хватит.

Эрика пробежала глазами почти что голые полки буфета. У нее имелась бутылка хорошего виски *Glenmorangie*, непотаятая. В холодильнике стояла давняя бутылка белого вина, которого оставалось на доньшке. Банка

кофе была почти пуста.

– Либо вода из-под крана, либо... «Ам Бонго», – сухо предложила Эрика, найдя две маленькие упаковки сока из тропических фруктов под заплесневелым латуком в ящике для овощей.

– Лучше сок, – выбрал Питерсон.

Эрика закрыла холодильник и дала ему одну из упаковок сока, потом достала из сумки сигареты, и вдвоем они вышли в мощный внутренний дворик. Стульев не было, они взгромоздились на низкую стенку, к которой подступала трава.

– Я не знал, что «Ам Бонго» еще продается. – Питерсон оторвал от упаковки пластиковую соломинку и просунул ее в маленькое отверстие, затянутое фольгой.

– Несколько месяцев назад ко мне приезжали гости: сестра с детьми, – объяснила Эрика, закуривая сигарету.

– Не знал, что у вас есть сестра.

Эрика плохо зажгла сигарету и теперь попыхивала ею, пытаясь раскурить. Наконец она выпустила дым и кивнула.

– Сколько у нее детей?

– Двое. И скоро еще один родится.

– Мальчики или девочки?

– Мальчик и девочка, а третий... Она еще не знает.

– Мальчик и девочка маленькие?

– Который час? Черт, последние новости хотела посмотреть, – сказала Эрика. Она прыгнула со стенки и вернулась в дом. Питерсон, войдя следом, увидел, что Эрика что-то ищет на диване под подушками.

– Это ищите? – спросил он, выуживая пульт из-под валявшейся на журнальном столике открытой коробки для еды из ресторана. Эрика взяла его и включила телевизор.

Канал «Ай-ти-ви ньюс» показывал вращающуюся вывеску Скотленд-Ярда и конец выступления Марша, который выглядел усталым.

– ...оно является приоритетным в работе нашего Отдела по расследованию убийств и тяжких преступлений, – говорил он. – Мы разрабатываем несколько версий.

Затем на экране пошел отрывок из «Шоу Джека Харта». Камера скользила по шумной аудитории, собравшейся в телестудии. Приглашенные, вскочив на ноги, кричали, вопили, свистели. На несколько мгновений в кадр попала молодая женщина, сидевшая на сцене вместе с парнем в спортивном костюме и бейсболке. Сопроводительная надпись в нижней части экрана гласила: Я СДЕЛАЛА АБОРТ, ИЗБАВИВШИСЬ ОТ

ТРОЙНИ, РАДИ ОПЕРАЦИИ ПО УВЕЛИЧЕНИЮ ГРУДИ.

– Это – моя жизнь. Что хочу, то и делаю, – заявила девушка ничуть не раскаивающимся тоном.

Камера показала крупным планом Джека Харта, сидевшего по одну сторону от молодой пары. Красивый, холеный, в синем костюме, он, как и требовали обстоятельства, хмурился.

– Речь идет не только о вашей жизни. А как же те неродившиеся малыши? – промурлыкал он.

Зазвучал закадровый голос:

– Джек Харт слыл противоречивой фигурой, многие его боготворили, другие ненавидели, а сегодня его обнаружили мертвым в его доме в Далидже на юге Лондона. Никакой другой информации полиция не дает, но они подтвердили, что, по их мнению, скончался он при подозрительных обстоятельствах.

– Боже, его убили? – воскликнул Питерсон.

– Где вы были весь день? – спросила Эрика. Питерсон молчал. – Его убили точно так же, как Грегори Манро. Мы пока ждем результаты токсикологической экспертизы.

На экране аудитория в студии скандировала:

– Убийца! Убийца! Убийца!

Парень в бейсболке, вскочив на ноги, стал угрожать людям, сидевшим в первом ряду.

– По-вашему, сколько у нас времени до того, как пресса свяжет его убийство с гибелью Грегори Манро? – спросил Питерсон.

– Не знаю. Сутки. Но я надеюсь, что будет чуть больше.

– Вы говорили с Маршем?

– Да. Пару часов назад, ввела его в курс дела, – ответила Эрика.

В новостях теперь показывали материал, отснятый днем: толпы народу вокруг полицейского оцепления у дома Джека Харта; потом крупным планом – мешок с трупом на носилках, который выносили из дома, – нерезкие кадры, сделанные с использованием длиннофокусного объектива.

– Айзек Стронг сейчас проводит вскрытие. Рано утром станут известны результаты.

Последние новости на экране сменил прогноз погоды. Эрика убавила звук и повернулась к Питерсону. Тот молча смотрел телевизор, зажав в уголке рта соломинку, – допивал остатки сока из коробки.

– Питерсон, вы являетесь ко мне домой, подглядываете в окно. Что происходит? Почему вас не было сегодня на работе?

Он проглотил комок в горле.

– Мне нужно было подумать.

– Вам нужно было подумать. Понятно. И почему вы решили «подумать» за счет налогоплательщиков? На это есть выходные.

– Простите, босс. Вся эта история с Гэри Уилмслоу выбила меня из колеи...

Эрика закурила новую сигарету. Столько всего случилось за последние дни, что события, связанные с Гэри Уилмслоу, отошли на второй план, казались такими далекими.

– Как подумаю, что чуть не сорвал операцию по раскрытию обширной сети педофилов... – продолжал Питерсон срывающимся от волнения голосом. – Вдруг я его спугнул? Что, если они соберут свои манатки и исчезнут, будут продолжать издеваться над детьми, снимать эти тошнотворные фильмы? Получается, что я лично несу ответственность за всех тех детей, за те страшные издевательства, которым они подвергаются. – Он прижал пальцы к глазам, его нижняя губа задрожала.

– Ну, ну! Питерсон... – Эрика обняла его одной рукой, трепля за плечи. – Ну все, прекратите. Слышите?

Он несколько раз глубоко вздохнул, отирая глаза подушечками ладоней.

– Питерсон, он по-прежнему под наблюдением. Вы ничего не сорвали. Завтра попробую узнать еще что-нибудь. – Эрика с минуту смотрела на него. Взгляд Питерсона остекленел. – Питерсон, что с вами?

Он сдавленно сглотнул, сделал глубокий вдох.

– Мою сестру изнасиловали, когда мы были детьми. Вернее, это она была ребенком, а я уже был достаточно большой и не представлял... *интереса.*

– Кто это сделал?

– Один тип, заведовал нашей воскресной школой. Мистер Симмонс. Старый хлыщ, белый. Сестра рассказала нам только в прошлом году. После того, как попыталась покончить с собой. Выпила кучу таблеток. Слава богу, мама ее вовремя обнаружила.

– Его поймали?

Питерсон мотнул головой.

– Он уже на том свете. Она от страха боялась слово об этом сказать. Он пригрозил, что, если она проболтается, ей не жить. Он проберется в ее комнату и перережет ей горло. Она много лет мочилась в постели. А я смеялся над ней. Если бы только я знал... Когда мистер Симмонс умер, мои родители ходили на панихиду, устроенную в нашей приходской церкви в Пекаме, где его восхваляли за добрую службу нашей общине.

- Мне очень жаль, Питерсон.
- Сейчас моей сестре почти сорок. Ее всю жизнь преследует этот ужас. А мне что делать?
- Вернуться на работу. Вы можете стать лучшим сотрудником полиции и... На свете полно мерзавцев, которых вам предстоит поймать.
- Мне хотелось бы добраться до этого негодяя Гэри Уилмслоу, – процедил сквозь зубы Питерсон. – Дали бы мне его на час...
- Никто вам его не отдаст, вы же понимаете. А если вам все же удастся заполучить его... Поверьте, Питерсон, вам это совершенно ни к чему.
- Меня просто злость распирает. – Он стукнул кулаком по столу. Эрика даже не вздрогнула. С минуту они сидели в молчании и слушали стрекот сверчков, доносившийся из темноты от яблони. Эрика встала, прошла к буфету и взяла два бокала с бутылкой *Glenmorangie*. Плеснув в каждый бокал немало виски, она вернулась с ними к дивану, один вручила Питерсону, а сама села рядом.
- Гнев – одна из самых нездоровых эмоций. – Эрика поставила бокал на столик и закурила. – При имени Джером Гудмэн у меня до сих пор закипает кровь. Я часами представляю, как убиваю его. Придумываю для него самые изощренные и мучительные способы убийства...
- Это тот...
- Тот, кто убил моего мужа и четырех моих коллег. Тот, кто разрушил мою жизнь. Мою прежнюю жизнь. И чуть не уничтожил меня. Но не уничтожил. И я ему этого не позволю.
- Питерсон молчал.
- Это я к тому говорю, что негодяев полно. На свете есть много хорошего, но и много плохого. Люди, которые сеют ужас и зло. Нужно сосредоточиться на том, что ты *можешь* сделать, на что *можешь* повлиять. На тех, кого можно поймать. Да, звучит примитивно. Но мне понадобилось много времени, чтобы это понять. И тогда я немного успокоилась.
- Где теперь Джером Гудмэн? – спросил Питерсон.
- Исчез с лица земли после перестрелки... Не знаю, может, кто из полиции помог или ему просто повезло. Но его так и не нашли. Пока. Я верю в судьбу, – продолжала Эрика. – Знаю, что однажды в будущем я снова встречу Джерома Гудмэна, и тогда он от меня не уйдет. Будет сидеть за решеткой до конца своих дней. – Произнося последнюю фразу, она, для пущего эффекта, потрясла кулаком.
- А если не выйдет?
- Что не выйдет?
- Посадить его?

Эрика обратила на Питерсона немигающий взгляд широко раскрытых глаз.

– Единственное, что мне может помешать его посадить, – это смерть. Его или моя. – Она отвела глаза и отпила большой глоток виски.

– Мне жаль. Жаль, что с вами это случилось, босс... Эрика...

– Мне жаль вашу сестру.

Она повернулась к нему, их глаза на мгновение встретились. Питерсон наклонился, собираясь ее поцеловать. Она ладонью накрыла его рот.

– Не надо.

Питерсон выпрямился.

– Черт, простите.

– Не извиняйтесь. Прошу, не надо, – сказала Эрика. Она встала и вышла, а через несколько минут вернулась с одеялом и подушкой в руках.

– Ложитесь на диване. Не надо вам сейчас за руль.

– Босс, простите, ради бога.

– Питерсон, прошу вас. Вы же меня знаете. Все забыли, ладно? – Он кивнул. – Спасибо, что рассказали про вашу сестру. Я глубоко вам сочувствую. Но вы помогли мне многое понять. А теперь немного поспите.

* * *

Эрика долго не засыпала – лежала в постели, глядя в темноту. Думала о Марке, рисуя в воображении его лицо. Чтобы он жил в ее памяти. Она едва не ответила на поцелуй Питерсона, но Марк ее удержал. В душе она желала, чтобы рядом с ней в постели был мужчина, который согревал бы ее теплом своего тела, но сейчас это был бы слишком большой шаг.

Шаг в сторону от ее прежней жизни, в которой был Марк.

Глава 37

Проснулась Эрика около шести утра. В окна светило солнце. Она вышла в гостиную. Питерсон уже ушел, прицепив к холодильнику записку:

Спасибо, босс. Простите, если вел себя как свинья.
Спасибо, что позволили переночевать у вас на диване.
До встречи на работе. Джеймс (Питерсон)

Она была рада, что он не завершил свое послание поцелуем, и надеялась, что их рабочие отношения не будут осложняться напряженностью. На работе напряженности и без того достаточно. Не хватало еще привносить в нее проблемы личной жизни.

* * *

Эрика шла к моргу по длинному коридору, где было прохладно и тихо. Она нажала кнопку звонка и подняла лицо к маленькой видеокамере, что висела над дверью. Раздалось пиканье, большая стальная дверь с шипением отворилась. На Эрику выплыли клочья пара.

– Доброе утро, – поприветствовал Эрику Айзек, встречая ее в дверях. Он все еще был в синей униформе, местами испачканной в крови.

Они пошли через большое помещение секционной. На полу – черная белая плитка викторианской эпохи, выложенная геометрическим ромбовидным узором. Потолок высокий, окон нет, на стенах белый кафель. Вдоль одной стены – ряд металлических дверей, в центре помещения – четыре секционных стола из нержавеющей стали. Три, пустые, блестели в ярком свете флуоресцентных ламп. На столе, что стоял ближе других к входу, лежало тело Джека Харта.

Миниатюрная молодая китаянка – одна из ассистенток Айзека – зашивала длинный Y-образный разрез, начинавшийся под пупком. Она уже выполнила половину работы, дошла до грудины, и теперь осторожно сшивала кожный покров, подбираясь к той точке, где разрез расходился к плечам. Стежки были аккуратные, но крупные и выпуклые.

– Как и в случае с Грегори Манро, в крови обнаружен высокий уровень флунитразепама, – сообщил Айзек. – Препарат он принял в жидкой форме. В пивной бутылке, что стояла на его тумбочке, тоже содержалось большое количество флунитразепама.

– Значит, его накачали наркотиками? – спросила Эрика.

– В его крови уровень препарата выше, чем у Грегори Манро. Случайно это вышло или так было задумано, не могу сказать. В отличие от Грегори Манро Джек был моложе и находился на пике физической формы: крайне мало телесного жира, хорошо развитая мускулатура.

– Возможно, убийца счел, что нужна более сильная доза, чтобы обездвижить его, – рассудила Эрика. Они обратили взгляды на ассистентку. Та сшивала грудь, стягивая воедино грудные мышцы.

– Думаешь, убийца один и тот же человек?

– Я этого не говорил. Почерк очень похож, но делать выводы – ваша работа.

– Хорошо. Причина смерти? – спросила Эрика.

– Асфиксия. Задохнулся в полиэтиленовом пакете, туго стянутым вокруг его головы.

– Лицо у него не такое, как было у Грегори Манро. Оно все в красных отметинах, да и кожа имеет какой-то странный оттенок.

– Грегори Манро задохнулся быстро – за одну-две минуты. Джек Харт, благодаря натренированным легким, способен был в состоянии стресса задерживать кислород, поэтому признаки и симптомы асфиксии выражены очень ярко. Красные крапинки на его лице свидетельствуют о петехиальном кровоизлиянии. Синюшность кожных покровов – проявление цианоза: кожа изменила цвет вследствие нарушения кровообращения. Внутренние органы тоже испещрены точечными кровоизлияниями.

– Как по-твоему, сколько времени он умирал?

– Четыре, пять... может, шесть минут. Руки у него были связаны за спиной, но не исключено, что он метался и сопротивлялся, вынудив убийцу ударить его. Удар был нанесен по лицу, о чем свидетельствует подбитый левый глаз. Ссадины в области губ и десен также позволяют предположить, что лицо подверглось внешнему давлению. А еще взгляните вот на это. – Айзек приблизился к труп. Его ассистентка отступила в сторону, и он осторожно открыл рот мертвеца.

– Боже, – выдохнула Эрика.

– Он почти откусил себе язык, – подтвердил Айзек. – Это была ужасающе долгая, затяжная и мучительная смерть.

– Есть признаки сексуального насилия?

– Нет.

Айзек кивнул, и его ассистентка снова взялась за работу. Безжизненное тело чуть дернулось, когда она пропустила нитку сквозь кожу и туго затянула петлю. Эрика отметила, что распоротая кожа с изнанки больше похожа на крашеный пластик, чем на человеческую плоть.

– Еще кое-что хочу тебе показать. Пройдем в мой кабинет, – пригласил ее Айзек.

В его кабинете в сравнении с помещением морга было тепло. В окно, что находилось высоко на стене, струился солнечный свет. Сама комната была уставлена книжными полками с медицинскими справочниками. К акустической системе *Bose* был подключен светящийся айпод. На столе – полный порядок. На экране ноутбука – заставка в виде вращающихся кубиков.

– Джека Харта задушили таким же пакетом, что и Грегори Манро, – сообщил Айзек, беря со стола прозрачный пакет с вещественным доказательством. В нем лежал измятый полиэтиленовый пакет с крапинками засохшей крови и какого-то белесоватого вещества. На белом шнурке тоже запеклась кровь.

– Что это значит? Из одного и того же супермаркета? – спросила Эрика, забирая у него пакет.

– Нет, эти пакеты изготавливают специально в помощь самоубийцам. Так называемые «суицидальные» пакеты, или «пакеты смерти». Мне следовало сообразить это еще в первом случае, с Грегори Манро. А меня осенило лишь тогда, когда я снова увидел такой пакет на голове Джека Харта.

– А что в нем особенного? Почему нельзя воспользоваться обычным полиэтиленовым пакетом из магазина?

– Не так-то просто натянуть пакет на голову и ждать, когда задохнешься. В нас заложен инстинкт не дать себе задохнуться. Мы называем это гиперкапнической тревожной реакцией. Человек, лишенный поступления в организм кислорода, в панике разрывает пакет. Как видите, «суицидальный» пакет длинный, не прилегает плотно к голове, в нем еще остается пространство. Идея состоит в следующем: надеваете пакет на голову, вставляете под шнурок трубку и затягиваете его на шее, но не очень туго, ведь через трубку нужно закачать инертный газ либо азот. Люди канистрами покупают гелий для надувания воздушных шаров. Газ при вдыхании гасит панику, ощущение нехватки воздуха и рефлекторное сопротивление в бессознательном состоянии.

– То есть убийца должен был специально купить именно такой пакет? – уточнила Эрика.

– Да.

– Где?

– Полагаю, по Интернету, на специальных сайтах, – ответил Айзек.

– То есть в принципе, мы можем достать список людей, которые

покупали такие пакеты? – спросила Эрика.

– Ну, это как вы решите, – сказал Айзек.

* * *

Когда они закончили, Айзек проводил Эрику к выходу.

– Тебе надо выспаться. Вид у тебя измотанный, – заметила Эрика.

– Посплю. – Айзек нажал на кнопку, и железная дверь открылась. –

Э... Я знаю, что на следующей неделе двухлетняя годовщина...

Эрика остановилась, повернулась.

– Гибели Марка, – dokonчила она за Айзека, глядя ему в глаза.

– Да, гибели Марка. Если захочешь отметить, я к твоим услугам. Не захочешь – тоже не беда. Можем пойти куда-нибудь или побыть дома. Я просто не хочу, чтобы в этот день ты была одна.

Эрика улыбнулась.

– Надеюсь, я буду расследовать данное дело. Это меня отвлечет.

– Конечно. Просто знай, что я всегда рядом.

– Спасибо. Как дела со Стивеном?

Айзек виновато уставился в пол.

– Хорошо. Переезжает ко мне.

Эрика кивнула.

– Не осуждай меня, – добавил он.

– Не мне тебя судить, – сказала Эрика, выставя вперед ладони. – До встречи. – Она широко улыбнулась ему и зашагала прочь по длинному коридору.

Глава 38

Рабочий день только начался, Эрика созвала всю свою команду на инструктаж. Она стояла перед демонстрационными досками, на которых рядом с фотографиями Грегори Манро с места преступления появились снимки с Джеком Хартом. Перед самым совещанием прибыл Питерсон.

– Питерсон вернулся, и кофе приличный принес, – сказала Мосс, увидев, как он входит в оперативный отдел с большим подносом, на котором стояли стаканы с кофе.

– Угощайтесь, босс. – Питерсон протянул Эрике поднос со стаканами кофе из «Старбакса».

– Где вы были вчера? – осведомилась она, беря стакан.

– Отходил после китайских «деликатесов», – ответил он, глазом не моргнув.

– Ладно. Хорошо. Я рада, что вы вернулись. – Эрика улыбнулась ему.

– Спасибо, босс, – поблагодарил Питерсон с явным облегчением. Он пошел по кругу, предлагая кофе остальным коллегам.

– Значит, китайские деликатесы. И где ты с ней познакомился? – спросила Мосс с озорной улыбкой, потянувшись за стаканом с быстро пустеющего подноса.

– Это была курица «гунбао», – сказал Питерсон.

– О, ты даже знаешь, как ее зовут. Классное имечко: двойное.

– Отвали, Мосс, – рассмеялся Питерсон.

– Итак, прошу внимания, – громко произнесла Эрика. Все стихли. – Что мы имеем? У нас два убийства, совершенные с разницей в две недели. Обе жертвы живут в радиусе пятнадцати миль. Могу подтвердить, что обе убиты одним и тем же способом: опоены наркотическим средством и задушены полиэтиленовым пакетом.

Она умолкла, ожидая, когда уляжется гомон.

– Одна жертва – обычный семейный доктор. Вторая – одно из самых узнаваемых лиц британского телевидения. Поэтому, как я всегда говорю, начнем сначала. Помните, глупых вопросов не бывает.

– Обе жертвы – мужчины, – высказался констебль Уоррен.

– Да, мы это видим по снимкам с мест преступлений, – согласилась Эрика, показывая на фотографии двух обнаженных мужчин, лежавших на кроватях. – И?

– Их усмирили с помощью «дружка насильников», подмешанного в

алкогольные напитки у них дома, и затем задушили полиэтиленовыми пакетами, – добавила Сингх.

– Да, причем в обоих случаях это один и тот же особый тип пакетов. «Суицидальный» пакет, или «пакет смерти». Их приобретают по Интернету, на специальных сайтах. Необходимо выяснить, какие сайты ими торгуют, взять у них историю продаж со списками операций по кредитным картам и адресами.

– Они оба одного роста, – сказала Мосс. – Грегори Манро был старше, не такой крепкий и здоровый, как Джек Харт.

– Убийца подобрал дозы наркотика в соответствии с физическими данными каждой жертвы. Джек Харт получил более сильную дозу, чем Грегори Манро, значит, можно допустить, что он их изучал, – сделала вывод Эрика.

– За ними обоими следили ночью, – добавил Питерсон.

– Почему вы решили, что именно «следили»?

– Возможно, убийца уже был дома у каждого из них, когда они вернулись... Возможно, он следил за ними дома, наблюдал. И скорей всего не в первый раз, – ответил Питерсон.

– Да, убийства были спланированы. Он заранее разузнал все про оба дома. Грегори Манро подсунил самодельный рекламный листок несуществующей фирмы охранной сигнализации; знал, как проникнуть в жилище Джека Харта, – добавила Мосс.

– Может, он из бывших военных? – предположила Сингх. – Он нигде не оставил свою ДНК.

– Работает либо в больнице, либо в аптеке. Он сумел достать жидкий флунитразепам и шприц... Колпачок от шприца мы нашли под кроватью Джека Харта. Хотя сегодня все это можно приобрести через Интернет, – сказал констебль Уоррен.

– Это указывает на то, что, возможно, между ним и Грегори Манро существует некая связь, – заключил Питерсон.

– Но что связывает его с Джеком Хартом? – задалась вопросом Эрика.

– Есть сведения о том, что Джек Харт имел гомосексуальные отношения теперь или в прошлом? – спросил Питерсон.

– Таких сведений у нас нет, – ответила Эрика. – Сегодня мы собираемся провести официальное опознание в присутствии его жены, но нам, разумеется, придется проявить предельную деликатность, допрашивая ее. У Грегори Манро есть сын, у Джека Харта – двое маленьких детей. Они оба расстались с матерями своих отпрысков. У кого-нибудь есть что сказать по этому поводу?

Ответом ей было молчание.

– Не просто же так этот тип нацелился именно на этих двух мужчин. Должна быть какая-то причина! – воскликнула Эрика, обводя фотографии двух жертв на доске в большой черный круг.

– Но что, черт возьми, может быть общего между районным терапевтом и ведущим скандального шоу? – спросила Мосс.

– Это мы и должны выяснить, причем быстро, – сказала Эрика. – Это выведет нас на убийцу. Преступник, кто бы он ни был, *выбирал* своих жертв. Следил за ними на протяжении какого-то времени, прежде чем убить. В обоих случаях на месте преступления не обнаружено отпечатков пальцев. Таковые не найдены и в комнате дочери соседки Джека Харта, где побывал преступник. Однако у нас есть отпечаток уха, снятый с наружной части задней двери дома Джека Харта. Крейн, есть результаты экспертизы из... – напомните еще раз, куда мы это передали?

– В Национальный учебный центр научного обеспечения уголовных расследований, – ответил Крейн. – Я слышал, они собирались прогнать его через базу данных, в которой более двух тысяч ушных отпечатков. Так что, нам могут позвонить с минуты на минуту.

– Я особых надежд не питаю, но две тысячи ушей... шансов больше, чем я думала, – промолвила Эрика.

– Мне только что переслали фотографии с карты памяти, которую мы изъяли у репортера, – сообщила Мосс, глядя в свой компьютер.

– Почему так долго? – спросила Эрика.

– Металлические контакты погнулись; вероятно, репортер покорежил, когда выдернул карту из фотокамеры и проглотил ее, – объяснила Мосс.

– Ладно, давайте их в проектор, – распорядилась Эрика. Констебль Уоррен взял проектор с полки в глубине оперативного отдела, подключил его к компьютеру Мосс. Еще пару минут он возился с аппаратом и, наконец, навел его на демонстрационную доску.

Эрика погасила свет, погрузив комнату в темноту, потом на задней стене появилось изображение машины в окружении людей на оживленной улице.

– Босс, первые кадры я просто пролистаю, – сказала Мосс, щелкая мышкой. На доске замелькали однообразные снимки, затем фотографии какой-то знаменитости, отъезжающей от ресторана «Айви» в машине с тонированными стеклами.

– Ага, вот. Дом Джека Харта.

На первой фотографии Джек Харт подъезжает к дому в ночь убийства. Мосс листала снимки, сделанные в быстрой последовательности, так что

они походили на прерывистое видео: Джек выбирается из черного такси, идет к калитке, открывает ее, останавливается на мгновение, поворачивается, что-то говорит, идет к дому, лезет в карман за ключами, открывает дверь, исчезает за ней

– В общем, папарацци проводили его до двери, – подытожила Мосс. – Последний кадр сделан... в 12.57 ночи.

Она продолжала листать снимки, теперь уже сделанные со стороны сада за домом Джека Харта. Остановилась на фотографии освещенного окна спальни, снятого с нижней точки.

– Боже. Этот чертов репортер находился в саду прямо перед тем, как убили Джека Харта, – произнесла Эрика.

Затем пошли снимки, сделанные с плоской крыши прямо у окна спальни: шторы раздвинуты, виднеется кровать, снятая с бокового ракурса. Потом снова череда кадров, как при мультипликационной съемке: в спальне появляется голый Джек Харт. В одной руке у него полотенце, в другой – бутылка пива. Он подходит к тумбочке у противоположного окна на переднем фасаде дома, ставит на нее бутылку, опускается на край кровати.

– Стоп! Что это?! – вскричала Эрика. – Вернитесь назад, на два кадра.

– Черт, смотрите! Там, под кроватью, – указал Питерсон.

Джек сидел на кровати голой спиной к фотокамере. Под кроватью виднелся отчетливый силуэт притаившейся фигуры.

– Подождите, сейчас увеличу изображение. – Мосс быстро защелкала мышкой, двигая ее по коврику. Фотография укрупнилась, расширилась, так что демонстрационную доску заполнило темное зернистое изображение фигуры, спрятавшейся под кроватью. Едва различимы были две ладони с растопыренными на ковре пальцами и попавшая в зону света нижняя часть лица – кончик носа и рот.

Эрику особенно поразил рот. Он широко улыбался, оскалив зубы.

– Господи помилуй. Он уже был в доме, ждал его.

В оперативном отделе наступила тишина, которую внезапно взорвала трель телефонного звонка. Крейн схватил трубку и начал что-то говорить тихим голосом.

– Можно еще увеличить, Мосс? – попросила Эрика. Изображение детализировалось на фигуре под кроватью, но получилось слишком размытым и зернистым.

– Отдам компьютерщикам. Может, им удастся добиться большей четкости, – сказала Мосс.

– Босс, интересные новости, – взволнованно произнес Крейн, закончив

говорить по телефону.

– Неужели появился какой-то факт относительно личности преступника? – с надеждой в голосе спросила Эрика.

– Появился. Это не мужчина.

– Что?

– Нилз Акерман исследовал небольшое количество ДНК, что ему удалось соскрести с отпечатка уха на внешней стороне задней двери дома Джека Харта, и образцы кожных клеток, обнаруженных на внешней стороне «суицидального» пакета, которым его задушили. Преступник – женщина.

– Что?

– Белая женщина. Нилз сравнил ДНК с образцами в национальной базе преступников. Совпадений не найдено, у убийцы прежде не было судимостей. Но ДНК женская. Убийства совершила женщина.

По комнате прокатился ропот.

– Но как же быть с тем, что мы установили взаимосвязь между двумя убийствами? – спросил Питерсон.

– Взаимосвязь *существует*, – сказала Эрика. – Что? Или теперь она поставлена под сомнение из-за того, что убийцей оказалась женщина?

– Черт. Кто бы ни была эта женщина, она нас провела. Ведь мы искали мужчину, – заметила Мосс.

Все с минуту осмысливали этот факт. Эрика вернулась к демонстрационной доске, пристально глядя на фигуру под кроватью, на выступающую из темноты нижнюю часть лица с оскаленным в улыбке ртом.

– Ладно. Начнем все сначала. Заново исследуем все вещественные доказательства. Снова опрашиваем местных жителей. И вызовите на допрос этого чокнутого репортера. Мы ищем женщину. Серийного убийцу женского пола.

Глава 39

Симона вернулась домой после долгого дежурства и закрыла за собой входную дверь. Выпроставшись из жакета, она прошла к компьютеру, стоявшему в уголке под лестницей, запустила его, загрузила страничку чата и начала печатать:

СОВА: Герцог, привет. Ты здесь?

Спустя несколько мгновений Герцог откликнулся.

ГЕРЦОГ: Привет, СОВА. Что стряслось?

СОВА: Я опять его видела. Стэна. Мужа моего.

ГЕРЦОГ: Серьезно? И как ты?

СОВА: Так себе. Я знала, что он не настоящий, но он стоял перед глазами как живой.

ГЕРЦОГ: Начала принимать новые лекарства?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Какие?

СОВА: Хальцион.

ГЕРЦОГ: Доза? 0,125 мг?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Галлюцинации – побочный эффект.

СОВА: А то я не знаю!

ГЕРЦОГ: Я через это прошел. Мне давали по 0,5 мг, и все равно толку никакого: что ни день, сна ни в одном глазу – и так до бесконечности... Какие планы?

Симона смотрела на экран. Текст на нем расплывался, и она потеряла усталые зудящие глаза. Бессонница ее мучила уже много лет. Началось это с тех пор, как ее взяли под опеку и поместили в детский приют, где она по ночам, когда ее укладывали спать, боялась закрыть глаза.

В последующие годы, за двадцать с лишним лет, она научилась справляться с бессонницей, мириться с чувством цепенящего изнеможения, ощущением, что ее тело медленно гниет изнутри. Она научилась функционировать как нормальный человек.

Она жаждала сна – это желание постоянно присутствовало в ее мыслях, но когда наступала пора *ложиться спать* – фраза, всякий раз

казавшаяся ей дурной шуткой, – все ее существо холодело от паники. Ее страшило, что она опять не сможет уснуть, что будет бесконечными часами лежать в постели, глядя на светящиеся красные цифры на циферблате электронных часов, прислушиваясь к мыслям, которые бесконтрольно мельтешили в ее голове.

Страх, Симона знала, особенно бесчинствовал по ночам. Когда все остальные, казалось, покинули этот мир, люди, страдающие бессонницей, оставались в одиночестве, на грани тьмы и света. Эта бессонная безысходность заставила Симону выйти за грубияна-садиста и привела к незапланированной беременности. Ребенка она потеряла вскоре после вынужденного бракосочетания со Стэном. Случай вполне типичный, сказал доктор. Женщинам часто не удается выносить ребенка во время первой беременности. Но Симона не могла примириться с потерей. Она была подавлена. Ведь она надеялась, что ее жизнь наконец-то наладилась, с волнением ждала появления на свет маленького существа, что формировался в ее чреве.

На первых порах супружества Симона думала, что присутствие мужа в ее постели поможет ей избавиться от бессонницы, но, как оказалось, она снова лежала по ночам без сна, глядя в темноту. Наблюдала за движениями Стэна на разных стадиях сна – как ритмично вздымается и опускается его грудь, как дергаются веки и поблескивают под ними глаза.

Порой внезапно ритм его тяжелого дыхания сбивался, глаза открывались, наполненные пустотой и голодом. И потом в ночи, когда Симона чувствовала себя особенно уязвимой, изнуренной и непривлекательной, он молча взбирался на нее и тыльной стороной ладони раздвигал ее ноги пренебрежительно, словно ее ноги были надоевшим препятствием, мешавшим ему получить удовлетворение.

Поначалу она просто терпела. Секс зачастую был грубым, нередко причинял ей боль, но она думала, что он теряет контроль над собой из-за того, что страстно желает ее. И потом, она считала своим долгом быть хорошей женой. Считала своим долгом издавать правильные звуки, изображать удовольствие.

Она надеялась, что ее страдания будут вознаграждены: она снова забеременеет, у нее появится еще один шанс стать матерью.

Потом однажды ночью, насилуя ее, муж укусил Симону за грудь. Она была шокирована. Шок почти затмил боль. А он поднял голову с окровавленным ртом и просто продолжил свое дело.

На следующее утро Стэн рассыпался в извинениях. Со слезами на глазах клялся, что такого больше не повторится, и на какое-то время ночной

секс прекратился.

Потом постепенно все вернулось на круги своя. К тому времени Симона уже и вовсе перестала спать, не забывалась сном даже на несколько коротких минут. Она ослабела, отчаялась и полностью покорилась мужу. Шли месяцы, годы, дух борьбы в ней угас, что, казалось, лишь распаляло темные желания мужа. Симона недоумевала, как она могла докатиться до такой жизни? Ведь когда-то она о чем-то мечтала! Хотела иначе построить свою жизнь: путешествовать, обрести свободу, стать другой.

Она была уверена, что ее спасением мог бы стать ребенок, но она больше не беременела, и в конце концов анализы показали, что в результате осложнений вследствие первой беременности она теперь не способна к зачатию. Из-за того, что внутренне она была опустошена, ее и без того проблемные взаимоотношения с мужем обострились до предела. Он постоянно насиловал ее, а потом она лежала в темноте, страдая от боли. Каждый раз Стэн покидал ее, возвращаясь в страну сна.

Порой ей казалось, что она сумела бы противостоять насилию и жестокости, если бы ей удавалось хоть немного поспать. Бессонница превратилась в пытку. Это была неведомая зловещая сила. Собственный мозг восставал против нее, удерживая в действительности, когда другие преспокойно погружались в мир своих грез.

К тому времени, когда Симоне исполнилось тридцать пять, ее муж уже сильно пил, они погрязли в долгах. Примерно в ту же пору им провели Интернет, и ее бессонные ночи осветила точка света – чаты. Поначалу она тяготела к группам поддержки, общаясь с такими же побитыми оскорбленными женами, которые могли дать выход своим страхам, только делаясь личным опытом. Но, читая их посты, она словно читала про саму себя и поняла, что со стороны ее ситуация может вызывать одну лишь жалость.

Потом она познакомилась с Герцогом.

Герцог, как и она, страдал бессонницей. Он слушал ее, не критикуя. Они обсуждали и обычные вещи: любимые телепередачи, всякие курьезные ситуации. Флиртовали.

Герцог представился ей рослым брюнетом (в чем Симона сомневалась), она описывала себя как высокую блондинку (что тоже было ложью). Они уединялись в уютных виртуальных уголках, где вели частные беседы, которые порой принимали страстный, пылкий характер. Он во всех подробностях рассказывал, как хотел бы доставить ей сексуальное наслаждение. Она отвечала тем же. Он заставлял ее чувствовать себя любимой и желанной.

Она рассказывала ему о своей жизни. Повела про жестокого мужа, никогда не называя его по имени. Рассказала о себе все без утайки. Свои самые сокровенные тайны, желания и фантазии. Он был с ней столь же откровенен. Умолчали они только о том, где живут, и как их зовут. Он был ГЕРЦОГ, она – СОВА.

Симона не могла точно вспомнить, когда их беседы приняли более зловещий оборот. Это произошло однажды ночью, после того как над ней надругались. Близость с мужем она теперь характеризовала только так – *надругательство*, а никакой не секс. Она пожаловалась, что доктор прописал ей кучу новых таблеток, которые не помогают от бессонницы. И Герцог написал:

ГЕРЦОГ: Может, эти таблетки лучше подействуют на твоего мужа?

Она долго смотрела на экран. Потом продолжила беседу.

Лишь на третий день Симона набралась смелости. Приготовила для Стэна спагетти по-болонски, и, когда томатный соус закипел на плите, взяла одну из капсул зопиклона, последнего снотворного препарата, который ей прописали. Она вскрыла капсулу и ее содержимое высыпала в большую дымящуюся кастрюлю... Потом размешала белый порошок в вареве.

С волнением она наблюдала, как Стэн уплетает огромную тарелку спагетти. Наевшись, он с бутылкой пива уселся на диван, закинул назад голову и в считанные минуты заснул.

Ее эйфория быстро сменилась страхом. Симона осознала, что повела себя неосмотрительно. Думала лишь о том, чтобы усыпить мужа. А если он проваляется на диване всю ночь? Если утром он проснется и увидит, что сидит на диване? Он ведь заподозрит неладное.

Ей пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы поднять Стэна с дивана и отвести наверх, таща его на себе, словно пьяного. Она была уверена, что выдала себя, и всю ночь тряслась от страха, наблюдая за ним. В голову приходили безумные мысли: сбежать, покончить с собой. А потом вошло солнце, он проснулся. Раздраженный, недовольный. Но, уходя на работу, лишь сказал, что он, должно быть, слишком утомлен.

«Неужели это так легко?» – подумала она тогда.

Прошел месяц, издевательства продолжались, становились все более жестокими. Однажды ужасным вечером они смотрели телевизор, и Стэн вдруг ни с того ни с сего заявил, что он ее ненавидит, что она испортила ему жизнь. Он стал ее избивать. Ей удалось вырваться от него и запереться

в ванной.

Она сидела, съезжившись в ванной, слушая, как он бранится и бушует на кухне. Потом он выломал дверь и ввалился в ванную с кастрюлей в руках. Сорвал с нее одежду и, прижимая к ванне, облил ее голое тело кипятком.

У нее были сильно обожжены грудь и живот. Ожоги начали гноиться, ее терзала нестерпимая боль, и Стэну ничего не оставалось, как отвести жену к врачу. Симона увидела в этом возможность рассказать кому-нибудь о том, что она подвергается жестокому насилию. Но Грегори Манро принял ее жалобы за симптом паранойи и психоза, вызванных бессонницей. Он посчитал, что она лжет! Тем более что Стэн великолепно сыграл роль заботливого мужа.

Да, прежде бывало, что она утрачивала связь с реальностью, у нее случались галлюцинации, и раньше она рассказывала доктору Манро о том, что видела и слышала. Но теперь, даже видя ее ожоги и горькие слезы, доктор Манро усомнился в ее словах. Она доверилась ему, а он не оправдал ее надежд. Принял сторону Стэна, едва ли не жалея его за то, что ему досталась в жены сумасшедшая, и распорядился положить Симону в больницу.

Через неделю ее выписали, и через некоторое время издевательства возобновились. Но Симона все равно боялась уйти от мужа. Доведенная до отчаяния, она не видела выхода из сложившейся ситуации.

Она опять опоила его снотворным, на этот раз положив две таблетки в пиво, что он выпил в постели. В считанные минуты Стэн отключился. Она даже пыталась разбудить мужа – тыкала его, трясла. Безуспешно. Утром он снова проснулся, ни о чем не догадываясь, и, как всегда, пожаловался, что чувствует себя неважно.

Примерно к тому времени Герцог и вовсе перестал спать. Он начал поговаривать, что намерен свести счеты с жизнью, и поведал о том, как он собирается это сделать.

ГЕРЦОГ: Воспользуюсь «суицидальным» пакетом.

СОВА: А что это такое – «суицидальный» пакет?

ГЕРЦОГ: Их еще называют «пакетами смерти»...

СОВА:???

ГЕРЦОГ: Это большой полиэтиленовый пакет со шнурком. С его помощью совершают самоубийство.

СОВА: Мучительная смерть.

ГЕРЦОГ: Нет, если использовать газ – гелий или азот. С гелием проще.

Его канистрами покупают на праздники в честь дня рождения детей. Надеваешь на голову мешок и начинаешь наполнять его газом... И никакой паники, просто засыпаешь. Вечным сном. Благодать.

СОВА: Так просто?

ГЕРЦОГ: Да, если решил воспользоваться «суицидальным» пакетом. Я посещал один интернет-форум, на котором обсуждают способы покончить с собой. Знаешь, если мешок с головы снят и нет следов борьбы, трудно определить, как человек задохнулся и даже что послужило причиной смерти.

СОВА: Не надо, прошу тебя.

ГЕРЦОГ: Почему?

СОВА: Ты нужен мне.

ГЕРЦОГ: Нужен?

СОВА: Да... Я читала о восточной мифологии...

ГЕРЦОГ: Ура! Говори, говори! Я наконец-то засыпаю!

СОВА: Ха-ха. Я же серьезно. Я читала про Инь и Янь. Это две противоположности, дополняющие друг друга. Представь, что мы вместе в постели.

ГЕРЦОГ: Я слушаю. Обнаженные?

СОВА: Возможно... Но я говорю про сон. Представь, что мы оба где-то далеко отсюда, спим вместе в одной постели.

ГЕРЦОГ: Где?

СОВА: Не знаю. Где-нибудь далеко. Прижимаемся друг к другу и засыпаем.

ГЕРЦОГ: Здорово. А потом пробуждаемся – выпавшие, отдохнувшие.

Тогда-то на Симону и снизошло озарение. Она решила, что не хочет умирать. И не желает быть жертвой. Она подробнее расспросила Герцога о «суицидальном» пакете, а потом стерла из компьютера всю свою историю общения в соцсетях. Он заказал для нее один пакет и отослал в больницу, где она работала.

Разумеется, «суицидальный» пакет предназначался не для нее. Для Стэна. Симона сообразила, что гелий ей не понадобится: у нее полно снотворного.

Последний раз Стэн изнасиловал ее с особой жестокостью. Словно чувствовал, что это в последний раз. Это укрепило ее решимость.

На следующее утро, когда Стэн мылся в душе, Симона решила, что осуществит свой план вечером, когда муж придет с работы. Поглядывая на

аптечку, стоявшую на микроволновке, она заваривала чай и вдруг услышала грохот, донесшийся с верхнего этажа. Она взбежала по лестнице и увидела, что Стэн распластался под душем. Он был белый как полотно.

Она, почти не раздумывая, вызвала «скорую». Врачи по прибытии констатировали смерть. Ее муж скончался от сердечного приступа в возрасте тридцати семи лет.

Жизнь изменилась. Симона стала скорбящей вдовой, а Стэн после смерти превратился в трагического героя. Он так и не заплатил за свои зверства. Она должна была бы испытывать облегчение, но чувствовала один лишь гнев. Набухающий комок ярости, что какой-то мужчина отнял у нее столько лет. Ею овладела одержимость. Она совсем перестала спать, обессилела. Ей нравилось представлять, что Стэн по-прежнему жив. Живой Стэн не мог рассчитывать на сочувствие.

* * *

Симона осознала, что задумалась. Расплывающийся экран компьютера снова обрел четкость. Герцог ей писал и писал, спрашивая, куда она подевалась.

ГЕРЦОГ: Сова?

ГЕРЦОГ: Ты еще здесь?

ГЕРЦОГ:???????

СОВА: Извини, Герцог, грезил наяву.

ГЕРЦОГ: Ну? Что дальше? Мы с тобой наконец-то встретимся? Будем лежать вместе в постели? Далеко-далеко?

СОВА: Скоро. Очень скоро. Вот только разберусь еще с одним именем в своем списке.

Симона подумала про список. Он существовал только у нее в голове. Однако был вполне реальным. Убив доктора Грегори Манро – врача, который поверил Стэну, а не ей, – она перечеркнула его имя жирной черной линией. То же самое она сделала с Джеком Хартом. Харта выследить оказалось сложнее. В ту пору, много лет назад, когда он написал статью о ее жестокой нерадивой матери, он был честлюбивым журналистом. Из того, что произошло с ней, он раздул сенсацию, и это помогло ему продвинуться по карьерной лестнице... А Симона оказалась в детском приюте, одна-одинешенька, перед лицом новых ужасов. Джек Харт отнял у нее мать.

Симона подумала про свою следующую жертву и улыбнулась себе. Это будет ее лучшее убийство!

Глава 40

На следующий день в половине восьмого утра Эрика приехала в отделение Луишем-Роу. Ее вызвали на очередное совещание по выработке стратегии, которое было назначено в срочном порядке после того, как она накануне доложила Маршу, что продолжает работать по данному делу и что теперь они ищут серийного убийцу-женщину.

Она припарковалась и выбралась из машины на утренний зной. Вокруг на строительных площадках, где возводились здания, клацали и громыхали подъемные краны. Небо хмурилось, в воздухе висела влага. Собиравшиеся тучи блестели на солнце как сталь. Эрика заперла машину и направилась к главному входу. Надвигалась буря – и на улице, и на работе.

– Доброе утро, босс, – поприветствовал ее Вулф, когда она вошла в отделение. Он сидел, склонившись над утренней газетой, держа в левой руке надкусанную булочку из слоеного теста. Читал в «Дейли стар» статью о Джеке Харте – **«ДЖЕК ХАРТ – ЖЕРТВА НЕОБЫЧНОГО СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ»**, – которая вся была усыпана крошками.

– Черт, – воскликнула Эрика. Склонившись над столом, она пробежала глазами статью.

– Смотрите, они даже приложение выпустили. – Вулф вытащил из газеты глянцевого черной журнал с огромной фотографией Джека Харта, смотрящего в объектив. Над его головой стояла надпись: «ПОКОЙСЯ С МИРОМ». – Даже в руки взять нельзя, измажешься, как черт, – простонал Вулф, показывая ладонь со следами черной краски.

– Может, это специально. Метафора такая, – сказала Эрика, проводя пропуском по электронному замку.

– Вы и правда считаете, что убийца *женщина*? – спросил Вулф, морща лоб.

– Да. – Эрика открыла дверь и прошла в отделение.

* * *

В конференц-зале работал кондиционер, лишь привнося зябкость в неприветливую атмосферу. Вокруг длинного стола сидели Эрика, старший суперинтендант Марш, Коллин Скэнлан, криминалист-психолог Тим Эйкен и помощник комиссара Оукли.

– Старший инспектор Фостер, – сразу перешел к делу Оукли, – меня крайне тревожит, что вы пришли к заключению, будто эти убийства совершены женщиной.

– Сэр, серийными убийцами бывают и женщины, – ответила Эрика.

– Знаю! Но в данном случае доказательств – кот наплакал. Мы имеем лишь ДНК с отпечатка уха, снятого с задней двери дома Джека Харта...

– Сэр, нам также удалось соскоблить клетки кожи с пакета, надетого на голову Джека Харта. Он задыхался несколько минут, очевидно, метался, ударив убийцу по лицу.

Оукли молчал, склонив набок голову. Эрика знала, что он специально держит паузу, тем самым вынуждая тех, кому он задавал вопросы, лепетать или сболтнуть что-то такое, что позже Оукли мог использовать для укрепления своей позиции. Эрика хранила молчание.

– Мне бы хотелось услышать, что скажет Тим. – Оукли перевел взгляд на криминалиста-психолога. Тим поднял глаза от записей в своем блокноте. Волосы у него на голове стояли торчком, лицо покрывала трехдневная щетина.

– Веские факты, указывающие на то, что преступник – женщина, происходят лишь из двух источников. Это – отпечаток уха с задней двери и полиэтиленовый пакет. Их появлению есть множество объяснений. Дверь недавно перекрашивали – за полтора месяца до убийства: отпечаток могла оставить одна из рабочих. Несколько лет назад был случай, когда суд принял отпечаток уха в качестве доказательства по делу о противоправном вторжении в дом, которое привело к гибели супружеской четы. На основании отпечатка уха осудили человека, который, как позже выяснилось, в этом доме вполне законно выполнял работу сантехника.

– А как вы объясните наличие той же ДНК на полиэтиленовом пакете? – спросила Эрика.

– В хозяйственном помещении Джек Харт хранил бытовые инструменты и садовый инвентарь. В протоколе осмотра места преступления говорится, что в двух выдвижных ящиках были обнаружены мешки для мусора, полиэтиленовые пакеты для заморозки и старые газеты. Вполне вероятно, что та же самая малярша открывала эти ящики и оставила на полиэтиленовом пакете свою ДНК.

– Орудием убийства был не обычный полиэтиленовый пакет. Такой пакет называют «суицидальным», или «пакетом смерти». Особый товар, который нужно заказывать через Интернет.

– Да, и этот «суицидальный» пакет мало чем отличается от обычных полиэтиленовых мешков или пакетов на молнии, которые используются для бытовых нужд. Если не принимать во внимание вещественные доказательства, вся схема преступления говорит в пользу убийцы-мужчины. И нельзя забывать, что в убийстве первой жертвы, Грегори

Манро, присутствовал гомосексуальный элемент... Обе жертвы были найдены голыми в постели. Не хотелось бы скатываться на стереотипы, но среди женщин редко встречаются серийные убийцы, и нужно иметь больше конкретных фактов, чтобы отказаться от версии о том, что эти убийства совершил в одиночку некий белый мужчина.

– То есть вы предлагаете проигнорировать улики и сосредоточиться на статистике? – спросила Эрика.

– Пресса активно обсуждает эти убийства, – вмешалась Коллин, перед которой на столе лежала стопка свежих газет. – Мы должны выступить с заявлением. Сейчас, по выражению журналистов, мертвый сезон. В свете мало что происходит; кроме жары, писать не о чем. А тут, нате вам, серийный убийца... шумиха вокруг него еще долго не уляжется.

– Я считаю, что эти убийства совершены женщиной, – стояла на своем Эрика. – Если бы источником ДНК был только отпечаток уха с задней двери дома, я предложила бы не делать скоропалительных выводов. Но ДНК женщины также обнаружена на пакете, в котором задохнулся Джек Харт, и в скором времени у нас будет больше подробностей о поставщике этого пакета: веб-сайт согласился предоставить нам информацию о покупателях. У нас появится больше шансов поймать убийцу, если мы сосредоточим усилия на поиске женщины. Я предлагаю сделать реконструкцию. Пусть Коллин свяжется с создателями программы «Внимание, розыск!»^[26], что идет по Би-би-си. Через несколько дней они дают в эфир свой ежемесячный выпуск. Мы можем воссоздать последние шаги Грегори Манро и Джека Харта, которые привели их к гибели.

Ответом ей было молчание. Коллин переводила взгляд с Марша на Оукли.

– Вы еще не произнесли ни слова, Пол, – заметил Оукли Маршу.

– Я поддерживаю позицию старшего инспектора Фостер, – сказал Марш. – На мой взгляд, это уникальный случай, и с учетом анализа ДНК было бы целесообразно сосредоточиться на поиске этой женщины. Только я еще посоветовал бы Эрике не исключать возможность того, что эта женщина действует в паре с мужчиной. И сориентировать на это общественность.

– Но это неслыханно, – воскликнул Оукли. – За все годы, что я служу в полиции, еще не было случая, чтобы мы ловили серийного убийцу-женщину.

– А вы бы чаще общались с рядовыми следователями, сэр, – съязвила Эрика. Марш бросил на нее предостерегающий взгляд.

– Что ж, Эрика, будь по-вашему. Но учтите: я буду пристально следить

за ходом следствия, – предупредил Оукли.

* * *

Эрика вышла из конференц-зала и, вдохновленная своей победой, стала спускаться по лестнице, направляясь в оперативный отдел. Этажом выше отворилась дверь. Она глянула наверх и, увидев Марша, остановилась, дожидаясь, когда он нагонит ее. Они встретились на лестничной площадке, где из огромного окна открывалась панорама лондонского пригорода. На горизонте собирались тучи.

– Спасибо за поддержку, сэр, – поблагодарила Марша Эрика. – Мы сейчас же приступим к реконструкции на передаче «Внимание, розыск!».

– Телереконструкция откроет перед вами большие возможности. Не упустите их.

– Не упустим, сэр.

– Эрика, лично я ставлю пятьдесят на пятьдесят, что убийца – женщина, но, как я говорю, теперь дело за вами.

– На моем счету много раскрытых преступлений, сэр. Я редко ошибаюсь в таких вещах, вы же знаете. Всегда даю результат.

– Знаю.

– К слову, о моих заслугах, есть новости о повышении по службе?

– Вот поймаете эту чокнутую стерву, потом и поговорим о продвижении, – ответил Марш. – Ладно, мне пора. Держите меня в курсе.

Он ушел, а Эрика осталась стоять на лестнице, глядя в окно на город.

Забавно, что у нас так много общего, у убийцы и у меня, думала она. Нас обеих недооценивают, потому что мы женщины.

Глава 41

Спустя несколько дней Эрика и Мосс находились на Лорел-роуд, наблюдая за работой съемочной группы телепрограммы «Внимание, розыск!». Разразившаяся утром гроза положила конец периоду сильной жары, и теперь проливной дождь с грохотом колошматил по крышам двух больших микроавтобусов Би-би-си, припаркованных в начале улицы.

Эрика с Мосс, укрывшись от ливня под огромным зонтом, что поставили перед одним из микроавтобусов, смотрели, как актер, которому поручили исполнять роль Грегори Манро, идет по улице и заходит в дом № 14. За ним следовал оператор в просторном прозрачном дождевике-пончо, к телу которого черными металлическими ремнями крепился «Стэдикам». Остальные члены съемочной группы кучковались под зонтами у противоположной стены. Жители соседних домов, которые не были на работе, с любопытством наблюдали за происходящим, прячась от дождя под навесами у дверей своих домов.

В конце улицы поставили ограждение, вдоль которого выстроились журналисты и зеваки, следившие за съемочным процессом.

По словам продюсера и режиссера, дождь не должен быть замечен в кадрах, если только он не льет стенами, но Мосс с Эрикой, наблюдая за репетицией, видели, как дождевая вода бурлит на дороге и пузырится у обочины, с бульканьем сливаясь в канализационные стоки.

– Погодка не из тех, что поможет вспомнить подробности жаркого летнего вечера, – заметила Эрика, затягиваясь сигаретой. К ним подошел один из ассистентов съемочной группы, тоже в просторном прозрачном дождевике. В руке он держал планшет с зажимом. С ним была невысокая темноволосая девушка в черных спортивных штанах и черном джемпере. Они оба ежились под большим зонтом.

– Здравствуйте, кто из вас старший инспектор Фостер? – спросил парень.

– Я, – ответила Эрика и добавила: – А это инспектор Мосс.

Они все обменялись рукопожатиями.

– Меня зовут Том, а это Лотти Мари Харпер, исполнительница роли убийцы.

Молодая женщина была миниатюрной, с мелкими чертами лица и прямыми волосами. Она открыла в улыбке свой маленький ротик, обнажив нижний ряд зубов, и произнесла с безупречно правильным английским

выговором:

– Для меня это так необычно. – Она поднесла к голове руку, проверяя, не выбились ли из пучка волосы. – Прежде мне не доводилось играть настоящих убийц. Что еще вы можете рассказать? Мой агент не вдавался в подробности...

Эрика глянула на молодого координатора.

– Не волнуйтесь, с нее взяли подписку о неразглашении конфиденциальной информации, – объяснил он.

Эрика кивнула.

– Хорошо. Она действует очень методично. Мы считаем, что она тщательно готовит свои преступления, заблаговременно проводя осмотр жилищ намеченных жертв. В обоих случаях она проникала в дома до возвращения хозяев и, затаившись там, ждала, когда они выпьют или съедят то, что она сдобрила транквилизатором.

– Что вы говорите! – воскликнула Лотти, прикрыв свой маленький ротик изящной рукой с безукоризненным маникюром.

– Да, это так, – ответила Мосс.

– Даже представить себе не могу, чтобы кто-то проник в мою квартиру, причем не один раз, чтобы узнать что-то обо мне...

Мосс вытащила из подмышки пластиковую папку и нашла в ней фотографию убийцы, прятавшегося под кроватью Джека Харта. Изображение увеличили, выделив крупным планом, насколько это было возможно, притаившуюся под кроватью фигуру, от которой бросало в дрожь. Нижняя часть ее лица была видна, но все остальное от носа и выше исчезало в тени. Маленький рот был почти один в один, как у молодой актрисы.

– Нижнюю часть лица подобрали правильно, – сказала Эрика, поднимая фотографию к лицу Лотти. – Полагаю, будут сделаны несколько снимков крупным планом?

– Да, режиссер сделает, – ответил молодой ассистент.

Лотти взяла фотографию и с минуту молча рассматривала ее. Было слышно, как дождь барабанит по зонтам.

– И это все произошло на самом деле в том доме, – проронила она, глянув через плечо на дом № 14.

– Да. И мы намерены поймать ее с вашей помощью, – сказала Мосс. – Вы уверены, что сумеете сыграть эту роль? Вы слишком милы и добры, чтобы быть убийцей.

– Я училась актерскому мастерству в Королевской академии драматического искусства, – сообщила Лотти несколько высокомерным

тоном, возвращая фотографию Мосс. Возникла заминка. Неловкость сгладил подошедший к ним режиссер, высокий энергичный мужчина с красным лицом.

– Ну все, мы готовы. Три часа снимаем здесь, потом перебираемся в Далидж и воссоздаем картину второго убийства.

Они пошли прочь, оставив Эрику с Мосс под зонтом. Дождь застучал настойчивее по крыше стоявшего за ними микроавтобуса.

– Вас не беспокоит, что мы подозреваем в убийстве такую миниатюрную женщину, как наша актриса? – спросила Мосс. – Видели, наверно, что пишут газеты.

– Вот что удивительно: если мы расследуем изнасилование или убийство, совершенное мужчиной, это нормально. Мужчины насилуют женщин и убивают их тоже, но почему-то никто не считает, что у них на это должен быть «мотив»... А вот если подобные преступления совершает женщина, в обществе поднимается шумиха, начинаются бесконечные разговоры, почему, да зачем...

Мосс кивнула.

– А схема этих преступлений соответствует психологии серийного убийцы женского пола. Убийства, совершенные женщиной, обычно куда более продуманные и тщательно спланированные. И в качестве способа убийства женщины часто выбирают отравление.

– Хотя в данном случае отравление сопровождается насилием, и она выслеживает свои жертвы по ночам, – добавила Эрика.

– Ночной Охотник... Так написала сегодня *The Sun*.

– Видела, – сказала Эрика, взглянув на Мосс.

– Меткое прозвище. Как я сама не додумалась, – улыбнулась та.

– Ну-ну, я напомню вам об этом в будущем, когда нас начнут преследовать кошмары, – усмехнулась Эрика.

Они посмотрели в ту сторону, где Лотти с оператором и режиссером начали репетировать. Вдалеке снова загрохотал гром. Репортеры и зеваки, собравшиеся за ограждениями в конце улицы, щелкали фотокамерами и снимали на телефоны происходящее. Плюс актеры и съемочная группа – все это зрелище походило на пантомимический фарс.

– Вас не беспокоит, что мы можем оказаться не правы? – спросила Мосс.

– Беспокоит, – ответила Эрика. – Меня все беспокоит. И я вынуждена полагаться на интуицию. А моя интуиция подсказывает, что это и есть наш убийца. И, увидев себя на экране, она, возможно, совершит какую-то глупость и допустит оплошность.

Зазвонил ее телефон. Она вытащила его из сумки, ответила.

– Босс, это Крейн... Есть минутка?

– В чем дело?

– Помните мальчика по вызову, который навещал Грегори Манро? Джорди Леви?

– Да.

– В общем, я связался с одним из наших специалистов по тайным расследованиям в Интернете, и тот разместил анкету подставного лица на сайте «Мальчики по найму». Вступил с ним в переписку, выдавая себя за гомосека. Тот предложил встретиться. Сегодня.

– Где?

– В пабе «Железнодорожный» в Форест-Хилл, в четыре часа дня.

– Отличная работа, Крейн. Встречаемся там без четверти четыре, – сказала Эрика. Она положила трубку и передала содержание разговора Мосс.

– Я останусь здесь, присмотрю за нашим серийным убийцей. – Мосс бросила взгляд на Лотти, которая теперь ждала под зонтом, когда женщина в дождевике закончит ее гримировать.

– Не сомневаюсь, у вас получится, – улыбнулась Эрика, закатив глаза.

Глава 42

Паб «Железнодорожный» в Форест-Хилл находился рядом с домом Эстель, матери Грегори Манро. Эрика оценила этот ход, въезжая на его парковку. Внешне паб представлял собой заведение в старомодном стиле: облицовка мозаичной керамической плиткой, начищенные медные лампы над каждым окном, над парковкой высоко на шесте раскачивается вывеска.

На летней террасе, вдававшейся на территорию парковки, Эрика заметила за одним из столиков Крейна. Тот сидел один, стараясь не выделяться среди посетителей, которые наслаждались напитками под послеполуденным солнцем.

– Он вошел в паб пару минут назад, – доложил Крейн, поднимаясь, когда Эрика подошла к его столику.

– Отлично. Чье фото поместили на сайт? Кого он ждет? – спросила она, когда вдвоем они стали пробираться между столиками к главному входу.

– Уоррена... Я подумал, это должен быть кто-то посимпатичнее меня!

– Не прибедряйтесь, – сказала Эрика. – Как говаривал мой муж, для каждой кастрюли своя крышка.

– Приму это за комплимент... пожалуй, – улыбнулся Крейн.

В самом пабе имелось все традиционное оборудование английских пивных, но стены были выкрашены в белый цвет, добавлено мягкое атмосферное освещение и над барной стойкой висело дорогое меню, в котором присутствовали традиционные блюда высокого качества. Народу было немного, и молодого парня Эрика заметила сразу. Он сидел в угловой кабинке, перед ним на столе стояли полпинты пива и стопка какого-то крепкого напитка.

– Как будем действовать? – тихо спросил Крейн.

– Без лишнего шума, – ответила Эрика. – Хорошо, что он выбрал кабинку.

Они подошли к столику, за которым сидел парень, и встали по обе стороны от сиденья с изогнутой спинкой, преграждая ему пути к бегству. На нем был красно-черный спортивный костюм из блестящей ткани; длинные волосы до плеч посередине разделял пробор.

Они показали свои удостоверения.

– Джорди Леви? – обратилась к нему Эрика. – Я – старший инспектор Фостер, со мной сержант Крейн.

– В чем дело? Я просто сижу и пью, никого не трогаю. Законом это не запрещено...

– И ждете вот этого парня, с которым договорились здесь встретиться, – сказал Крейн, доставая фото Уоррена.

– Кто вам сказал?

– Я и сам знаю. Это я договаривался с вами о встрече, – отвечал Крейн. Парень поджал губы и затем осушил стопку.

– Ну и что? Закон не запрещает встречаться с кем-то в пабе. – Он со стуком поставил стаканчик на стол.

– Нет, все нормально, – подтвердила Эрика. – Мы просто хотим с вами поговорить? Что пьете?

– Двойную порцию водки. И картофельные чипсы.

Эрика кивнула Крейну, и тот направился к бару. Она села за столик.

– Джорди. Вам известно, о чем мы хотим с вами поговорить?

– Могу попробовать угадать. – Парень допил пиво и поставил бокал на стол.

– Мы не из полиции нравов. Нас не интересует, как вы зарабатываете на жизнь, – объяснила Эрика.

– Как я зарабатываю на жизнь! Я не стоматолог-гигиенист...

– Я расследую убийство Грегори Манро, здешнего врача. Его убили десять дней назад. – Эрика вытащила из сумки фотографию Грегори Манро. – Вот он.

– Я его не убивал, – заявил Джорди, лишь мельком глянув на фото.

– Мы вас не подозреваем. Но соседи видели, как вы выходили из его дома за несколько дней до его гибели. Вы подтверждаете, что были у него дома?

Джорди откинулся на спинку сиденья и пожал плечами.

– Я не веду календарь, для меня все дни похожи один на другой.

– Мы просто хотим знать, что произошло, возможно, вы что-то видели. Ваши показания помогут следствию. Сами вы вне подозрения. Пожалуйста, взгляните еще раз на фото. Вы узнаете его?

Джорди посмотрел на снимок и кивнул.

– Да, узнаю.

Вернулся Крейн с подносом, на котором стояли напитки. Парню он дал водку и чипсы, Эрике – один из бокалов с кока-колой, а сам сел напротив. Джорди убрал за уши волосы и открыл пачку чипсов. От него несло потом, ногти были грязные.

– Итак, нам нужно знать, приходили ли вы домой к Грегори Манро в период с понедельника по понедельник между 20 и 27 июня? – спросила

Эрика.

– Кажется, приходил, – пожал он плечами.

Эрика глотнула кока-колу.

– По-вашему, Грегори Манро был геем?

– Свое настоящее имя он не называл, а геем он был, да, – отвечал

Джорди, жуя чипсы.

– И вы это знаете наверняка?

– Ну, если он был не гей, тогда что мой член делал в его заднице?

Крейн вскинул брови.

– Как вы договорились о встрече? – продолжала Эрика.

– Через «Крейгслист»^[27]. Поместил туда объявление.

– Что за объявление?

– Что готов встречаться с мужчинами за денежное пожертвование.

Делать пожертвования не противозаконно.

– И Грегори Манро пожертвовал вам деньги?

– Да.

– Сколько?

– Сотню.

– Вы провели у него ночь?

– Да.

– О чем вы говорили, Джорди?

– Мы почти не разговаривали. Большую часть времени рот мой был занят... – ухмыльнулся он.

Эрика вытащила из сумки один из снимков места преступления и положила его перед Джорди на полированную поверхность деревянного стола.

– По-вашему, это смешно? Взгляните. Здесь Грегори Манро лежит на кровати с привязанными руками и полиэтиленовым пакетом на голове.

Джорди охнул при виде фото, побелел как снег, хотя и так был бледен.

– А теперь, прошу вас, расскажите все, что вам известно о Грегори Манро. Это очень важно, – произнесла Эрика.

Джорди выпил водки.

– Да он был такой же, как все женатики, стыдящиеся своих наклонностей. Умоляют, чтобы их трахнули как следует, а потом слезы льют от стыда. Во второй мой приход он особенно сильно нервничал. Все спрашивал, не брал ли я ключи.

– Что за ключи?

– От входной двери.

– Почему?

– Он думал, что я промышляю воровством. Многие так думают. Но потом он спросил, не заходил ли я к нему домой в его отсутствие.

Эрика посмотрела на Крейна.

– А вы бывали у него дома в его отсутствие?

Джорди покачал головой.

– Он сказал, что вещи его не на месте.

– Какие вещи?

– Нательное белье лежало на кровати... Его это ужасно напугало.

– Он разводился с женой, – сказала Эрика, чувствуя, как в душе поднимается волнение. – Может быть, это жена приходила?

– Он утверждал, что это не может быть она. Он только-только сменил все замки. Ключи были только у него. Он вызвал женщину из какой-то охранной компании, чтобы она все проверила.

Эрика с Крейном переглянулись.

– Вы видели эту женщину?

– Нет.

– Он описывал ее внешность?

– Нет.

– Хорошо, тогда припомните, говорил ли он, *когда именно* эта женщина приходила к нему домой?

Джорди поджал губы, задумавшись.

– Не знаю. Постойте: это было в мой второй приход. Она ушла как раз передо мной. Он, казалось, успокоился после того, как она все проверила.

– Не помните, это было в понедельник? Если в понедельник, значит, 21 июня.

Джорди скривился, снова посмотрев на фото, и прикусил губу.

– М-м-м, да... Да, точно, в понедельник.

Эрика достала из сумки три двадчатки и протянула их Джорди.

– Что это? – спросил он, глядя на деньги.

– Пожертвование, – ответила Эрика.

– Я договорился на сотню.

– Торг здесь неуместен.

Джорди взял деньги, поднял с пола из-под стола рюкзачок и протиснулся мимо них.

– Близо мы подобрались, – произнес Крейн через несколько минут после ухода Джорди. – Думаете, она подстроила проникновение, а потом вернулась в понедельник 21 июня, выдавая себя за представителя фирмы «Дом под охраной»?

– Да. Проклятье! Если бы Джорди видел ее, мы могли бы составить

фоторобот и представить его в программу «Внимание, розыск!», – сказала Эрика. Дверь в паб отворилась, и Эрика мгновенно выпрямилась на сиденье. В зал вошел Гэри Уилмслоу в сопровождении высокого брюнета в джинсах и футболке с эмблемой футбольного клуба «Миллуолл» и маленького мальчика, в котором Эрика узнала Питера, сына Грегори Манро.

– Черт, этого нам только не хватало, – пробормотал Крейн. Вошедшие направились к барной стойке, а потом Гэри заметил их. Он сказал что-то брюнету и вместе с Питером подошел к Эрике и Крейну.

– Привет, легавые, – глумливо произнес он.

– Здравствуйте, – ответила Эрика. – Здравствуй, Питер. Как твои дела? Мальчик, бледный и осунувшийся, поднял глаза на Эрику.

– Мой папа умер... Вчера в земле выкопали яму и положили его туда, – безжизненным тоном доложил он.

– Я тебе сочувствую, – сказала Эрика.

– Ваш бойфренд? – любопытствовал Гэри, кивнув на Крейна.

– Нет. Я – сержант Крейн, – представился тот, показав удостоверение.

– Ой-ой, чо корочками-то размахался? – спросил Гэри.

– Вы хотели знать, кто он такой, – объяснила Эрика.

Атмосфера накалялась. Гэри переводил взгляд с Эрики на Крейна.

– Ну и каким ветром вас сюда занесло? Просто зашли выпить в паб у моего дома?

– В вашем районе много пабов, Гэри, – заметил Крейн.

– А кто этот ваш друг? – осведомилась Эрика. Спутник Гэри у барной стойки расплачивался за напитки.

– Деловой партнер... Ладно, заболтался я с вами.

– Питер, ты как? У тебя все хорошо? – выпалила Эрика, глядя на апатичного мальчика.

– Его отца только что похоронили. Что за глупый вопрос? – рявкнул Гэри.

– Эй, полегче, – предупредил его Крейн.

– Я – сама любезность, – огрызнулся Гэри. – Все, мне пора.

Он пошел прочь, уводя за собой Питера. Эрике хотелось схватить мальчика и бежать с ним из паба, но она понимала, что это было бы безумием. Как бы она объяснила свой поступок, не рискуя провалить важную операцию?

Эрика с Крейном покинули паб и вышли на солнце. Теперь все столики на террасе были заняты. За одним Эрика заметила высокого сухопарого темноволосого мужчину, сидевшего рядом с худой длинноносой

женщиной в футболке на лямочках. Та, склонившись над телефоном, что-то в нем писала. Ее светлые волосы были собраны в конский хвостик. Его бледное лицо покрывали оспины от угрей, свои длинные до плеч черные сальные волосы он зачесал назад, обнажив высокий лоб. Наряд его состоял из обычной футболки и бежевых шортов.

Эрика, пробираясь между столиками впереди Крейна, прямой наводкой направилась к ним.

– Старший инспектор Спаркс? – окликнула она мужчину, приблизившись к их столику.

– Старший инспектор Фостер, – удивился тот. Его спутница выпрямилась, ее взгляд метнулся к окну паба.

– Отдыхаете? Освежаетесь напитками? – спросила Эрика, проследив за взглядом женщины.

– В некотором роде, – ответил Спаркс. Следом за Эрикой к столику подоспел Крейн.

– Привет, Спаркс, давно не виделись... Где вы теперь? – полюбопытствовал он.

– М-м-м, возглавляю один из отделов по расследованию убийств на севере Лондона. – Спаркс переводил взгляд с Эрики на Крейна. – А это инспектор Пауэлл, – представил он свою спутницу. Они все обменялись любезностями.

– Крейн, подождите меня в машине, – попросила сержанта Эрика.

– Хорошо. – Крейн озадаченно посмотрел на Эрику и зашагал прочь.

– Значит, вы оба здесь, в южном Лондоне, отдыхаете с выпивкой в будний день, стараясь не привлекать к себе внимания. Это как-то связано с Гэри Уилмслоу? – спросила она, когда Крейн отошел достаточно далеко.

– Простите, а вы кто? – поинтересовалась женщина.

– Старший инспектор Фостер, бывшая коллега Спаркса, – тихо представилась Эрика. – В этом пабе находятся без присмотра два типа, принимающие активное участие в производстве детского порновидео, а с ними ребенок.

– Мы знаем... – начала женщина.

Спаркс навалился на стол.

– Фостер, вам лучше удалиться. Мы ведем скрытое наблюдение.

– Операция «Хемслоу», да? – уточнила Эрика.

Спаркс и Пауэлл переглянулись.

– Да, Эрика. Нас подключили в порядке усиления, – объяснил Спаркс, не сводя глаз с окон паба. – Уходите, пока не выдали нас.

– Да вы и так тут торчите, как два дерева в чистом поле. Вы вообще

понимаете, насколько незащищен сейчас там этот ребенок? Его зовут Питер.

– Мы знаем. И если вы немедленно не уберетесь и раскроете нас, я доложу об этом вашему начальству, – пригрозил Спаркс.

Эрика посмотрела на них долгим взглядом и пошла к машине.

– В чем там было дело, босс? – спросил Крейн, когда она села за руль.

– Ни в чем, – отрезала Эрика. Ее до сих пор всю трясло.

– Я не видел Спаркса с тех пор, как вы отстранили его от дела об убийстве Андреа Дуглас-Браун^[28]... Не самый лучший сыщик в мире, да? Дотошным его не назовешь.

– Да, – согласилась Эрика.

– Это была его подружка?

– Не думаю.

– Оно и видно. Она не его уровня. Впрочем, как и большинство женщин, – подытожил Крейн. – Как бы то ни было, мы получили еще одно подтверждение, что в доме Грегори Манро находилась женщина. Я считаю, что это результат!

– Да, – кивнула Эрика.

Они поехали. По дороге она думала о маленьком Питере, который остался с Гэри Уилмслоу и его темноволосым «деловым партнером», и чувствовала себя беспомощной.

Глава 43

Вечером следующего дня, по окончании долгой рабочей недели, Айзек Стронг лежал на диване со Стивеном Линли. Он только что приготовил для них праздничный ужин: Стивен закончил работу над своим последним романом и сдал рукопись издателю.

– Шампанского еще хочешь, Стиви? – спросил Айзек.

– Из бутылки, что стоит в ведерке со льдом, с белой салфеткой вокруг горлышка? – уточнил Стивен, приподняв голову с груди Айзека.

– А почему бы не сделать, как положено? – промурлыкал Айзек, чмокнув Стивена в лоб.

– Я не знаю никого, кто дома подавал бы шампанское, как в ресторане, – рассмеялся Стивен. Он чуть отодвинулся, давая Айзеку встать с дивана. – И где ты это достал? – спросил Стивен, протягивая свой бокал и показывая на ведро со льдом, которое стояло на металлической подставке возле дивана.

– Заказал по каталогу *Lakeland*. – Айзек взял бутылку из ведерка, в котором загремел лед, и наполнил их бокалы.

– А подставку?

– Это из морга. Обычно на ней лежат пила и мои скальпели... Я подумал, такая жуть вполне уместна на торжестве в честь твоей новой книги.

– Мистер Безупречный стащил вещь с работы! Я польщен. – Стивен глотнул холодного бодрящего шампанского. Айзек вернулся на диван, но, услышав, как в кухне запикал таймер, снова встал, чтобы отключить его.

– Неужели еще одно блюдо? – простонал Стивен.

– Нет. Я поставил его, чтобы не пропустить «Внимание, розыск!».

– Господи, помилуй. Опять эта твоя ужасная подружка-ищейка с ужасными манерами... и ужасной стрижкой?!

– У Эрики нормальные манеры. И стрижка нормальная.

– Согласись, прическа у нее утилитарная. Она лесбиянка?

– Нет, – вздохнул Айзек, – она была замужем, я же говорил... Теперь вдова.

– Он повесился, что ли, ее муж?

– Погиб при исполнении служебного долга...

– Ах да, припоминаю. – Стивен снова глотнул шампанского. – Рейд по захвату нарколаборатории. По ее вине погибли и муж ее, и еще четверо

других членов группы... А знаешь, отличный сюжет для книги.

– Стивен, ты жесток. Мне это совсем не по нраву.

– Сам подписался, – усмехнулся Стивен. – Да, я – безжалостный стервец... Имя я изменю.

– Не смей об этом писать... Все, мы смотрим «Внимание, розыск!». Передача посвящена делу, над которым я работаю. У меня к ней как профессиональный интерес, так и личный.

Айзек взял пульт и включил телевизор. Пошли начальные титры программы «Внимание, розыск!».

– Значит, двойное убийство, серийный убийца? Да?

– Да.

– Жуткая история. С Джеком Хартом, да? – не унимался Стивен.

– Тсс! – шикнул на него Айзек. Они молча смотрели, как ведущий программы излагает подробности дела.

– Первой жертвой стал доктор Грегори Манро, врач общей практики из Онор-Оук-Парк на юге Лондона. Последний раз его видели, когда он возвращался домой с работы около семи часов вечера 27 июня...

На экране актер, исполнявший роль Грегори, шел по Лорел-роуд к своему дому. Еще было светло, на улице дети прыгали через скакалку.

– А вот это уже сказки, – начал Стивен, потягивая шампанское. – Кто сегодня выпускает детей поиграть на улицу? Они сидят взаперти. Родители держат их дома, где они развлекаются за компьютерами или с телефонами... А как педофилы подбираются к детям в наши дни? Через Интернет. Ужас какой-то...

– Помолчи, – одернул его Айзек.

На экране молодая актриса в черном кралась по темной тропинке меж кустами за домом. Камера крупным планом показала ее лицо, которое осветил проезжавший мимо поезд.

– Миленькая, – заметил Айзек.

– Как эльф, – согласился Стивен. – Они и впрямь думают, что это женщина? Она же такая хрупкая...

На экране появилось изображение участка за задним фасадом дома, где на тропинке стояла девушка. Она пригнула рукой ветку дерева, и они увидели, как актер в роли Грегори Манро ходит по кухне. Девушка спрятала лицо в капюшоне, присела и через дыру в заборе пролезла в сад.

– Откуда им все это известно? – спросил Стивен.

– Ты же знаешь, я не могу обсуждать с тобой подробности дела, – ответил Айзек.

– В пятничный вечер канал Би-би-си-1 вместе с нами смотрят

миллионы других придурков. Какие тут могут быть секреты? – фыркнул Стивен, закатив глаза. – Давай лучше включим порно, и ты меня трахнешь. Я чертовски пьян...

– Стивен, мне нужно это посмотреть!

На экране женщина перебежала через двор, залезла в дом через боковое окно и ступила в кухню.

– Даже подумать страшно, – промолвил Стивен. – Кто-то крадется за тобой, лазает всюду в твоём доме, а ты ни сном ни духом...

Глава 44

Рабочий день у Симоны выдался удачным: ей удалось побыть с Мэри, с пользой провести время в ее палате. Заходил доктор, сказал, что состояние больной улучшается, и, возможно, она очнется. Слава богу, он не стал допытываться, откуда у Мэри синяк: очевидно, решил, что ссадина появилась у старушки до того, как ее доставили в больницу. В общем, сплошь хорошие новости. Мэри не умрет, и, когда ее выпишут, Симона заберет ее к себе. У нее две свободные комнаты. Она покрасит обе в пастельные тона, и пусть потом Мэри выбирает, какая ей больше по нраву. Правда, Симона надеялась, что Мэри все же не слишком быстро встанет на ноги. Ведь в ее списке есть еще одна кандидатура, и нужно сделать соответствующие приготовления.

Перед тем как выйти из дома, Симона решила приготовить свое любимое блюдо: консервированные макароны в сырном соусе с особой присыпкой – раскрошенным черствым хлебом и тертым сыром. Она принесла поднос с дымящейся горячей тарелкой в гостиную, где на продавленных креслах валялись в беспорядке газеты и журналы, села на диван и, включив телевизор, стала щелкать пультом, ища «Улицу Коронации»^[29]. На одном канале она остановилась и с недоумением вперилась в экран, думая, что у нее опять начались галлюцинации.

Нет, это было что-то другое.

Галлюцинации воспроизводил ее телевизор. Словно зачарованная, смотрела она, как похожая на нее женщина расхаживает по дому Джека Харта.

Симона в растерянности склонила набок голову.

Женщина на экране была миниатюрной, с мелкими привлекательными чертами лица. Симона в сравнении с ней казалась толстой коротышкой. Ее высокий широкий лоб бороздили морщины, даже когда она не хмурилась, а голубые глаза были тусклыми и не сияли, как у симпатичной женщины на экране.

Та теперь наблюдала за мужчиной, похожим на Джека Харта, – смотрела, как он моется в душе через неплотно прикрытую дверь ванной. Потом перешла в его спальню. Природа наделила ее точеной фигурой с тонкой талией. У Симоны талия отсутствовала, к тому же немного был искривлен позвоночник.

Заиграла мелодия передачи «Внимание, розыск!», на экране появилась

телестудия.

– Как я уже говорил, – начал ведущий, – мы опустили наиболее ужасные подробности реконструкции. Сегодня у нас в гостях старший инспектор Эрика Фостер. Добрый вечер...

Симона всем телом подалась к экрану, разглядывая сотрудницу полиции, которая вела расследование. *Это была женщина.* Бледная, худая, с короткими белокурыми волосами и мягкими карими глазами. На мгновение Симона обрадовалась: женщина поймет ее, посочувствует ее страданиям. Но, слушая речь старшего инспектора Фостер, Симона ощутила, как в ней закипает гнев, а в ушах зашумела кровь.

– Нам нужна информация. Если вы видели эту женщину или в тот вечер, когда были совершены убийства, находились где-то поблизости от мест преступлений, пожалуйста, свяжитесь с нами. Мы полагаем, что преступница хрупкого телосложения, но советуем не приближаться к ней: она опасна и крайне неуравновешенна.

Симону пронзила боль. Она глянула на свои руки и увидела, что сжимает-разжимает кулаки в тарелке с обжигающе горячими макаронами, а между пальцами сочится сырный соус. Она снова подняла глаза к телевизору. Стерва на экране повторяла, что они разыскивают неуравновешенную женщину, которая, возможно, психически нездорова. Симона смела с подноса тарелку, которая разбилась о стену.

– Я – жертва! – взвизгнула она, вскакивая на ноги. – ЖЕРТВА, слышишь, ты, сволочь! Ты понятия не имеешь, что значит долгие годы изо дня в день подвергаться насилию! Ты не знаешь, что он со мной вытворял! – Она ткнула пальцем в потолок, в ту сторону, где этажом выше стояло ее брачное ложе. – Ты не знаешь НИЧЕГО! – орала Симона. На лице старшего инспектора Фостер на экране оседали брызги жидкого синтетического сырного соуса.

– Если вы располагаете какими-либо сведениями, просим связаться с нами по телефону или по электронной почте. Конфиденциальность гарантируется. Контакты вы видите в нижней части экрана, – закончил ведущий.

Симона встала и, вся дрожа, направилась к компьютеру, стоявшему в каморке под лестницей. Там она села, пододвинула к себе клавиатуру, не замечая, что руки измазаны в соусе, а обожженная кожа на пальцах сморщилась и покраснела.

В поисковой строке *Google* Симона набрала «СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ЭРИКА ФОСТЕР» и принялась читать результаты. Дыхание ее постепенно выравнивалось, а в голове формировался план.

Глава 45

Поздно вечером автомобиль, принадлежавший телестудии, высадил Эрику у ее дома в Форест-Хилл. Когда она вошла к себе и увидела свою гостиную, ее охватила тоска. Она и прежде выступала по телевидению с обращением к гражданам, но сегодня все было по-другому. Ее снимали в телестудии, и она очень нервничала. Мосс посоветовала, чтобы Эрика вообразила, будто она беседует с какой-то семьей и мысленно представляла, что сидит с ними в их гостиной.

Но воображение рисовало Эрике только Марка: как он обычно сидел, развалившись на диване, и обнимал ее одной рукой. Именно это она и представляла, выступая в прямом эфире. И вот теперь, придя домой, она осознала, что у нее появился еще один повод тосковать по нему. Она скучала по той поре, когда по возвращении домой видела Марка на диване перед телевизором. Ей так не хватало родной души, человека, с которым можно поговорить, который отвлек бы ее от проблем и навязчивых мыслей. А здесь были только голые стены, сдвигающиеся вокруг нее.

Зазвонил ее мобильный телефон. Она полезла в сумку, достала его, ответила. Звонил отец Марка.

– Ты не предупредила, что тебя будут показывать по телику, – сказал Эдвард.

Они не общались уже несколько недель, виновато осознала Эрика. На секунду горло сдавило от волнения. Голос у Эдварда был очень похож на голос Марка.

– Решение было принято в последнюю минуту... Я сама еще не смотрела. Надеюсь, я вещала не как менторша?

– Нет, девонька, – хмыкнул Эдвард, – ты выступила отлично. Хотя, как я понял, у вас там опять псих разгуливает на свободе. Надеюсь, ты осторожна?

– Эта предпочитает мужчин, – отвечала Эрика. – Нет, я, конечно, не беспечна. Но она пока охотится на мужчин.

– Да, я смотрел передачу, – сказал Эдвард. – Ты и впрямь считаешь, что женщина способна на такое?

– Поработай ты со мной пару дней, таких бы психов увидел – не приведи Господи...

– Охотно верю. Но, как я всегда говорю: будь храброй, но не глупой.

– Постараюсь.

– Я так и так собирался тебе звякнуть, и твоя мордашка в телике лишь подстегнула меня. Хотел узнать у тебя адрес твоей сестры, Ленки.

– Пойди, где-то был. – Подбородком прижимая телефон к плечу, Эрика подошла к полкам и, перевернув рекламные листки кафе, отпускающих еду на дом, нашла тонкую записную книжку.

– Зачем тебе адрес Ленки? – любопытствовала она, листая блокнот.

– Ей ведь скоро рожать?

– Ах, ну да, чуть не забыла. Через несколько недель.

– Время быстро летит, когда гоняешься за преступниками, да?

– Очень смешно! Тебе бы в стендап-комедиях играть, – рассмеялась Эрика.

– У нее чудесные малыши, мальчик с девочкой. Я ни черта не понимал, что там лопотали они, да и сестра твоя тоже, но мы прекрасно ладили!

Когда сестра Эрики гостила у нее, Эдвард поездом приехал в Лондон на день, и они все вместе пошли в Тауэр. Для Эрики это был утомительный день. Ленка по-английски не говорила, и ей пришлось выступить в роли переводчика сестры и ее детей, Каролины и Якуба.

– Как ты думаешь, Тауэр им понравился? – спросил Эдвард.

– Нет. Кажется, Ленка немного скучала. Ей хотелось поскорее попасть в *Primark* и купить там новой одежды, – сухо ответила Эрика.

– Слушай, а билеты в крепость дорогие, да? Интересно, какой процент с них получает королева?

Эрика улыбнулась. Эдварда ей не хватало. Жаль, что они живут так далеко друг от друга.

– Ага, вот. – Эрика назвала ему адрес.

– Спасибо, родная. Отправлю ей немного евро, на ребенка, если доберусь до почтамта в Уэйкфилде. А то в нашем местном отделении обменник закрыли, представляешь?

– Мы живем в век жесткой экономии, – заметила Эрика.

Возникла пауза. Эдвард кашлянул, тихо произнес:

– Вот и еще год пролетел, да? – Он имел в виду годовщину смерти Марка.

– Да. Два года уж будет.

– Хочешь, я приеду? Поживу у тебя несколько дней. Диван у тебя удобный.

– Не стоит, спасибо. Очень много работы. Вот доведу до конца это дело, тогда и отметим по-человечески. С удовольствием проведу несколько дней на севере... Чем займешься?

– Меня попросили создать команду по боулзу^[30]. Наверно, понимают,

что мне необходимо отвлечься.

– Так принимайся за дело, – сказала Эрика. – И береги себя.

– Ты тоже себя береги, девонька.

Эдвард повесил трубку, и Эрика включила телевизор, как раз ко времени своего выступления в программе «Внимание, розыск!». Она пришла в ужас, увидев на экране свое четкое изображение: на ее лице выделялись каждая черточка, каждая морщинка, мешки под глазами. Когда в конце передачи на экране высветилась контактная информация, ее телефон снова зазвонил. Она ответила.

– Старший инспектор Фостер? – раздался в трубке приглушенный резкий голос.

– Да?

– Я смотрела передачу и слышала, как вы говорили обо мне по телевизору... Вы ничего про меня не знаете, – спокойно произнес голос.

Эрика на мгновение оцепенела. Потом стала судорожно соображать. Вскочила на ноги, погасила свет и подошла к окну, выходящему на террасу. В саду было темно, на ветру колыхались ветви яблони.

– Успокойтесь. Я далеко, – сказал голос.

– Хорошо. Тогда где вы? – спросила Эрика с гулко бьющимся сердцем.

– Там, где вы меня не найдете, – ответил голос. Очередная пауза. Эрика пыталась придумать, как ей быть. Посмотрела на свой телефон, но она понятия не имела, как записать разговор.

– Это еще не всё, – заявил голос.

– И что это значит? – спросила Эрика.

– А то не понимаете. Я ведь только что читала про вас, старший инспектор Фостер. Вы были восходящей звездой в полиции. У вас диплом криминалиста-психолога. Имеете благодарности. Ну, и мы с вами кое в чем похожи.

– В чем же?

– Мой муж тоже умер, хотя, к сожалению, в отличие от вас я не повинна в его смерти.

Эрика закрыла глаза, стискивая в руке телефон.

– Он же погиб по вашей вине, да?

– Да, по моей, – подтвердила Эрика.

– Спасибо за откровенность, – сказал голос. – Мой муж был жестоким садистом. Любил меня мучить. И тому доказательство – мои шрамы.

– Что случилось с вашим мужем?

– Я планировала его убить. И если бы мне предоставилась такая возможность, ничего этого теперь бы не было. Но он умер сам, случайно. И

я стала веселой вдовой.

– Что вы имели в виду, сказав, что это еще не всё?

– Я имела в виду, что среди мужчин будут еще жертвы.

– Ничем хорошим для вас это не кончится, вы уж поверьте мне, – предупредила Эрика. – На чем-нибудь вы обязательно проколется. У нас есть свидетели, которые вас видели. Скоро у нас будет ваш фоторобот...

– Думаю, на сегодня достаточно, Эрика. Я прошу об одном: оставьте меня в покое, – сказал голос.

Раздался щелчок, и в трубке наступила тишина.

Эрика быстро набрала «1471», но автоответчик сообщил ей, что данный номер недоступен. Она проверила, заперты ли раздвижные стеклянные двери и, вытащив из замка ключ, убрала его в карман. Потом прошла к входной двери, проверила, заблокирован ли замок. Затем стала ходить по комнатам, опуская жалюзи и запирая остальные окна.

При закрытых окнах в квартире быстро скапливалась духота. Начиная обливаться потом, Эрика позвонила в отделение Луишем-Роу.

Ответил Вулф.

– Ах, это новое лицо столичной полиции. Вы классно выступили по телику.

– Вулф, на мое имя поступали звонки? – осведомилась Эрика.

– Да, прямо сейчас на линии *Playboy*, просят, чтобы вы снялись на вкладку. Я сказал им: только в том случае, если они проявят высший профессионализм. Не хочу, чтобы ваши прелести затерялись в складках бумаги...

– Вулф, я же серьезно!

– Простите, босс, раздухарился. Подождите... – Эрика услышала, как он листает журнал.

– Был один звонок от продюсера «Внимание, розыск!». Она вернула вам вашу сумку?

– Моя сумка со мной, – ответила Эрика, глянув на журнальный столик, куда она скинула сумку.

– Она позвонила и сказала, что вы забыли свою сумку в телестудии, попросила ваш телефон... Значит, вы не оставляли там сумку?

– Нет. А номер, с которого звонили, очевидно, не определился?

– Э...да... – начал Вулф. – Если звонила не продюсер, тогда кто?

– Я только что разговаривала с Ночным Охотником, – сообщила Эрика.

Глава 46

Поговорив по телефону с Эрикой Фостер, Симона вернулась домой. С порога в нос ей ударил омерзительный запах. Она увидела, что зеркало в прихожей и компьютер в холле измазаны сырным соусом. Она прошла в гостиную, и там тоже все было забрызгано соусом: стены, телевизор.

Убирая, Симона размышляла. Как полиция узнала, что это она? Как они догадались, что убийства совершает женщина?

Ведь она действовала хитро, осторожно.

Незаметно, словно тень.

Симона чистила в гостиной ковер и вдруг краем глаза заметила какое-то движение. Она замерла. *Шлеп, шлеп, шлеп*, слышалось сзади. Стиснув в руке деревянную щетку, она повернулась.

В дверях гостиной стоял Стэн – голый. С его рыхлого белесого тела на чистый ковер стекала вода. Он открыл рот, обнажив ряд черных зубов. Симону удивило, что она не испугалась. Она стала медленно выпрямляться, слыша хруст в коленях.

– *Гр... цах*, – произнес Стэн. Даже не произнес, а как будто выдохнул. Прохрипел. – *Гр... цах, Гр... цах*. – Рука его упала вниз, повисла вдоль тела, губы раздвинулись в ухмылке. Эту его ухмылку, голодную, нависающую над ее лицом, сопровождаемую болью, она хорошо помнила. Он направился к ней, хлюпая по мокрому ковру, в который впитывалась струившаяся с него вода. Вот теперь она испугалась. Закричала:

– НЕТ! НЕТ! – И запустила в него тяжелой деревянной щеткой. Он растворился, а щетка угодила в зеркало, висевшее в прихожей. На пол посыпались осколки.

Стэн исчез. Ковер был сухой. И она вдруг поняла, что он сказал.

Герцог. Он произнес: *Герцог*.

Симона поспешила к компьютеру, стоявшему под лестницей, включила его.

СОВА: Герцог?

Спустя пару минут Герцог появился в Сети.

ГЕРЦОГ: Сова, привет! Тяжелая ночь?

СОВА: С чего ты взял?

ГЕРЦОГ: Я знаю тебя. Лучше, чем ты сама.
Руки Симоны застыли над клавиатурой.

СОВА: Знаешь ли? Ты уверен, что и в самом деле ЗНАЕШЬ меня?

На этот раз пауза затянулась. Симона смотрела на мигающий курсор и воображала, как Герцог сидит где-то, расставив пальцы над клавиатурой, и пытается придумать, что напечатать. Значит, он догадался?

Впервые она задалась вопросом о том, где живет Герцог. В ее представлении он существовал здесь, в ее компьютере. Последние годы она о чем только с ним ни говорила: о своих планах, о фантазиях, о том, как она расправится со своим врачом, с телеведущим, с другими. Герцог всегда ее поддерживал. И рассказывал ей о своих страхах – о боязни темноты, о неудавшихся попытках самоубийства. Она помнила его душераздирающий рассказ о том, как он пытался покончить с собой с помощью «суицидального» пакета без использования газа. Надел пакет на голову, затянул на шее шнурок, а потом, когда начал задыхаться, запаниковал, ногтями разорвал полиэтилен, с горем пополам содрал его с головы. Только вот шнурок зацепился за левый глаз и вспорол веко, оголив глазное яблоко.

Герцог сказал, что умрет без нее, и она ему поверила.

Симона моргнула. Курсор снова побежал по экрану.

ГЕРЦОГ: Конечно, я знаю тебя, Сова. Знаю лучше, чем все остальные.
Я люблю тебя. И, клянусь, твои тайны умрут вместе со мной.

Глава 47

Эрика с Крейном находились в одном из тесных технических помещений, отходивших от комнаты, в которой располагался оперативный отдел.

– Так, вот ваш новый телефон, – сказал Крейн. – Прежний пусть будет при вас, регулярно его заряжайте, но используйте только в том случае, если она снова вам позвонит. Номер стоит на прослушке. Если она позвонит, отслеживающая аппаратура автоматически включится. Сразу же. Помните об этом. А то я знаю наших ребят, которые по забывчивости звонили по своим личным делам, и их разговоры, естественно, записывались.

– Не беспокойся. Не забуду. Впрочем, моя личная жизнь скучна, – отвечала Эрика, беря телефоны. – Пстой, так здесь же сенсорный экран, – добавила она, разглядывая новый аппарат, что он ей вручил. – А с кнопками ничего не нашлось?

– По сути, босс, это модернизированная модель вашего прежнего мобильного, – объяснил Крейн.

Раздался стук в дверь, в комнату просунула голову Мосс.

– Босс, есть минутка? – спросила она.

– Да.

– Постараюсь достать для вас старый *Nokia*, – пообещал Крейн.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. Она вышла в оперативный отдел, где царила суeta, и проследовала за Мосс к огромной карте Большого Лондона, которая занимала на стене шесть квадратных футов и представляла собой лабиринт улиц. Скопления зеленого указывали на то, что столицу окружают множество парков, но в глаза сразу бросалась река Темза – извилистая голубая линия, разрезающая город через центр.

– Она позвонила вам с таксофона, – сообщила Мосс. – Мы его отследили. Он находится в жилом квартале в Балэме – на Ризердон-роуд. Это примерно в четырех милях от вашего дома в Форест-Хилл. Таксофоном почти никто не пользуется. За последние три месяца с него позвонили первый раз. «Бритиш телеком» планирует убрать его в конце месяца.

– Почему она позвонила с таксофона? У нее что, нет мобильного? – спросил Питерсон, красной булавкой отмечая точку на Ризердон-роуд в нижней части карты.

– Нет, она осторожничает, – возразила Эрика. – Знает, что мы можем

отследить мобильный телефон. Даже если бы она позвонила с одноразового номера, мы все равно сумели бы определить, близ какой вышки сотовой связи был сделан звонок, установили бы IMEI-код и всю информацию по устройству. А так она сохраняет анонимность. А камер видеонаблюдения там случайно нет?

– Значит, так. Телефонная будка находится вот здесь, – Мосс показала на красный значок на карте, – первая камера видеонаблюдения находится на удалении четверти мили. – Она провела пальцем до той точки, где Ризердон-роуд смыкалась с Балэм-Хай-роуд. – На углу Балэм-Хай-роуд, известной также как А24, – магазин *Tesco Metro*, от которого на А24 в обоих направлениях через определенные интервалы развешаны камеры видеонаблюдения. Констебль Уоррен сейчас по телефону запрашивает видеозаписи с камер на парковке *Tesco* и тех, что развешаны на А24 в обоих направлениях...

– Да, но вы взгляните, где стоит таксофон на карте. Она могла пойти в противоположную сторону и через паутину жилых улиц, где нет камер видеонаблюдения, добраться куда угодно, – закончила Эрика. – Что еще?

– Главная новость – таксофон, – отвечала Мосс, подходя к принтерам, у которых стояла Сингх, – мы наконец-то получили данные от трех веб-сайтов, торгующих «суицидальными» пакетами на территории Великобритании.

– И?

– И, как видите, работы выше крыши. Три тысячи имен, – сказала Сингх. – Их списки нам, конечно, предоставили очень неохотно. Кроме того, насколько я могу судить, зачастую покупки оплачивались через *PayPal*, а значит, отследить покупателей гораздо сложнее.

– Черт, – выругалась Эрика. – Что ж, тогда для начала отметем всех покупателей, проживающих за пределами Большого Лондона. И нужно исходить из того, что она увидела меня в передаче «Внимание, розыск!», это ее разозлило, она пошла к таксофону и позвонила мне.

– Ясно, босс, – сказала Сингх.

– Есть отклики на телеобращение?

– Да так, всякая ерунда, – ответил Питерсон. – Мы отрабатываем телефонные звонки, но, думаю, передача многих настроила на тревожный лад. Некий мужчина из северной части Лондона позвонил прямо во время прямого эфира и сообщил, что он спугнул грабителя, который пытался проникнуть к нему в дом через окно первого этажа. Одна женщина из Бекенэма уверяет, что вскоре по окончании передачи она видела, как через ее двор пробирается щуплая фигурка... Старушка, живущая близ Лорел-

роуд, проснулась и спугнула незваного гостя, который через окно залез к ней в спальню... Да, и теперь трое жителей с Лорел-роуд говорят, что видели на улице миниатюрную женщину, внешне схожую с той, что участвовала в реконструкции: она доставляла в их районе овощи. Нам потребуется время, чтобы проверить всю эту информацию.

– У нас есть видеозапись этого выпуска «Внимание, розыск!»? – спросила Эрика. – Мне хотелось бы еще раз посмотреть передачу. Возможно, я сказала что-то такое, что заставило ее найти меня, узнать мой телефон и позвонить. Свяжитесь от моего имени с Тимом Эйкеном. Как знать, может, в кои-то веки он скажет что-нибудь умное.

Она обратила взгляд на большую карту Лондона, висевшую на стене.

Словно прочитав ее мысли, Мосс промолвила:

– Столько мест, где можно спрятаться в темноте.

Глава 48

Эрика, Питерсон, Мосс, Марш и Тим Эйкен сидели, сгрудившись вокруг телемонитора, в одном из просмотровых залов отделения полиции. Смотрели выступление Эрики в передаче «Внимание, розыск!».

Эрика не нравилась сама себе на экране: голос более высокий, визгливый. Радовало, правда, что столичная полиция еще не удосужилась сменить мониторы на экраны с высоким разрешением. Однако это были мимолетные мысли, сидевшие в глубине сознания. Ее интересовало, почему убийца именно так отреагировала на передачу, если она действительно смотрела этот выпуск.

Они дошли до последней части, когда у Эрики стали брать интервью в телестудии. *«Мы полагаем, что преступница хрупкого телосложения, но советуем не приближаться к ней: она опасна и крайне неуравновешенна»*, – сказала Эрика на экране.

Ведущий затем начал зачитывать контактную информацию – телефоны и адрес электронной почты, – высветившуюся внизу экрана.

– Итак? – спросила Эрика, поворачиваясь к Тиму Эйкену.

– Вариантов много, – отвечал Тим, потирая щетинистый подбородок. Разноцветные плетеные браслеты заиграли на его запястье, когда он вскинул руку.

– Если убийца смотрела передачу, какова могла быть ее реакция на то, что совершенные ею преступления воссозданы на экране?

– Это могло потешить ее эго. Серийные убийцы, как правило, самолюбивые тщеславные особи, – сказал Тим.

– То есть, возможно, ей польстило, что ее роль поручили исполнить привлекательной сексапильной молодой женщине? – уточнила Мосс.

– Это зависит от того, что вы подразумеваете под понятиями *сексапильная* или *привлекательная*, – заметил Тим.

– Ну, лично я не прогнала бы ее из своей постели. Питерсон? Сэр? – спросила Мосс.

Питерсон хотел ответить, но Марш его перебил:

– Давайте не будем обсуждать внешние данные актрисы, – раздраженно бросил он.

– Или, возможно, она физически непривлекательна, – продолжал Тим, – и ей не понравилось, как ее изобразили. Или, допустим, она физически гораздо крепче, и ей не понравилось, что ее роль в

реконструкции исполнила миниатюрная девушка... Следует помнить, что дело не в том, какая она, а в том, что она делает и зачем это делает. Она убивает мужчин. Обе жертвы – рослые и мускулистые, атлетического телосложения. Возможно, она подвергалась насилию со стороны мужчины или мужчин – супруга, отца...

– Нужно составить психологический портрет, – попросил Марш.

– Я уже представлял один психологический портрет, исходя из того, что преступник – мужчина-гомосексуалист с хищническими задатками...

– Но эта версия уже исключена, – заметил Марш.

– Серийные убийцы женского пола встречаются крайне редко и мало изучены. Составить их психологический портрет чрезвычайно сложно. У нас очень мало данных.

– Мы платим вам достаточно. Постарайтесь, – распорядился Марш.

– Тим, что-нибудь еще вы почерпнули из видео? – спросила Эрика.

– Не исключено, что она сопоставляет себя с вами, старший инспектор Фостер, в смысле самооценки. Выступив по телевидению, вы позиционировали себя как человека, который твердо намерен ее арестовать, и она не учитывает, что вы руководите целой следственной группой. Возможно, она расценивает это как борьбу за превосходство. Вы также называли ее опасным и крайне неуравновешенным человеком.

– А она скорее всего считает себя жертвой, – заключила Эрика.

– Да. И вы бросили ей вызов в прямом эфире. Наверняка это ее задело. И она наверняка попытается вас разыскать.

По окончании совещания Марш попросил Эрику задержаться.

– Не нравится мне все это, – сказал он. – Я уже отчитал Вулфа за то, что он раздает телефоны сотрудников направо и налево.

– Он же не знал.

– Если хотите, я распоряжусь, чтобы у вашего дома дежурила машина. Скрытно. У меня есть возможность выделить пару сотрудников.

– Не надо, сэр. Ей просто повезло, что она заполучила мой телефон, а машина у дома мне не нужна. Я буду бдительна.

– Эрика. – Вид у Марша был расстроенный.

– Сэр. Спасибо, но ничего такого не нужно. Ладно, мне пора. Буду держать вас в курсе. – Эрика вышла из просмотрного зала.

Марш с минуту еще постоял на месте, глядя на пустые экраны. Его терзала тревога.

Глава 49

За этим мужчиной Симона вела наблюдение почти всю вторую половину дня, следуя за ним на некотором удалении. Его квартира находилась в жилом комплексе Бауэри-Лейн близ Олд-стрит в центральной части Лондона. Вскоре после полудня он вышел из дома и по улицам финансово-делового района направился к вокзалу Ливерпуль-стрит. Симона была озадачена, недоумевая, куда он едет, ведь сумки при нем не было, а одет он был в модные джинсовые шорты и футболку. Она шла за ним на удалении двадцати метров. Толпы народа устремлялись к турникетам, и людская волна чуть не унесла ее с собой, однако мужчина пошел в другую сторону, и на мгновение Симона потеряла его из виду.

Ее взгляд метнулся к эскалаторам у дальней стены, которые вели к галерее с магазинами. Выше простирался стеклянный купол здания вокзала. Симона приподнялась на цыпочках, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь поверх голов, а потом увидела его. Он направлялся к двойному эскалатору, ведущему к общественным туалетам. Она подошла к большому книжному магазину *WHSmith*, что находился у эскалаторов, и вместе с другими потенциальными покупателями – их было несколько человек – стала рассматривать стойку с журналами, но на самом деле наблюдала за входом в туалеты.

В ожидании она листала газеты. Почти во всех публиковались аналитические статьи и заметки о шокирующем известии, что Ночной Охотник – женщина. Она даже взвизгнула от радости, увидев, что журналист *Independent* назвал ее «гением изворотливости». Стоявшая рядом женщина в недоумении посмотрела на нее. Симона отвечала ей злобным взглядом, пока та не положила на место журнал и не поспешила прочь со своим чемоданом.

Прошло десять минут, потом двадцать... Симона поглядывала на эскалаторы, ведущие к общественным туалетам. Ему стало плохо? Или она его пропустила? Она ведь ни на секунду не отводила глаз от эскалаторов, за исключением тех мгновений, когда та глупая женщина посмотрела на нее. И лишь теперь, обратив внимание на количество одиноких мужчин, спускающихся по эскалатору, и длительность их пребывания в туалете, Симона сообразила, что он ищет партнера. Пошел в туалет, чтобы заняться там сексом.

У Симоны многое в мужчинах вызывало неприятие:

раздражительность, сексуальные извращения, склонность прибегать к насилию, чтобы утвердить свою власть или добиться желаемого. И *это* ее не удивило – еще один порок в длинном списке гнусных недостатков, – и лишь укрепило в ней решимость. Симона всегда вела долгую игру с мужчинами, за которыми следила. Она была готова ждать неделями, затаившись и составляя портрет каждой намеченной жертвы. Именно так она выпасала Грегори и Джека.

Симона глянула на номер *Independent* в своей руке, снова прочитала характеризующую ее фразу: *гений изворотливости*. Придется купить газету, подумала она. Впервые за многие годы Симона услышала в свой адрес столь лестный отзыв.

Только она собралась подойти к кассе, как он появился на эскалаторе... чуть покрасневший, разморенный, с поволокой во взгляде. Симона положила газету на место, пропустила его вперед и пошла следом. Он направился в глубь зала и свернул в «Старбакс».

Она выждала несколько минут и тоже встала в очередь. Искоса наблюдала за ним, одновременно рассматривая пирожные и выпечку на витрине. Так близко к нему она еще не подбиралась: их отделяли всего три человека.

Да, он был молод, должно быть, занимался спортом. Наверное, силен. Хотя и худощав, и не прочь полюбоваться собой.

Подошла его очередь делать заказ, и он стал флиртовать с симпатичным молодым чернокожим бариста. Склонившись, положил ладонь на руку негра, следя, чтобы тот правильно написал его имя на стакане.

Скоро этот губошлеп испустит последний вздох, подумала Симона. Потом, улыбнувшись бариста, заказала аппетитный кекс с цукатами и орехами и капучино.

– Как тебя зовут, лапочка? – спросил бариста.

– Мэри, – ответила Симона. – Скучное, наверно, имя, в сравнении с экзотическими, что вам случается слышать.

– Мэри мне нравится, – заверил ее бариста.

– Меня в честь мамы назвали. Она тоже Мэри. Сейчас она в больнице. У нее тяжелая болезнь. Я – все, что у нее есть.

– Сочувствую, – сказал бариста. – Что-нибудь еще?

– Возьму еще номер «Индепендент». Почитаю ей. Маму интересуется все, что происходит в мире.

Симона взяла газету и кофе с кексом и села за свободный столик.

По-прежнему не выпуская из виду свою будущую жертву.

Глава 50

Зной отступил ненадолго. В последующие дни солнце снова стало нещадно жарить, а следствие, казалось, застопорилось.

Последний выпуск «Внимание, розыск!» оставался на сайте Би-би-си еще неделю для тех, кто не видел передачу в прямом эфире. С увеличением количества просмотров в полицию поступали новые телефонные звонки и сообщения по электронной почте, которые требовалось отработать.

Возвращавшиеся из отпусков жители Лорел-роуд узнавали, что на их улице проводились телесъемки реконструкции, которую показывали по всей стране. Некоторые из них теперь вспомнили, что видели молодую брюнетку, которая ходила от дома к дому, раздавая рекламные листки. Другие припоминали молодую женщину, которая доставляла коробки с фруктами и овощами, а также молодую женщину, приехавшую в машине сантехнической службы, которая проводила ремонтные работы в канализационном колодце близ дома Грегори Манро.

В связи с обилием этих новых свидетельств значительно увеличилась нагрузка на членов команды Эрики. Они нашли сантехника, который оказался румяным молодым парнем, и брюнетку, еженедельно развозившую коробки с сезонными фруктами и овощами компании *Nature's Finest*. Они оба добровольно явились в полицию, дали показания и даже согласились, чтобы у них взяли образцы на анализ ДНК. После двенадцати часов напряженного ожидания результаты были получены. Они оказались отрицательными: ДНК сантехника и брюнетки не соответствовала образцам, взятым с задней двери дома Джека Харта и «суицидального» пакета.

Двое жителей Лорел-роуд и один из соседей Джека Харта пришли в отделение Луишем-Роу, чтобы помочь составить фоторобот женщины, которая разносила рекламные листки. Эрика надеялась, что благодаря этому фотороботу следствие сдвинется с мертвой точки, но все составленные портреты очень напоминали Лотти, актрису, исполнившую роль преступницы в передаче «Внимание, розыск!».

Однако самым тягостным оказалось найти обитателей Лондона, которые приобрели «суицидальные» пакеты через три веб-сайта. В полицию поступало множество звонков от убитых горем родителей и супругов, которые сообщали, что их родные действительно купили «суицидальные» пакеты и, к несчастью, их попытки суицида увенчались

успехом.

15 июля во второй половине дня атмосфера в оперативном отделе была гнетущая. Предыдущим днем шесть человек из команды Эрика передали в другую следственную группу, занимавшуюся делом о контрабанде наркотиков, а сама Эрика только что закончила беседовать с разгневанным отцом троих детей. Его жена покончила с собой, а обнаружила ее с пакетом на голове его маленькая дочь.

Была пятница, и Эрика видела, что остальным членам команды не терпится уйти домой и выходные посвятить отдыху и развлечениям. Она их не осуждала: они работали на износ. Правда, результаты их упорного труда были невелики. А газеты пестрели снимками людей, отдыхающих на пляжах и в городских парках.

Мосс и Питерсон сидели за своими столами, рядом с ними – Крейн и Сингх. Эрика уже, наверно, в тысячный раз обратила взгляд на демонстрационные доски, на снимки Грегори Манро и Джека Харта. Теперь к ним добавилась еще и фотография с одного из сайтов, посвященных теме самоубийства. На ней в грязной спальне лежал лысый, светло-коричневый манекен с лиловыми веками и длинными ресницами. На голове у него был «суицидальный» пакет, соединенный трубкой с газовым баллоном.

– Босс, вам звонит Марш, – доложила Мосс, ладонью зажимая трубку.

– Скажите, что я вышла, – попросила Эрика, подумав, что у нее хотят забрать еще часть команды. Сейчас у нее не было ни сил, ни желания ругаться с начальством.

– Он просит вас зайти к нему. Говорит, по важному делу.

– Может, хочет сообщить, что нам наконец-то поставят приличный кондиционер, – усмехнулся Питерсон.

– Мечтать не вредно, – сказала Эрика. Она поправила на себе блузку, надела пиджак и, выйдя из оперативного отдела, поднялась на четыре лестничных пролета к кабинету Марша.

Она постучала. Он крикнул: «Войдите». Эрику удивило, что Марш прибрался в своем кабинете: куда-то исчезли ненужные папки и одежда, а также сломанная вешалка. На столе стояла бутылка *Chivas Regal* восемнадцатилетней выдержки.

– Выпьете? – предложил Марш.

– Не откажусь. Как-никак пятница.

Марш прошел в угол кабинета, и Эрика увидела, что там, где прежде громоздились документы и одежда, теперь стоял маленький холодильник. Марш открыл его, достал из морозилки лоточек с кубиками льда. Эрика

смотрела, как он положил в два пластиковых стакана лед и затем налил в них виски – довольно много.

– Вам ведь со льдом? – уточнил он.

– Да, спасибо.

Марш закрыл бутылку, поставил ее на стол и дал Эрике один из стаканов.

– Завтра, я знаю, вторая годовщина, – тихо произнес он. – Просто хотел выпить с вами. Чтобы вы знали: я не забыл. За Марка.

Он поднял стакан, она чокнулась с ним. Оба глотнули виски.

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Они оба сели. Эрика смотрела на янтарную жидкость в стакане, в которой быстро таял лед. Она была тронута, но решительно сдерживала слезы.

– Он был хороший человек, Эрика.

– Уже два года. Даже не верится, – промолвила она. – Первый год просыпалась по утрам и забывала, что он умер. А теперь более-менее привыкла, что его нет рядом, – что еще хуже.

– Марси просила передать, что она скорбит вместе с вами.

– Спасибо... – Рукавом отерев глаза, Эрика заговорила о другом: – Мы составили фотороботы по описаниям жителей. Все они похожи на актрису из передачи «Внимание, розыск!».

– Да, видел, – кивнул Марш.

– Боюсь, что дополнительная существенная информация о ней появится тогда, когда она совершит очередное убийство. Но работа не прекращается. На следующей неделе я поручу своим заново изучить все материалы дела. Начнем с самого начала. Всегда найдется что-то, какая-нибудь крошечная деталь...

Марш откинулся на стуле. У него был озабоченный вид.

– Вы ведь знаете, Эрика, как это бывает. Она может нанести удар через несколько недель или дней... А может, и через несколько месяцев. Я принимал участие в операции «Минстед». Так вот, преступник, за которым мы гонялись, в какой-то момент залег на дно и не давал о себе знать целых семь лет.

– Это вы так мягко намекаете, что следствие пора завершать?

– Нет. Я рад, что могу дать вам больше времени, но должен напомнить, что наши ресурсы не безграничны.

– Так по какому поводу виски?

– Это просто от души. Работа тут ни при чем.

С минуту они сидели в молчании. Эрика потягивала виски, глядя в

окно за спиной Марша: синее небо, дома, убегающие вдаль и растворяющиеся в зелени на горизонте.

– Какие планы на завтра? С вами будет кто-нибудь? – спросил Марш.

– Отец Марка вызвался приехать в Лондон, но я подумала, что с этим делом... – Она умолкла.

– Возьмите отгул, Эрика. Вы без отдыха уже три недели.

– Слушаюсь, сэр.

Она допила виски и поставила стакан на стол.

– Думаю, она планирует следующее убийство, сэр. Она не собирается «залечь на дно». Она совершит убийство совсем скоро – не через семь лет и даже не через семь недель.

Глава 51

Симона еще три раза следила за тем мужчиной. Тот любил днем проводить время в сауне для геев за вокзалом Ватерлоо. Дважды она провожала его туда, а потом ждала в интернет-кафе, расположенном неподалеку на той же улице. Его визиты длились несколько часов. А как-то утром он сел в метро на станции «Барбикан». Она поехала с ним в одном вагоне – сидела в другом конце среди других пассажиров, делая вид, будто читает «Метро», пока поезд, покачиваясь, катил по кольцевой линии. Он вышел на станции «Глостер-роуд».

Она испытывала дискомфорт, следуя за ним по Западному Лондону. Для нее это был чужеродный район. Район больших денег, где стояли фешенебельные дома в георгианском стиле, а за столиками уличных кафе сидели необычные люди. Он зашел в элегантный офис на жилой улице и скрылся из вида, даже не оглянувшись.

В тот день она вернулась к дому, где он жил. Жилой комплекс Бауэри-Лейн представлял собой довольно мрачное, большое шестиэтажное многоквартирное здание U-образной формы с овальным травяным газоном в центре «подковы». Бетонное сооружение в стиле брутализма, оно возводилось как муниципальное жилье по окончании Второй мировой войны, когда почти весь Лондон лежал в руинах после бомбежек. Теперь, спустя шестьдесят лет, его объявили памятником архитектуры, оно находилось под охраной государства, каждая квартира в нем стоила более полумиллиона фунтов стерлингов, и новые богатые жильцы здесь обитали в неудобном соседстве с арендаторами муниципального жилья.

Некогда в центральный подъезд и на центральную лестницу имелся доступ с улицы, но после вооруженного нападения в конце восьмидесятых главный вход облачили в коробку из армированного стекла; большая цельностеклянная дверь была оборудована системой видеодомофона.

Наблюдая за домом из интернет-кафе на противоположной стороне улицы, Симона пыталась придумать, как пробраться в подъезд. Казалось бы, самое очевидное – пройти с кем-то из жильцов, когда они будут заходить или выходить. Но у посторонних это редко получалось: дважды она видела, как пожилые жильцы при входе в подъезд не пропустили курьеров. Сами жильцы пользовались электронными ключами на пластмассовых брелоках, приставляя их к контактной подушечке, что располагалась под решеткой дверных звонков.

Симону это беспокоило. Она умела взламывать замки, но трудно заполучить электронный ключ, не вызвав лишних вопросов. И без применения насилия.

Потом в два часа дня она увидела, как из подъезда вывалилась толпа старушек с банными полотенцами в руках. Они заковыляли по газону к двери на задней стороне фасада подковообразного дома. Часом позже, с влажными волосами, они снова появились. Переговариваясь между собой, старушки прогулочным шагом пересекли залитый солнцем газон, подошли к подъезду и одним из электронных ключей открыли центральную стеклянную дверь.

В поисковой строке *Google* Симона набрала «Бауэри-Лейн» и выяснила, что на первом этаже этого жилого комплекса находится небольшой муниципальный бассейн, где четыре дня в неделю проводятся занятия для тех, кому за шестьдесят.

Памятуя об этом, Симона стала ждать удобного случая. И вот однажды проводила своего объекта до сауны у вокзала Ватерлоо, куда он регулярно наведывался, и вернулась к Бауэри-Лейн, как раз к тому времени, когда старушки высыпали из дома, чтобы пойти в бассейн.

Симона не раз убеждалась, что самый простой вариант есть и самый надежный. Посему, надев медсестринскую униформу и короткий темный парик, изъятый из шкафчика одной пациентки, которая скончалась от рака, она подошла к стеклянной двери как раз в тот момент, когда из нее вышли пожилые женщины.

Многого от нее не потребовалось: она улыбнулась, виновато объяснила, что потеряла ключи, и старушки ее пропустили. Порой невзрачность и непримечательность только на руку.

Его квартира, номер тридцать семь, располагалась на втором этаже. Каждый этаж представлял собой длинную бетонную открытую галерею, вдоль которой находились входные двери. Симона уверенно шла по галерее, минуя окна каждой квартиры, которые, как она осознала, были окнами кухонь. В одном пожилая женщина мыла посуду; в другом она углядела видневшийся в кухонном дверном проеме кусочек гостиной, где на ковре сидели, забавляясь с игрушками, двое малышей.

Симона дошла до двери с номером «37» – третьей с конца. В руке она держала наготове отмычку, сделав ставку на то, что дверь запирается на цилиндрический замок – самый распространенный тип замка, который открывается с помощью тонкого ключа. Герцог во всех подробностях описал ей методику взлома замка путем удара по ключу, который должен быть особой формы – с зазубренным краем. Проблема только в том, что

процесс этот довольно шумный. После того как ключ вставлен в замок, его чуть вытягивают и затем резко ударяют по нему молотком или тупым предметом, в результате чего пять маленьких штифтов, образующих механизм запора, принимают отмычку за «родной» ключ.

Отмычку вместе с «суицидальными» пакетами Герцог заказал для нее по Интернету. Навыки взлома с ее помощью Симона отработала, вскрывая заднюю дверь своего дома, но теперь, когда она подошла к квартире мужчины, у нее едва не выпрыгивало из груди сердце. Она обрадовалась, увидев, что на его двери действительно стоит цилиндровый замок, в который она и вставила отмычку. В другой руке она держала маленький гладкий камешек, которым она резко ударила по ключу...один раз, второй... и повернула ручку.

Дверь открылась. Все ее естество переполнило ликование. При наличии в замке защелки вскрыть его было бы фактически невозможно, однако теперь дверь была отперта, и Симона бесшумно скользнула в квартиру. Огляделась, проверяя, есть ли охранная сигнализация. Сигнализации, слава богу, не было. Вероятно, видеодомофон усыпил его бдительность, и он счел, что его жилище в дополнительной защите не нуждается.

С минуту она стояла спиной к двери, пока не выровнялось дыхание.

Потом принялась быстро осматривать квартиру. Первая дверь слева вела на кухню – маленькую, но современную. Прямо перед Симоной вход из прихожей открывался в просторную гостиную. В большое окно она видела высокую башню корпорации «Ллойд», на фоне которой другие дома-башни казались коротышками. В самой комнате находились телевизор с плоским экраном и большой диван L-образной формы. С висевшей над диваном огромной фотографии на нее недобро смотрел обнаженный мужчина. Вся стена была уставлена полками с книгами. Нижняя полка предназначалась исключительно для спиртных напитков: бутылок пятьдесят, может, больше.

Слишком много бутылок, задумалась Симона. Стоит ли использовать шприц?

Витая металлическая лестница в дальнем углу уходила под потолок. Симона поднялась по ней и увидела, что наверху места мало: прятаться здесь рискованно.

От волнения и предвкушения у нее участился пульс. Новая задача, что она перед собой поставила, возбуждала еще больше, чем предыдущие. Симона посмотрела, где находятся электрощиток и телефонные провода, и, удовлетворив свое любопытство, вернулась к входной двери. На стене

висели в ряд самые разнообразные пальто: длинные, короткие, теплые, демисезонные. К стене была прикручена маленькая дощечка, на которой висело несколько ключей. Она стала снимать их по очереди и вставлять в замок, пока не нашла тот, который подошел.

Чему быть, того не миновать, подумала она, выходя из квартиры и закрывая за собой дверь.

Глава 52

На день годовщины гибели Марка Мосс пригласила Эрику к себе домой на барбекю, сказав, что Питерсон тоже придет. Эрика была благодарна коллегам за чуткость, но от приглашения отказалась, объяснив, что хочет провести этот день одна.

Ее удивляло, что Айзек не давал о себе знать. На минувшей неделе он с ней не связывался, и она вспомнила, что последний раз видела его в морге, когда они обсуждали результаты вскрытия тела Джека Харта. Может быть, его дружеские чувства к ней охладели из-за того, что она не очень жалуется Стивена.

Эрика проснулась рано и первым делом сняла настенные часы в кухне и спальне. Телевизор, ноутбук и мобильный телефон она не включала. Четыре тридцать пополудни навечно было выжжено в ее мозгу. Именно в это время два года назад она отдала приказ о начале операции по захвату дома Джерома Гудмэна.

Стоял очередной знойный денек, но Эрика все равно отправилась на пробежку, изматывая себя на жаре. Сначала трусила по городским улицам, потом стала кружить по парку Хилли-Филдс, где выгуливали своих питомцев собачники, на свободных кортах играли теннисисты и резвились дети. Именно резвящиеся дети доконали ее. Пробежав два круга, она остановилась и отправилась домой.

А дома принялась напиваться, опустошая бутылку *Glenmorangie*, которую она откупорила для Питерсона.

По комнатам гулял горячий воздух, а она сидела на диване и напивалась под гнусавый аккомпанемент газонокосилки, жужжавшей на улице. Как Эрика ни убеждала себя, что прошлое нужно оставить в прошлом и продолжать жить, ее снова затягивало в тот испепеляюще жаркий день на той захудалой улице в Рочдейле...

Защитное снаряжение липло к телу даже через блузку. Она сидела, притаившись у низкой стены стандартного домика ленточной застройки, чувствуя, как в подбородок врежется жесткий острый верхний край бронежилета из кевлара.

Ее команда состояла из шести человек, и они тоже притаились у стены – по трое с каждой стороны от главного входа. Рядом с ней – инспектор Том Брэдбери (Брэд), офицер, с которым она работала вместе

с самых первых дней службы в манчестерской полиции. Он дышал медленно, жуя жвачку. Беспокойно ерзал, по его лицу струился пот.

Рядом с Брэдом примостился Джим Блэк (Лыбастик). От случая к случаю его серьезное лицо преображала широченная улыбка, отсюда и прозвище. Эрику всегда смешило, когда он вдруг расплывался в ослепительной улыбке, потому что в работе Лыбастик был суровым и строгим полицейским. Они с Марком тесно сдружились с Лыбастиком и его женой Мишель, которая входила в состав дружинников их отделения^[31].

По другую сторону ворот находился Тим Джеймс, новенький в ее команде, перспективный сотрудник. Блестящий полицейский. Высокий, стройный и абсолютно неотразимый. Днем он арестовывал brutальных парней, а вечерами в барах «снял» таких же на ночь. Тима Джеймса, когда он только пришел к ним, нарекли Красавчиком, но потом коллеги, узнав, что он падок до «мальчиков», стали звать его Сосуном – правда, с любовью, и у него хватало ума это понять.

Рядом с Сосуном сидел Салман Дхумал (Сал), потрясающе эрудированный индеец с черными, как смоль, волосами и такими же черными глазами. Он был родом из Брайфорда, где его семья жила уже на протяжении четырех поколений, но во время дежурства ему до сих пор приходилось слышать в свой адрес глумливое «убирайся туда, откуда пришел» от подонков всяких мастей. Его жена, Мира, занималась воспитанием их троих детей и являлась одним из ведущих представителей фирмы «Энн Саммерс»^[32] на северо-западе страны.

Ну и, наконец, тройку замыкал Марк. Он всегда был просто Марк. Не потому что слыл скучным неинтересным человеком. Благодушный и исключительно верный товарищ, он для всех был другом. У Марка находилось время для каждого, и Эрика знала, что именно ему она обязана тем, что у нее так много друзей. Он скрадывал ее ершистость, смягчал ее жесткость, а она, в свою очередь, учила его не принимать все подряд близко к сердцу.

И вот 25 июля в 4.25 дня они все обливались потом, притаившись у дома наркоторговца Джерома Гудмана. Тот находился в поле зрения полиции на протяжении нескольких лет. В последние полгода они установили его причастность к убийству крупного наркоторговца в одном из пабов Мосс-сайда, что привело к переделу сфер влияния, в результате которого Джером взял под контроль поставки и производство метамфетамина и экстази. И в тот жаркий день на захудалой улице в

Рочдейле они готовились штурмовать этот большой дом – одну из его твердынь.

В помощь Эрике и ее команде отделение выделило многочисленную группу поддержки. На протяжении многих недель за домом велось круглосуточное наблюдение, и каждая его грань впечаталась в ее сознание. Вместо палисадника голый бетон, переполненные мусорные баки на колесиках. На стене счетчики на газ и электроэнергию с отодранными крышками.

Внедрившийся в банду полицейский разведкал расположение помещений. Они разработали четкий план штурма: как войдешь через главный вход, сразу вверх по лестнице. Слева от нее дверь, что ведет в дальнюю комнату. Именно там, они полагали, и производили метамфетамин.

Скрытое наблюдение зафиксировало, что в последние дни в дом часто заходила женщина с маленьким мальчиком. Это был риск. Существовала опасность, что Джером станет прикрываться ребенком как щитом, возьмет его в заложники или, в худшем случае, пригрозит убить малыша, – но они были готовы к такому развитию событий. Своей команде Эрика вдолбила ход операции до мельчайших подробностей. Все действовали слаженно.

Часы показали 4.30. Эрикой владел страх. Она подняла голову и отдала приказ, наблюдая, как ее коллеги ринулись через ворота к главному входу. Она шла последней, двигаясь крадучись мимо воротных столбов. Что-то сверкнуло, ослепив ее. Она сообразила, что это солнце отражается от вращающегося диска электросчетчика. Счетчик сверкал и сверкал, почти что в такт глухим ударам по двери. С третьего удара дерево затрещало, и входная дверь с громким клацаньем рухнула в дом.

Почти сразу стало ясно, что Джерома предупредили. Несколько судьбоносных минут, и вот уже Брэд, Лыбастик и Сал лежат на земле мертвые. Одна пуля попала Эрике в бронежилет, сбив ее с ног, вторая прошла сквозь шею, не задев важные сосуды. Марк, находившийся поблизости, увидел, как она схватилась за шею и через ее пальцы полилась кровь.

С ужасом в глазах он смотрел на нее, осознав, что происходит, а потом будто замер.

И только тогда Эрика заметила, что у него разворочен затылок.

Эрику и инспектора Тима Джеймса, тяжело раненых, подняли на вертолете с места происшествия. Ее погибшие коллеги – друзья и муж – остались лежать на земле.

В действительности все произошедшее заняло несколько минут, но с четырех тридцати того рокового дня жизнь Эрики замедлилась. С той поры ее не покидало ощущение, что она живет в кошмарном сне, от которого никогда не пробудится.

Глава 53

Симона отступила на пару шагов, глядя на Мэри. Та, в наполовину надетой на нее цветастой ночной сорочке, лежала на кровати в неловкой позе. Тяжело отдуваясь, Симона пыхтела от злости.

Эту сорочку она увидела в благотворительном магазине в Бекенэме и решила купить ее для Мэри. В том магазине было выгодно покупать дешевый товар: в Бекенэме люди, жертвовавшие вещи на благотворительные цели, были куда более состоятельными, чем в том районе, где жила она, и там случалось найти весьма неплохие изделия.

Ночная сорочка облегла ее кошелек на двенадцать фунтов. Поначалу Симона колебалась, не решаясь потратить так много, но ей нравился рисунок – вишенки на белом фоне, и она считала, что эта расцветка как раз для Мэри.

К сожалению, сорочка Мэри не подошла. У нее были слишком широкие плечи, и Симона целых пятнадцать минут пыталась втиснуть безвольное тело старушки в рубашку, а та в ней застряла. И вот теперь Мэри лежала с сорочкой на голове, стиснутыми в ней плечами и торчащими вверх обмякшими руками.

Симона мерила шагами маленькую комнату. Через несколько минут наступит время обеда, когда медсестры ходят по палатам и кормят пациентов. Мэри пищу не принимала, но ведь кто-нибудь наверняка заглянет в дверь.

– Почему ты не сказала, что твой размер больше, чем двенадцатый? – горячилась Симона. – Ты ведь ничего не ешь. Я угрожала на нее кучу денег!

Она схватила сорочку за ворот и стала тянуть. Голова Мэри, утратившая точку опоры, поскольку ее туловище было приподнято с матраса, завалилась вперед, потом назад. Симона продолжала бороться с сорочкой, пока не раздался треск рвущейся ткани и та внезапно не оказалась у нее в руках. Мэри бухнулась на бок, головой ударившись об оградительную штангу.

– Смотри, что ты наделала, – ругалась Симона, протягивая Мэри порванную ночную сорочку. – Ее теперь даже в магазин нельзя вернуть! – Она приподняла с постели щуплое безвольное тело старушки, встряхнула ее и снова швырнула на кровать. – И почему только от людей мне одно разочарование?

Не церемонясь, Симона грубо надела на Мэри ее больничную сорочку

с открытой спиной и опять запихнула ее под одеяло.

– Я с тобой больше не разговариваю, – заявила Симона, сворачивая ночную сорочку и убирая ее в свою сумку. – Ты не оправдала моих надежд. Ты просто толстая старуха, да еще и неблагодарная. Я потратила на красивую обновку для тебя свои тяжким трудом заработанные деньги, а ты даже не соизволила в нее влезть!

Симона повесила сумку на плечо и открыла дверь. По коридору эхом разносились стоны.

Она повернулась к Мэри.

– Неудивительно, что Джордж тебя бросил... Ладно, мне нужно еще кое-кого навестить.

Глава 54

Эрика открыла глаза. В гостиной висела сумеречная мгла. На улице стемнело, в открытую дверь, что вела во внутренний дворик, дул ветерок. Она встала и ощутила пульсацию в голове: после выпитого виски у нее начиналось похмелье.

В открытую дверь террасы надудло небольшой ворох листьев, которые теперь от ветра трепыхались на ковре. Эрика наклонилась, подняла их. Они были длинные и как будто воощенные на ощупь. Она признала в них листья эвкалипта. Эрика поднесла их к носу, вдыхая медово-мятный аромат, свежий и теплый. Ей сразу вспомнился Марк, и в груди потеплело. Эвкалиптовый запах был его любимым. Она покупала маленькие флакончики с эвкалиптовым маслом и наливала его в воду, когда делала мужу ванну. Зарывшись носом в листья, Эрика через открытую дверь террасы ступила в темный сад. Налетавший порывами прохладный ветер лохматил ее волосы. На дороге за домами темнел силуэт огромного эвкалипта.

Грянул гром, и на ногу Эрике упала огромная капля. Потом еще и еще, и вдруг дождь с ревом хлынул как из ведра. С минуту она стояла, подставляя лицо дождевым струям, наслаждаясь ощущением льющейся на нее холодной воды. Громовые раскаты продолжались, дождь лил все сильнее, обрушивался стеной, напрочь смывая с нее соль слез и дневного пота, так что на ней нитки сухой не осталось.

А потом до нее дошло. Когда она уснула, сидя на диване, дверь, ведущая во двор, была заперта. Эрика обернулась, глядя на чернеющий проем открытой двери, в котором ничего нельзя было различить. Она двинулась к краю сада, с узкой клумбы, что тянулась вдоль забора, подняла большой камень и, чуть встряхивая его в руке, чтобы оценить увесистость, вернулась в дом.

Включила свет. В гостиной было пусто. Она вышла в коридор, включила свет, держа камень наготове, чтобы при случае ударить им, зажгла свет в ванной. Никого. Она дошла до спальни, включила свет. Тоже никого. Она опустилась на колени и заглянула под кровать, а потом увидела.

На ее подушке лежал толстый кремовый конверт. На нем синими чернилами было выведено: СТАРШЕМУ ИНСПЕКТОРУ ЭРИКЕ ФОСТЕР.

С гулко бьющимся сердцем Эрика смотрела на письмо. Не выпуская из

руки камня, она прошла в гостиную. Захлопнула дверь во двор, заперла ее. На улице было черным-черно, и только дождь колошматил по стеклу. Она взяла свою сумку, нашла в ней пару латексных перчаток. Надела не с первой попытки: руки дрожали. Эрика вернулась в спальню и, осторожно приблизившись к конверту, подняла его с подушки.

Она была здесь... у нее дома. Эрика не сомневалась, что это Ночной Охотник. Она отнесла письмо на кухню и положила его на стол. Дождь продолжал стучать по окнам. Эрика аккуратно вскрыла ножом конверт и вытащила из него открытку с изображением заката над морем. Солнце разливалось на горизонте, словно громадный кроваво-оранжевый яичный желток. Сделав глубокий вдох, Эрика осторожно развернула письмо. В нем четким почерком синими чернилами было написано:

Не стой у могилы моей, не рыдай,
Ведь нет меня в ней, я не умер.
Я стал буйным ветром, сверкающим льдом
И солнцем на спелых колосьях.
Я – ласковый дождик осенней порой,
И звездная пыль темной ночи,
А ранней зарей ты услышишь меня,
В порхании птиц в поднебесье.
Не плачь у могилы моей, не скорби,
Ведь нет меня в ней, я не умер. [\[33\]](#)

Под стихотворением стояла приписка:

Ты должна отпустить его, Эрика...
От одной вдовы другой. НОЧНОЙ ОХОТНИК

Эрика выронила открытку на кухонный стол и, отступив на шаг, сняла перчатки с трясущихся рук. Снова обошла все комнаты, проверяя, заперты ли окна и двери. Убийца была у нее в квартире в то самое время, пока она спала. Долго она пробыла здесь? Смотрела, как Эрика спит?

Она обвела взглядом гостиную и поежилась. Убийца пробралась не только к ней домой, но еще и проникла в ее мозг. Стихотворение было прекрасно. Оно не оставило Эрику равнодушной, затронуло ее чувства утраты и скорби. И как только этой больной извращенке удалось задеть самые глубинные струны ее души?

Глава 55

Симона мчалась по глухим улицам, которых в центральной части Лондона было мало. Хлестал дождь; она чувствовала, как сбоку по шее струится кровь. Рот онемел, верхнюю губу мучительно засасывала кровь. Ее план провалился. Она все испортила.

* * *

Начиналось все гладко. Благодаря своей униформе медсестры она проникла в дом на Бауэри-Лейн. На галерее второго этажа люди ей не встретились. Она крадучись шла мимо распахнутых окон кухонь. В одно увидела мужчину, спавшего перед включенным телевизором. Симона на мгновение остановилась, глядя на него. Он лежал, чуть расставив ноги, одна его рука покоилась на груди, которая вздымалась и опускалась в мерцающем сиянии телевизора...

Симона заставила себя идти дальше по сумрачной галерее, дошла до квартиры № 37, где жил Стивен Линли. Приложила ухо к красной двери, ничего не услышала. Она вставила в замок ключ, и дверь с тихим щелчком открылась.

Стивен Линли вернулся домой часом позже. Она выжидала, затаившись в темном уголке на нижнем этаже, слушала, как он ходит по кухне. Через окошко между кухней и гостиной она видела, как он налил большой бокал сока, в котором она растворила транквилизатор. Он быстро осушил бокал, снова наполнил его соком и взял с собой наверх.

Прошел так близко от того места, где ждала Симона – за складками плотной портьеры, висевшей на большом окне, – что она почувствовала, как всколыхнулся воздух, ощутила его запах – резкий сладковатый аромат одеколона, смрад влажного пота и секса. Это лишь усилило ее ненависть к нему.

Она услышала, что он зашел в ванную, и последовала за ним в темноте, бесшумно ступая по мягкому ковру. Дверь в ванную была прикрыта, и до нее донеслось звяканье расстегиваемого ремня и журчание струи, льющейся в унитаз.

Подержись, подержись за свою штуковину, она служит тебе в последний раз, подумала Симона. Она прошла в спальню, тихо расстегнула сумочку, висевшую у нее на поясе, и вытащила из нее аккуратно сложенный полиэтиленовый пакет.

Потом легла на ковер у кровати, залезла под нее. Эта часть – ожидание

– нравилась ей больше всего. Сразу вспоминалось, как в детстве она боялась привидений под кроватью, монстров, притаившихся в темных шкафах. Симона знала, что она и сама монстр, и балдела от этого.

Она прислушивалась к звукам, доносившимся из ванной, где находился Стивен. Шум включенной воды, шуршание задвигаемой шторки на ванне.

Наконец, по истечении нескольких минут, он пришел в спальню. Сначала в поле ее зрения появились его ноги, которые он неуверенно переставлял, шаткой походкой обходя кровать. Зазвонил его телефон. Он выругался, шаря в карманах брюк. Раздался щелчок: он сбросил вызов. Телефон, со светящимся экраном, упал на ковер возле нее. Потом Стивен потерял равновесие и рухнул на кровать. Симона глубже залезла под кровать, совсем ушла в тень. Матрас над ней шевельнулся.

– Черт, сколько же я выпил? – услышала она его бормотание. Симона выждала еще минуту, потом подобралась ближе к телефону, лежащему на ковре, протянула к нему руку, пододвинула к себе и выключила. Затем медленно, бесшумно выползла из-под кровати. Стивен лежал на боку, к ней спиной, и дрожащей рукой водил по лицу. С минуту она постояла, наблюдая за ним, слушая его стоны, затем тихо выскользнула из спальни и спустилась вниз. Электрощиток находился в небольшом стенном шкафу под лестницей. Она открыла его, отключила электричество.

Глаза привыкли к полумгле. Она скользнула взглядом по полкам, где стояли написанные им книги: «Сошествие во мрак», «Из моих охладевших рук», «Девушка в подвале». Именно манера мышления Стивена Линли особенно была ей ненавистна и вызывала страх. Ее мужу нравились его книги, нравились ужасы и пытки, которые он описывал. Симоне вспомнилось, как Стэн лил кипятком на ее голое тело... Об этой пытке он вычитал в романе «Из моих охладевших рук».

С минуту она помедлила, упиваясь тишиной, которую нарушало лишь доносившееся сверху бормотание Стивена.

– Я иду за тобой. Иду за тобой, мерзкий извращенец, – прошептала Симона. Она стремительно взбежала наверх и вошла в спальню.

Кровать скрипнула, просела, когда Симона взобралась к Стивену на постель и стала натягивать ему на голову тихо потрескивающий полиэтиленовый пакет.

Стивен в панике резко выбросил руку, кулаком заехав ей по скуле. У нее из глаз посыпались искры. Пытаясь не обращать внимания на боль, Симона дернула за шнурок, туго затягивая его на шее Стивена. Он стал сопротивляться еще яростнее, снова ударил ее, на этот раз попав по губам.

Ее поразила сила его удара. Она-то полагала, что к этому времени транквилизатор уже оказал достаточное воздействие и Стивен должен быть заторможенным и вялым. Симона грубо рванула за шнурок, который еще туже затянулся на его шее, врезаясь в кожу. Он начал метаться на кровати, стараясь отодвинуться от нее. Она решила, что он пытается сбежать, и сообразила, что он задумал, лишь тогда, когда он выкинул руку и со всего размаху опустил ей на затылок что-то тяжелое. Правда, серьезно покалечить ее он не смог, силы уже были не те, и тяжелый предмет, отскочив от ее головы, покатился по матрасу.

Полиэтиленовый пакет, туго затянутый на его голове, начал вздуться над его лицом и испускающим стоны ртом. Одной рукой держа шнурок, второй Симона нащупывала то, чем он ее стукнул. Стивен локтем больно ударил ее в висок, а ее ладонь наконец-то наткнулась на большую тяжелую мраморную пепельницу. Задышавшись, разевая рот, он отчаянно царапал по полиэтилену. Выгибался, упираясь ногами в матрас. Симона почувствовала, как его голова отодвигается от нее. Она размахнулась пепельницей и со всей силы припечатала его по голове. Раздался тошнотворно глухой стук, лицо вдавилось внутрь. Она снова размахнулась пепельницей и ударила – еще и еще. После третьего удара полиэтилен лопнул, и его кровь с ошметками костей брызнула на стену.

Сотрясаясь всем телом, Симона сидела на кровати. Все! Дело сделано. Хотя и очень коряво. При этой мысли она вылетела из спальни, побежала к выходу, на середине лестницы упала и, кубарем скатившись вниз, выскочила из квартиры. Она неслась и неслась, не останавливаясь, пока не убежала достаточно далеко, спрятавшись под покровом темноты и проливного дождя.

Глава 56

В шум дождя врезался трезвон стационарного телефона. Эрика вздрогнула. Она не знала, сколько времени смотрит на открытку, исписанную аккуратным почерком. Она схватила трубку телефона, стоявшего возле нее на полу у входной двери, ответила.

– Эрика, помоги мне, он мертв! – Она едва узнала голос.

– Айзек, это ты?

– Да! Эрика, ты должна мне помочь. Это Стивен... Я только что пришел к нему домой и нашел его... О боже... Здесь кровь всюду...

– Ты вызвал полицию? – спросила Эрика.

– Нет, я не знал, кому еще позвонить... Он лежит на кровати голый...

– Айзек, послушай, набери «999».

– Эрика... Он мертв, и на голове у него полиэтиленовый пакет...

* * *

Эрика подъехала к жилому комплексу на Бауэри-Лейн. Дождь лил стеной. Дворники на ветровом стекле работали во всю мощь. У главного входа она увидела несколько полицейских автомобилей. Их синие огни, казалось, растворяются в дождевых струях. Эрика припарковалась за одним из больших микроавтобусов службы технической поддержки и вышла под ливень.

– Мэм, уберите машину, здесь нельзя парковаться! – крикнул какой-то полицейский, подбегая к ней. Эрика показала ему удостоверение.

– Старший инспектор Фостер. Приехала по вызову, – солгала она.

– Вы – руководитель следственной группы? – уточнил полицейский, козырьком приставляя ладонь ко лбу, чтобы дождь не заливал глаза. Натянутый на шлем капюшон плаща захрустел, когда его коснулась рука.

– Сначала мне нужно осмотреть место происшествия, – сказала Эрика. Он махнул рукой, пропуская ее. Она направилась к полицейскому кордону. Полицейские автомобили стояли на тротуаре. Заехавшая на газон во дворе машина «скорой помощи» тоже переливалась огнями, внося свою лепту в симфонию сине-красных бликов, прыгающих по жилому зданию.

Эрика обвела взглядом дом, заметив, что во многих окнах загорается свет. Один из полицейских кричал жильцам, чтобы возвращались по квартирам. Эрика увидела группу девочек-подростков в пижамах, которых загоняла домой мать.

У оградительной ленты Эрика показала свое удостоверение.

– Вас нет в списке, – заявил ей полицейский, перекрикивая шум дождя и вой сирен.

– Я вхожу в группу экстренного реагирования. Старший инспектор Фостер, – прокричала она в ответ, показав ему свое удостоверение. Полицейский кивнул, она расписалась в журнале, и он пропустил ее за ленту.

Большая стеклянная дверь была распахнута, Эрика прошла в голый лестничный колодец. Серый бетон был испещрен грязными пятнами, осевшими на нем за многие годы. В квартире Стивена Линли, когда она добралась туда, было полно народу. Эрика махнула удостоверением, и ей выдали спецодежду, маску и бахилы. Все это она быстро натянула на себя в коридоре. В маленькой квартирке с каждого доступного пятачка снимали отпечатки, каждый уголок фотографировали. Криминалисты работали молча, на нее не обратили внимания. С замиранием сердца она стала подниматься по винтовой лестнице. Сверху доносился тихий говор, слышалось щелканье фотоаппарата.

В спальне Эрику ожидало еще более ужасающее зрелище, чем она могла себе представить. На матрасе, застеленном белой простыней, которая теперь пропиталась кровью, лежал голый мужчина. Тело его оставалось относительно невредимым, а вот голова в полиэтиленовом пакете была неузнаваема. Белая стена за кроватью была забрызгана кровью. В комнате толпились сотрудники полиции... и один из них сразу привлек внимание Эрики своим высоким ростом. Рядом с ним стоял полицейский, который был гораздо меньше ростом и полнее. Он выдвинул один из ящиков большого комода и теперь вытаскивал из него различные секс-приспособления: фаллоимитаторы, кожаную сбрую и нечто похожее на шлемы. Один из черных пластиковых шлемов он поднял на вытянутой руке.

– Похоже на приспособление для задержки дыхания, – произнес он.

– Черт, неудивительно, что он плохо кончил, – сказал высокий полицейский. У Эрики замерло сердце, когда она поняла, кому принадлежит этот голос. – Старший инспектор Фостер, а вы что здесь делаете? – спросил Спаркс.

Толстяк – он работал в перчатках – положил шлем в прозрачный пакет и повернулся. У него были длинные щетинистые брови и колючий взгляд.

– Я... мне позвонили, – ответила Эрика.

– Кто? Первой отреагировала полиция Лондонского Сити. Они вызвали мою группу, – возразил Спаркс. – А это суперинтендант Никсон.

Спаркс и Никсон, оба в масках, пристально смотрели на нее. Дважды

сверкнула ослепляющая вспышка.

– Ведь это вроде не ваш участок, – добавил Никсон с нотками нетерпимости в грубоватом голосе.

– Я... э... Мне позвонил судмедэксперт, Айзек Стронг, – объяснила Эрика несколько неуверенным тоном.

– Судмедэксперт здесь я – Дункан Мастерс, – заявил мужчина маленького росточка с пронизывающим взглядом, работавший в углу комнаты. – Доктора Стронга сейчас допрашивают. Он здесь не в качестве эксперта.

– Здравствуйте, доктор Мастерс, – сказала Эрика. – Я расследую двойное убийство – Джека Харта и Грегори Манро. Оба скончались от асфиксии. Так что я здесь как раз по долгу службы. Полагаю, что это убийство совершил тот же преступник.

– Почему вы так решили? Вы только что явились на место происшествия, осмотр которого провожу я, – указал доктор Мастерс.

– Этого человека забили до смерти мраморной пепельницей, и в заднице у него полно спермы, – добавил Спаркс. – Похоже, это как раз наш клиент. А дальше мы сами разберемся. – Он подозвал одного из полицейских. – Пожалуйста, проводите эту женщину к одному из микроавтобусов. Ее необходимо допросить в связи с тем, что ей, очевидно, сообщили о данном преступлении.

– Я – старший инспектор Фостер и... – начала Эрика. Чья-то рука крепко взяла ее за плечо. – Хорошо, хорошо. Можно без рук. Я знаю, где выход. Я ухожу.

Полицейский в синем спецкомбинезоне повел ее из комнаты. И хотя окружающие могли видеть только ее глаза, Эрика знала, что все заметили ее унижение.

Глава 57

Когда опытный врач становится пациентом, это непривычно и неприятно. Эрике Фостер тоже не понравилось, что в полицейском микроавтобусе ее допрашивают местные полицейские. Неутихающий дождь с ревом колотил по железной крыше фургона.

Двое мужчин-полицейских, инспекторы Уилкинсон и Робертс, сидели напротив нее за столом, молодая женщина-полицейский с зачесанными назад каштановыми волосами наблюдала за допросом от открытой двери.

– Почему Айзек Стронг первым делом позвонил вам, а потом уже в службу «999»? – осведомился инспектор Уилкинсон. У него было вытянутое лицо с заостренными чертами, как у крысы, и такие же крысиные зубы.

– Он испугался. Был шокирован, – ответила Эрика.

– Значит, вы близки? У вас роман с Айзеком Стронгом? – спросил инспектор Робертс – белокурый и симпатичный в сравнении со своим коллегой.

– Нет, мы просто друзья.

– Просто хорошие друзья? – уточнил Робертс, вскинув брови. – И не более того?

– А ваша главная забота как следователя выяснить, кто с кем трахается?

– Отвечайте на вопрос, мисс Фостер, – потребовал Уилкинсон.

– Я уже говорила вам два раза: я – старший инспектор Фостер. – Эрика со стуком положила на стол перед ними свое удостоверение. – Я расследую двойное убийство. В обоих случаях преступник проник в дом и задушил своих жертв, надев им на головы полиэтиленовые пакеты. Обе жертвы – мужчины: доктор Грегори Манро и Джек Харт. Наверняка вы об этом слышали. Я возглавляю следствие по этим делам, а доктор Айзек Стронг принимает в них участие в качестве судмедэксперта. Доктора Стронга я также знаю и не как специалиста. Мы иногда общаемся вне работы как друзья, и мне известно, что он гей. Теперь, похоже, наши личные и профессиональные отношения переплелись, поскольку убитым оказался партнер Айзека, Стивен Линли, который сейчас лежит наверху с проломленным черепом. Понятно, что доктор Стронг был потрясен, когда обнаружил его тело, и позвонил мне. Ознакомившись с расшифровкой его звонка, вы убедитесь, что я велела ему немедленно позвонить в службу

«999». Затем я положила трубку и приехала на место происшествия. Сразу скажу, что пакеты, использовавшиеся в предыдущих убийствах, – это особые приспособления, и, думаю, такой же тип пакета был использован при убийстве Стивена Линли. Так что советую прислушаться к моим словам и вести себя более уважительно, потому что через несколько часов, если вы по-прежнему будете заниматься этим делом, приказы будете получать от меня.

Эрика откинулась на спинку стула, с вызовом глядя на полицейских. Те растерянно переглянулись.

– Очень хорошо, мэм, – произнес Уилкинсон со смущенным видом.

– У вас есть ко мне еще вопросы?

– Думаю, на сегодня достаточно, – ответил Робертс.

– Спасибо. Мне бы хотелось побеседовать с доктором Стронгом. Где он? – спросила Эрика.

Сотрудница полиции у двери, говорившая по рации, подняла голову.

– Это был дежурный, – сказала она. – Мне только что сообщили, что старший инспектор Спаркс оставил Никсона за старшего на месте преступления, а сам повез доктора Айзека Стронга в отделение Чаринг-Кросс.

– Как это повез? – переспросила Эрика. – Его задержали? Или он поехал добровольно?

Женщина повторила вопрос по рации, из которой затем послышались треск и пиканье. Наконец, через пару минут голос в рации подтвердил, что Айзека арестовали по подозрению в убийстве Стивена Линли.

Глава 58

Помедлив в нерешительности, Эрика взялась за медный дверной молоток и постучала, потом отступила на несколько шагов и окинула взглядом темный дом. Дождь прекратился, зато теперь дул холодный ветер, и, хотя она промокла насквозь, ее радовало, что на смену жаре пришла прохлада. Она запахнула на себе полы джинсовой куртки и уже хотела еще раз постучать, как увидела, что маленькое окошко у входной двери осветилось.

– Кто там? – послышался раздраженный голос Марша.

– Босс, это Эрика, старший инспектор Фостер.

– Какого черта? – пробормотал он. Лязгнули несколько задвижек, звякнули два открываемых замка, и дверь наконец-то отворилась. Марш стоял на пороге в одних трусах-боксерах.

– У меня есть очень веская причина, – сказала Эрика, выставляя вперед ладони.

* * *

Двадцать минут спустя Эрика с Маршем сидели за начисто выскобленным длинным кухонным столом из дубовой древесины. От ее джинсовой куртки, сушившейся у плиты, поднимался пар. Марш уже надел тренировочные штаны, а его жена, Марси, без макияжа, со взъерошенными длинными темными волосами, чайной ложкой накладывала чайные листья в заварочный чайник, пока кипятилась вода.

– Боже, – выдохнул Марш, когда Эрика сообщила ему про Стивена Линли.

– Простите, что ворвалась к вам среди ночи, но я просто опасаюсь звонить вам со своего мобильного, – объяснила Эрика.

– А личного моби́льника у вас нет? – спросил Марш.

– Нет.

– Как же вы обходитесь, если нужно позвонить по личному делу?

– У меня мало личных дел, – ответила Эрика. Возникло неловкое молчание. Чайник закипел, и Марси заварил чай. – Дело в том, – продолжала Эрика, – что мой телефонный разговор с Айзеком станет вещественным доказательством в нашем деле, раз он теперь подозреваемый. Но, сэр, он не убивал. Я видела место преступления. Это дело рук Ночного Охотника, я в этом уверена.

– Вы ведь сказали, что Стивену Линли размозжили голову

пепельницей?

– На нем был такой же полиэтиленовый пакет – «суицидальный» пакет; он лежал голый на кровати. Вероятно, что-то пошло не так, и убийца запаниковала. Скорей всего он оказал сопротивление.

– Вы и впрямь считаете, что это женщина? – спросила Марси с недоверием в голосе.

– Да, мы так считаем, – подтвердила Эрика. Марси поставила перед ними чашки с чаем. Зазвонил лежавший на столе телефон Марша.

– Суперинтендант Никсон, – сообщил Марш, глянув на дисплей, прежде чем ответить.

– Он был на месте преступления вместе со старшим инспектором Спарксом, – доложила Эрика.

– Алло? Джон, это Пол Марш... – Он вышел из кухни и прикрыл за собой дверь. Эрика слушала, как его голос затихает в коридоре. Марси подошла к столу и села напротив нее.

– Угощайся, – предложила она, открыв банку с печеньем и поставив ее на стол между ними. – А то на тебе лица нет.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. Они взяли по печенью и стали молча жевать.

– Сегодня... годовщина, я помню, – нарушила молчание Марси. – Мне очень жаль. Ты и сама знаешь, как я тебе сочувствую. Тебе нелегко.

– Спасибо. – Эрика взяла еще одно печенье. – Но, думаю, сегодня вечером я в каком-то смысле смирилась. Как бы это тебе объяснить. Я по-прежнему постоянно думаю о нем, но я смирилась с тем, что его не вернешь.

Марси кивнула. Эрика отметила, как мила она сейчас, без обычной своей «боевой раскраски». Красота ее сразу обрела мягкость.

– Думаешь осесть здесь, на юге? – спросила Марси, беря еще одно печенье и изящно макая его в чай.

– Не знаю. Последние два года я как будто заново училась жить. Сначала день после гибели Марка, потом неделя, месяц, год...

– В общем, планировать что-либо невозможно, – заключила Марси.

– Да.

– У тебя на севере остался дом, на Рёскин-роуд?

– Да.

– Очень хороший дом, такой уютный.

– Я с тех пор туда не возвращалась. Наняла профессиональных рабочих-упаковщиков, они уложили все вещи, поместили на хранение. Сейчас дом в аренде, – объяснила Эрика, с унылым видом откусывая

печенье.

– Продай его, Эрика. Помнишь наш дом в Маунтвью-Террас? Я недавно узнала, что его продали за пятьсот тысяч фунтов! Я знала, что цены в Манчестере выросли, но это ж просто безумие. Шесть лет назад, переезжая сюда, мы его продали за триста тысяч. Ты могла бы купить что-нибудь в Лондоне. В районе Хилли-Филдс есть симпатичные домики... И я видела чудесный дом в Форест-Хилл. Он, конечно, нуждается в ремонте...

Эрика напрягала слух, пытаясь разобрать, что говорит Марш в коридоре.

– Марси, я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать цены на жилье, – перебила она его жену.

Та заметно напряглась.

– Но ты заявила к нам домой в три часа ночи. По крайней мере, могла бы вести себя вежливо.

– Марси, у меня был долгий и ужасный день.

– У тебя каждый день долгий и ужасный, Эрика. – Марси поднялась из-за стола и вылила остатки чая в раковину, забрызгав кафель.

– Прости.

– Никто из отделения Пола не считает себя вправе врывать к нам домой посреди ночи.

– Я не...

– А ты чем лучше?

– Ничем. Просто мы давно знаем друг друга, и я не хотела обсуждать с ним это по телефону, – объяснила Эрика.

Марш, вернувшись в кухню, увидел там живописную сцену: Марси стояла перед Эрикой, тыча в нее пальцем и собираясь что-то сказать.

– Марси, пожалуйста, не могла бы ты оставить нас?

– Конечно, конечно. Раз *твоей* сотруднице так угодно. Увидимся утром, – сердито бросила она.

Непонятное выражение скользнуло по лицу Марша. *Они что – спят в разных комнатах?* – подумала Эрика.

Марш закрыл за женой дверь и быстро взял себя в руки.

– Айзека пока задержали до утра. Ждут результатов анализа ДНК.

– Чего?

– У Стивена Линли, похоже, было довольно... много партнеров. В его квартире нашли разные кожаные вещицы, аксессуары для связывания, а также весьма экстремальное порно.

– Например?

– Да в общем-то ничего противозаконного, всяческие фетиши, в том

числе те, что используют для удушения... Они прослушали автоответчик Линли. Судя по всему, они с Айзеком сильно повздорили. Айзек оставил ему несколько сообщений с угрозами, сказав – я цитирую – «Я убью тебя, сволочь».

– Я тоже оставляла такие сообщения, сэр.

– Эрика...

– Нет, вы же знаете, как бывает. Если очень захотеть, любого можно привлечь к ответственности, опираясь на его частную корреспонденцию. Айзек не убивал.

– И что вы хотите от меня услышать, Эрика? Предлагаете прекратить процедуру на основании того, что вы считаете его невиновным?

– Мы оба знаем, что после такого отмыться потом трудно! У него есть адвокат?

– Да, наверно.

– Могли бы вы обеспечить к нему доступ? Если его собираются допрашивать, я предпочла бы это сделать сама.

– Вы же понимаете, что это невозможно...

Эрика достала из сумки открытку.

– Вот, смотрите. – Она пододвинула к нему по столу прозрачный пакет с развернутой открыткой. Марш прошел за очками к кухонному столу, вернулся к обеденному, за которым сидела Эрика, и сначала долго смотрел на открытку. Потом перевернул ее, прочитал.

– Откуда это у вас?

– Сегодня днем я была дома и заснула. Когда проснулась, дверь во двор была открыта, а это лежало на подушке.

– На подушке! Почему же сразу не сообщили?

– Теперь вот сообщаю! Я проснулась, нашла записку – голыми руками я к ней не прикасалась, надела латексные перчатки, – потом мне позвонил Айзек. Я прямиком поехала на квартиру Стивена Линли, затем – сюда.

– Это уже слишком, – произнес Марш. – Утром первым делом собираем совещание. Я позвоню, распоряжусь, чтобы криминалисты обследовали вашу квартиру.

– Отлично.

– Может, заночуете здесь на диване?

– Нет, сэр. Уже почти четыре часа утра. Сниму номер в отеле, посплю пару часов.

– Ладно. Завтра жду вас в отделении ровно в девять.

Глава 59

Снова лил дождь. Эрика бегом помчалась от машины к главному входу отделения Луишем-Роу. Дежурил Вулф. В дежурной части сидела на пластиковых стульях компания молодых женщин с угрюмыми лицами. Две из них укачивали в прогулочных колясках плачущих малышей. Трое маленьких детишек – два мальчика и девочка – забрались на стулья с одного края. Топая босыми ногами по зеленым пластиковым сиденьям, они смеялись и пальцами рисовали на запотевшем окне. Высоко у них над головами кто-то сальным пальцем вывел надпись: **ЧТОБ ВСЕ СВИНЬИ ЗДОХЛИ**. Дети были чумазные и шумные, но Эрику тронуло до глубины души, что на бетонном полу у стульев, на которых они плясали, аккуратно стояли в ряд три пары шлепанцев.

– Доброе утро, – поздоровался Вулф, глянув на нее из-за стола. – Марш велел всем собраться в оперативном отделе.

– А зачем – не сказал? В девять я должна проводить инструктаж.

Вулф перегнулся над столом и ответил тихо:

– Это в связи с арестом доктора Стронга. Говорят, он пепельницей убил своего бойфренда... Я и не знал, что он курит, тем более что подставляет свою задницу!

– Вам больше делать нечего, как сплетни собирать? И вы что у нас – вечный дежурный? – Наградив Вулфа суровым взглядом, Эрика пропуском открыла дверь и со стуком закрыла ее за собой.

Вулф следил по монитору, как она идет по коридору.

– Эй! Долго мне еще ждать? – крикнула одна из женщин.

– Очень скоро вы воссоединитесь со своим возлюбленным, – ответил Вулф. – И все остальные тоже. Как только им откатают пальчики и предъявят обвинение в нанесении тяжких телесных.

Женщины сердито посмотрели на него и продолжали свой разговор.

– Сегодня утром никто не понимает юмора, – пробормотал Вулф, открывая газету и кусая булочку из слоеного дрожжевого теста.

* * *

В оперативном отделе все уже были в сборе, сидели в тишине. Марш стоял перед собравшимися и в ожидании пил кофе.

– А, Эрика, садитесь, прошу вас.

– Мне казалось, утром я должна проводить инструктаж, сэр?

– Я тоже так думал, но произошли изменения. Присаживайтесь,

пожалуйста.

Эрика примостилась на одном из столов, стоявших в ряд в глубине комнаты. Непривычно было не слышать гудения установленных на них принтеров.

– Вчера вечером, – начал Марш, – доктору Айзеку Стронгу, принимавшему участие в расследовании этого и нескольких других дел в качестве судмедэксперта, было предъявлено обвинение в убийстве его партнера, писателя Стивена Линли.

Марш умолк, давая своим сотрудникам время на осмысление информации.

– Это поставило нас в весьма затруднительное положение. Экспертизу многих вещественных доказательств по делу об убийстве Грегори Манро и Джека Харта проводил доктор Стронг, и его находки помогли нам составить психологический портрет убийцы. Убийство Стивена Линли во многом схоже с тем, как были убиты Грегори Манро и Джек Харт. В крови Стивена Линли обнаружен высокий уровень флунитразепама. Также его душили с помощью «суицидального» пакета того же типа, но он, очевидно, оказал сопротивление нападавшему. Вскрытие и токсикологическая экспертиза показали, что Линли регулярно употреблял рекреационные наркотики – бензодиазепины и рогипнол (торговое название флунитразепама) и обладал более высокой устойчивостью к действию таких препаратов. На месте преступления обнаружена только мужская ДНК.

Марш снова сделал паузу, чтобы сотрудники усвоили полученную информацию, затем продолжал:

– Как выяснилось, Стивен имел много сексуальных партнеров, и минувшим вечером он посетил сауну для геев. Камеры видеонаблюдения зафиксировали, что с шести до десяти вечера он находился в сауне «Фаэтон» близ вокзала Ватерлоо. Следует добавить, что убийство Стивена Линли совершено в жилом комплексе Бауэри-Лейн, в районе ЕС1, который находится в юрисдикции полиции Лондонского Сити. Соответственно мало того что это не наша территория, она вообще не входит в сферу юрисдикции столичной полиции.

– Сэр, не могут же они всерьез полагать, что Айзек Стронг является серийным убийцей? – спросила Эрика.

– Позвольте мне закончить, прошу вас.

– Я была бы вам крайне признательна, если бы вы уведомили меня об этом заранее, сэр. Я возглавляю следствие по данному делу, а все это слышу впервые.

Сотрудники оперативного отдела неловко заерзали на стульях.

– Эрика, меня самого помощник комиссара поставил в известность лишь двадцать минут назад, – объяснил Марш. – Можно я продолжу?

– Да, конечно, сэр, – сказала Эрика.

– Доктора Стронга застали на месте преступления. Поначалу он подвергся обычной процедуре допроса, поскольку, по его словам, именно он обнаружил тело Стивена. Теперь начали поступать результаты осмотра места преступления. В ноутбуке Стивена Линли было много фотографий, и на них опознали Джорди Леви.

– «Мальчик по вызову», которого мы допрашивали. Он приходил домой к Грегори Манро за несколько дней до его убийства, – вставил Крейн.

– Да, на нескольких снимках, что были в ноутбуке, Джорди Леви запечатлен вместе со Стивеном Линли и Айзеком Стронгом: они занимаются сексом. Полиция произвела обыск в доме доктора Стронга и обнаружила небольшое количество экстази, марихуану и флунитразепам – препарат, применявшийся при совершении всех трех убийств. Также были найдены несколько предметов фетиша: маски и пакеты, типы приспособлений, используемых при эротической асфиксии или в играх с контролем дыхания – полуудушение себя или своего партнера для получения сексуального наслаждения...

У Эрики, сидевшей в конце комнаты, кровь стыла в жилах. Она судорожно вспоминала подробности своих визитов в дом Айзека, и какие только мысли не лезли в голову. Неужели это правда?

– Разумеется, – продолжал Марш, – как всегда, человек невиновен, пока его вина не доказана, к тому же это – особый случай, ведь доктор Стронг – сотрудник полиции, прекрасный судмедэксперт с безупречной репутацией. Однако против него слишком много улик, поэтому полиции Сити ничего не оставалось как арестовать его за убийство Стивена Линли. Айзека Стронга теперь также подозревают в убийстве Грегори Манро и Джека Харта.

– И каковы теперь наши действия, действия следственной группы? – спросила Эрика.

– Как вы понимаете, – отвечал Марш, помедлив, – в нашей работе важна прозрачность. Вы все потрудились на славу, большое вам за это спасибо. Старший инспектор Фостер, вы работали в тесной связке с доктором Стронгом, и теперь мы должны заново проанализировать его отчеты, проверить, не оказал ли он какого-либо ненадлежащего влияния на ход расследования. К тому же с места преступления доктор Стронг первым

делом позвонил вам, а не в полицию...

Взгляды всех, кто был в оперативном отделе, обратились на Эрику.

– Мы с Айзеком... доктором Стронгом... поддерживаем дружеские отношения, – объяснила Эрика. – Он пришел и увидел, что его партнер убит.

– Эрика, я ни в чем вас не обвиняю. Но он переступил черту, позвонив вам. Мы не можем допустить, чтобы следствие по делу об убийстве возглавлял человек, которому с места преступления звонил подозреваемый. Вчера вечером на место преступления выезжал один из наших бывших коллег, старший инспектор Спаркс, и, принимая во внимание то, что теперь он является руководителем Отдела по расследованию убийств, возглавлять следствие по этому делу поручено ему.

Несколько сотрудников оперативного отдела посмотрели на Эрику. Она под их взглядами силилась сохранять самообладание.

А Марш продолжал:

– Я благодарю вас всех за проделанную работу, но прошу сегодня утром как можно скорее подготовить все материалы по делу для передачи другой следственной группе. Возможно, старший инспектор Спаркс кого-то из вас пригласит в свою команду.

Эрика встала.

– Сэр, можно с вами поговорить? Прошу вас.

– Эрика...

– Я хотела бы поговорить с вами у вас в кабинете. Прямо сейчас.

Глава 60

– Эрика, мне очень жаль.

Она стояла напротив Марша в его кабинете.

– Как же так? Вы даже не сочли нужным предупредить меня заранее – поставили в известность на глазах у моей группы. Уму непостижимо.

– Как я сказал, Оукли только-только мне позвонил. Это было дело решенное. Меня просто проинформировали.

– Оукли. Тогда понятно...

– Ничего личного. Вы же слышали, что я говорил в оперативном отделе.

– Вы считаете, что это он убил? Айзек? – спросила Эрика, сев напротив стола Марша.

Марш подошел к своему креслу и тоже сел.

– Не спрашивайте меня. Я его почти не знаю. Он – отличный судмедэксперт. Вы с ним якшались – вот вы и скажите.

– Я с ним не *якшалась*. Мы несколько раз вместе ужинали. – Осознав, что она отрешивается от своей дружбы с Айзеком, Эрика резко умолкла. *Ну и стерва же я бесчеловечная!* – подумала она. *Ведь он один из моих самых близких друзей.* Но приходилось признать: представленные улики против него ее шокировали.

– А что его бойфренд? Какое впечатление у вас складывалось, когда вы видели их вместе? – спросил Марш.

– Я знала, что у Айзека со Стивеном Линли отношения были неустойчивые. Он в подробности не вдавался, но мне известно, что Стивен ему изменял, и они расстались. А потом однажды я прихожу к нему на ужин, а там снова Стивен. Свалился как снег на голову. Не думаю, что Стивен проникся ко мне симпатией. Хотя, с другой стороны, в последнее время с первого взгляда в меня никто не влюбляется.

– В последнее время? – усмехнулся Марш. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, Эрика невольно тоже улыбнулась.

– Вы читали что-нибудь из книг Стивена Линли? – спросил Марш.

– Нет.

– Марси загрузила один из его романов, «С наступлением ночи», когда мы последний раз были в отпуске... И четырех глав не осилила.

– Почему?

– Видимо, ему очень нравилось истязать женщин.

– Так это ведь *криминальные триллеры*, сэр.

– Вот и я ей сказал то же самое. И посоветовал читать романтические комедии... Как бы то ни было, я вынужден проследить, чтобы все материалы по убийствам Грегори Манро и Джека Харта были переданы старшему инспектору Спарксу и его команде. Они поручат другому судмедэксперту перепроверить результаты всех экспертиз.

Эрика встала и устремила взгляд в окно, на панораму Луишема, поблескивающего под покровом туч.

– И как так получилось, что мое дело досталось этому пройдохе Спарксу? Какой смачный плевок мне в лицо!

– Так и бывает, когда наживаешь себе врагов, Эрика. Они начинают плести интриги, строить козни и зачастую процветают, не привлекая к себе особого внимания. У Спаркса дела идут вполне успешно.

– Насколько успешно? – спросила Эрика. – Видно, что он из кожи вон лезет... У него своя команда, его привлекли к участию в операции «Хемслоу».

Марш молчал.

– Сэр, только не говорите, что он тоже претендует на должность суперинтенданта?

– На эту должность многие претендуют. Не только вы двое.

– И что я имею в сухом остатке?

– Дело у вас забрали. И на мой взгляд, причина только одна – конфликт интересов. Вы близко общались с судмедэкспертом, который теперь является подозреваемым.

– Хорошо, пусть это дело у меня забрали, задействуйте меня в другом. Я с радостью поучаствую в операции «Хемслоу». Спаркса с него сняли. Еще один старший инспектор им не помешает.

– Суперинтенданта Никсон не был в восторге от вашего появления на месте преступления вчера вечером... И от того, как вы повели себя с его людьми. – От взгляда Марша не укрылось выражение, скользнувшее по лицу Эрики. – Да, я об этом слышал. И Оукли тоже.

– Сэр, я, конечно, виновата, но поверьте, я всего лишь стараюсь хорошо выполнять свою работу. Я не ставлю перед собой цели кого-то разозлить, но...

– Любви с первого взгляда вы не вызываете, – закончил Марш. – Послушайте, у вас три недели неиспользованного отпуска. Поехали бы куда-нибудь, позагорали на солнышке. Порой не вредно уйти в тень.

– Сэр, валяться на пляже – не для меня.

– А вы попробуйте. Купите крем от загара и отправляйтесь куда-

нибудь в уютное местечко. А из-за этого дела с Ночным Охотником вы отдаетесь малой кровью, обещаю.

– Ясно, сэр.

– Да, и вот еще что, Эрика. Если я узнаю, что вы суете нос куда не следует, с мечтой о повышении можете сразу распрощаться.

– Это не мечта...

– В общем, возьмите отпуск.

– Слушаюсь, сэр. – Эрика кивнула Маршу и покинула его кабинет.

* * *

В оперативном отделе никого не было, но свет горел. С минуту Эрика стояла в тишине, глядя на демонстрационные доски, на которых были прикреплены следственные материалы, наработанные за последние три суматошные недели. Упорный труд ее команды.

В дверь постучали, и в комнату вошла женщина. Одна из сотрудниц общественной поддержки полиции. Имени ее Эрика не знала.

– Простите, мэм, мы можем начать процесс передачи материалов следствия? – спросила женщина, обведя взглядом пустые столы.

Эрика кивнула и покинула помещение. В коридоре она столкнулась с Вулфом.

– Простите за мою болтовню сегодня утром... Вы хорошо знали доктора Стронга? – поинтересовался он.

– Да, хотя теперь сомневаюсь...

– Ничего, все перемелется, мука будет, – усмехнулся Вулф.

– И что она означает, эта поговорка?

– Да я и сам не знаю! Мама всегда так говорила, упокой, Господи, ее душу. Старая кошелка. Кстати, мне удалось найти для вас вот это. – Он протянул ей мобильный телефон *Nokia* старой модели. – Все еще фурычит, работает без проблем.

– Вы не забыли, – произнесла Эрика, забирая у него телефон.

– Это первое, что вы мне сказали, когда пришли в Луишем-Роу. «Достань мне телефон с кнопками, жирная свинья!»

– Только я не говорила «жирная свинья», – улыбнулась Эрика.

– Ну да, это я сочинил, – согласился Вулф. Через стеклянную перегородку они смотрели, как сотрудники службы поддержки снимают фотографии с демонстрационных досок.

– Куда все подевались? – спросила Эрика.

– Многим было велено ехать домой и ждать нового назначения. К тому же сегодня воскресенье. Думаю, ребята решили воспользоваться неожиданно выпавшим выходным и отдохнуть перед следующей рабочей

неделей.

Эрика испытала разочарование, и ей было немного обидно: все ее бросили. Но потом она осознала, что ее претензии неуместны. Это же работа.

– Чем теперь займетесь, босс?

– Уйду в отпуск на три недели.

– Здорово. Что бы я сейчас не отдал за три недели отпуска! Желаю хорошо отдохнуть! – Вулф похлопал ее по плечу и пошел в дежурную часть.

Хорошо отдохнуть... Эрика и не помнила, когда она в последний раз хорошо отдыхала. Через стекло она бросила взгляд на демонстрационные доски: теперь они были почти пусты. Она повесила сумку на плечо и пошла из отделения, не зная, как ей быть дальше.

Глава 61

Остаток утра, чувствуя себя подавленной и бессильной, Эрика бесцельно колесила по городу. Проехала мимо дома Айзека в Блэкхите, увидела, что там проводят обыск. В дверях нес караул полицейский, вход был перетянут желтой лентой. Зная, что Айзек арестован, со странными чувствами смотрела она на его дом со сверкающими подъемными окнами и двумя юкками в кадках, стоявших перед черной блестящей входной дверью.

Затем она направилась в Шерли, проехала мимо дома Пенни Манро. На улице было тихо, в нескольких домах жильцы опустили на окнах жалюзи, защищаясь от жары. Дом Пенни выделялся своим сочно-зеленым газоном в палисаде. Видимо, Гэри продолжал благополучно попирать запрет на полив из шланга. Желая знать, чем еще он занимается, она замедлила ход у его жилища, но потом здравомыслие возобладало. Она развернулась и поехала назад в Форест-Хилл.

Когда она вернулась домой, снова пошел дождь. Эрика хлопала дверцами шкафов, ища что-нибудь выпить, но всюду было пусто, впрочем, как и в холодильнике.

Она рыскала по квартире, чувствуя себя словно зверь в клетке, потом включила компьютер и, оставив его на кухонном столе, вылила в бокал остатки найденного виски. Обвела взглядом комнату, ненавидя свою жизнь, свою работу, ненавидя все. Дождь усилился. Она открыла дверь во двор и, укрываясь от ливня в дверном проеме, закурила. Из-за спины донеслось нечто похожее на всплеск: это загрузился *Skype*. Загрузился и стал звонить. Эрика кинулась в дом, думая, что это, возможно, Ночной Охотник.

Ее вызвала из Словакии сестра Ленка.

– Я с ума схожу, – пробормотала Эрика, осознав, что она разочарована. – Меня больше бы порадовал звонок от серийного убийцы, а не от родной сестры. – Она сделала глубокий вдох и ответила.

– *Ahoj zlatko*^[34]! – весело чирикнула ее сестра. Ленка сидела в гостиной на большом кожаном диване, застеленном пледом из овчины. У нее за спиной на стене ужасного оранжевого цвета висело несколько фотографий ее детей, Каролины и Якуба. Свои длинные белокурые волосы Ленка стянула на макушке в тугий узел и, несмотря на огромный живот, вырядилась в ярко-розовый топ на ляпочках.

– Привет, Ленка, – улыбнулась Эрика, переходя на словацкий. – Ты

вот-вот лопнешь!

– Да. Недолго уже, – отвечала ее сестра. – Я вот чего звоню. У меня новости. Недавно сделала УЗИ. У меня мальчик!

– Здорово. Поздравляю.

– Марек в восторге. Только что водил меня в ювелирный магазин – помнишь, роскошный такой на главной улице – и купил мне браслет на щиколотку.

Марек, муж Ленки, недавно получил срок за скупку краденого.

– На какие шиши? – спросила Эрика.

– Он снова работает.

– Работает? А я думала, он в тюрьме?

– Месяц назад его освободили по условно-досрочному.

– Как ему удалось так внезапно заслужить условно-досрочное? Его же посадили на четыре года.

– Эрика, вот ты всегда так... Он кое-что вспомнил. Полиция сочла его информацию полезной, и его отпустили... И я хочу сказать, что больше не нужно присылать мне деньги. Спасибо.

– Ленка...

– Не надо, Эрика, у меня все хорошо. Марек вернулся, все наладилось.

– Открыла бы еще один счет в банке? Я по-прежнему буду присылать деньги, а ты их откладывай, держи для себя.

– Эрика, ты не обязана обо мне заботиться.

– Обязана. Ты же знаешь: те, кто связан с мафией, всегда плохо кончают – их либо убивают, либо сажают до конца жизни. Хочешь остаться матерью-одиночкой с двумя детьми, точнее, уже почти с тремя?

– Он очень старается быть честным и порядочным, и его выпустили, – сердито сказала Ленка, подчеркнув свои слова жестами обеих рук, будто условно-досрочное освобождение обеспечивало ее мужу преимущество перед другими отцами. – Эрика, здесь жизнь совсем другая.

– Другая не значит правильная.

– Да что ты понимаешь?! Лучше бы порадовалась за меня. Марек о нас заботится. Дети хорошо одеты, у них есть айфоны. Этот малыш ни в чем не будет нуждаться. Наши дети будут учиться в хороших школах...

– Боже упаси! Ведь тогда им придется усердно трудиться – какая скуотища! – да и зачем это, если Марек может просто пригрозить, что даст учительнице в морду!

– Эрика, я не хочу больше это обсуждать. Я позвонила тебе не для того, чтобы ругаться. – Ленка поправила на голове узел, решительно кладя конец неприятному разговору. – Лучше скажи, как ты сама? Я пыталась

дозвониться тебе по *Skype*. Четыре раза вызывала в день годовщины Марка.

– Нормально.

– Картины бы, что ли, повесила, – посоветовала Ленка, пристально разглядывая на своем экране ее комнату. – А то похоже на тюремную камеру.

– Я оставлю все как есть до вашего с Мареком приезда. Чтобы он чувствовал себя как дома.

Несмотря на ее саркастический тон, они обе захохотали.

– Дети передают тебе привет, – сказала Ленка, когда они успокоились. – Они сейчас в бассейне с друзьями.

– Поцелуй их за меня. И дай знать, когда начнутся роды, ладно?

– Ладно... Сообщи. Я люблю тебя. – Ленка приложила к губам пальцы и выдула воздушный поцелуй. Эрика ответила тем же, и экран затем почернел.

После разговора по *Skype* Эрику окутала звенящая тишина. Ее взгляд заскользил по голым стенам и остановился на книжной полке со всякой всячиной. Рядом с книгой «50 оттенков серого» стоял роман, подаренный ей Стивеном Линли, с его автографом. Эрика взяла с полки детектив «Из моих охладевших рук» и принялась читать.

Глава 62

Неожиданно освободившееся воскресенье Мосс провела с пользой. Она была рада, что наконец-то ей выпала возможность самой искупать и уложить спать сына Джейкоба. Читая ему сказку, она увидела, что он заснул. Она поцеловала его спящее личико и крутанула музыкальный вращающийся ночник, чтобы еще какое-то время звучала колыбельная и мерцал свет.

Выйдя из детской, она увидела жену, Силию. Та протянула ей телефон.

– Эрика Фостер, – сообщила Силия. Мосс взяла телефон, прошла в маленькую комнату, которая служила им кабинетом, и закрыла за собой дверь.

– Простите, что звоню вам домой, Мосс, – извинилась Эрика.

– Да все нормально, босс. Что-то случилось?

– Сегодня все куда-то разбежались.

– Ну да, – отвечала Мосс, помедлив в смущении. – Извините, что так вышло. Я думала, вы будете заняты с Маршем.

– Так и было. Хорошо провели день?

– Да. Сходили в Сент-Джеймский парк. Там чудесно.

– Говорить можете?

– Да. Только что закончила читать Джейкобу «Голодную гусеницу»^[35], и теперь страсть как хочу салата – такого со мной еще не бывало.

– А я читаю один из романов о старшем инспекторе Бартоломью, о котором пишет... писал Стивен Линли.

– Хотите организовать клуб книголюбов? – спросила Мосс.

– Очень смешно. Нет, я начала читать «Из моих охладевших рук», и, знаете, очень неприятная книга...

– В каком смысле?

– Я спокойно отношусь к кровавым сценам, но здесь просто жуть. Серийный убийца по ночам похищает женщин, запирает их в подвале и там истязает.

– Нечто вроде «Молчания ягнят»?

– Нет, в «Молчании ягнят» насилие описывается элегантно и сдержанно. А здесь сплошной порносадизм. Я только что с трудом продралась через многостраничную серию длительных, затяжных красочных изнасилований, в промежутках между которыми убийца льет кипятка на голые тела своих жертв.

– Ни фиги себе.

– Такое впечатление, что он тащится, описывая все это... Вот мне и подумалось, а что, если Ночной Охотник убил Стивена из-за его отношения к женщинам?

– Мне казалось, согласно новой версии, Стивена убил Айзек Стронг? И вас вроде бы отстранили от этого дела?

– Мосс, а вы сами-то верите, что Айзек может быть убийцей?

– Нет. Хотя я его не так хорошо знаю.

– Мосс, я ведь была на месте преступления. И там все указывало на то, что убийца тот же. Я только что в *Google* задала поиск на Стивена Линли и выяснила, что его книги продаются бешеными тиражами, но в литературных кругах отношение к нему очень неоднозначное. Многих возмущают его описания насилия по отношению к женщинам; раздаются призывы к бойкоту его книг. А может, это и есть та самая ниточка? Что, если какая-то из его книг вдохновила кого-то на насилие над Ночным Охотником? По телефону она мне сказала, что ее истязал муж, и она собиралась его убить, но он умер сам.

– Хорошая версия, босс. Значит, вы пытаетесь вычислить убийцу по детективу? – спросила Мосс.

– Просто получается, что мы толком не задумывались о мотиве преступлений. Потратили впустую время, считая, что с Грегори Манро расправился отвергнутый любовник; в случае с Джеком Хартом нам затмила глаза его публичность.

– Да, но есть одна проблема, босс. *Нас отстранили от расследования данного дела.* Меня временно откомандировали в отдел по размещению камер видеонаблюдения, – сообщила Мосс.

– А Питерсон?

– Не знаю. Слышала, его тоже куда-то направили, но куда – точно не знаю.

– Ну, а я в отпуске, – сыронизировала Эрика.

– Тогда, может, займетесь тем, что обычно делают на отдыхе? Навестите друзей... Например, повидайтесь с Айзеком. Если не можете сейчас быть полицейским, будьте другом.

Глава 63

Эрика стояла в очереди на досмотр в центре для посетителей тюрьмы Белмарш, размещавшемся в длинном низком сыром бетонном здании. Для сорока человек, столпившихся перед металлодетекторами, здесь было тесно. На улице лил дождь; высокие узкие окна запотели. Зловоние влажных потных тел и аромат духов смешивались с едким запахом шампуня для пола. Из посетителей очень немногие пришли по одному. В лицах некоторых, впервые пришедших навестить друзей или любимых, читалось потрясение. Шумная группа жен арестантов с орущими детьми выкладывала перед металлодетекторами принесенные вещи. Одну из мамаш охранник попросил снять с ребенка подгузник – вдруг там что-то спрятано. Она отказалась.

После того как все прошли досмотр, какое-то время они снова ждали в длинной приемной. Затем посетителей провели в помещение, похожее на огромный спортзал, где стояли ряды пластиковых столов и стульев. Когда Эрика вошла туда, все арестанты сидели неподвижно. На них были желтые пояса, чтобы они после свидания не сбежали, смешавшись с посетителями.

Айзека она нашла за столом в конце третьего ряда. Его внешний вид ее шокировал: глаза воспаленные, в обрамлении темных кругов. Его обычно прилизанные волосы были всклокочены, на лице – порезы от бритвы.

– Я так рад тебя видеть, – произнес он.

– Мне очень жаль, что Стивен погиб. Соболезную, – сказала Эрика.

Айзек пытливо смотрел ей в глаза.

– Спасибо. Что привело тебя сюда?

– Я пришла как друг. – Эрика накрыла ладонью его руку. Она была холодная и влажная, а сам Айзек дрожал. – Прости, что не навестила раньше.

– Здесь суций кошмар. Грязь, крики, постоянные угрозы насилия, все время чувствую себя в опасности, – прошептал он. – Я не убивал. Поверь, прошу тебя, я не убивал... Ты ведь мне веришь, да?

– Да, верю, – чуть помедлив, ответила Эрика.

– Я узнал, что он ходит в сауну для геев у Ватерлоо. Сношается с парнями просто так – не предохраняясь. Я это подозревал и припер его к стенке, а он сказал, что посещает тренажерный зал. Потом этот идиот взял мой айпод и забыл его в сауне, в шкафчике оставил. И мне оттуда позвонили... Полагаю, тебе известно, что я по телефону грозился его

убить?

– Да.

– Но я не убивал. Я его не убивал. Я пришел к Стивену, чтобы устроить ему взбучку, открыл дверь своим ключом и... – Голос Айзека сорвался, глаза наполнились слезами, и на стол с тихими шлепками упало несколько капель. Он вытер их рукавом.

– Постой, так ты открыл дверь ключом?

– Да, у меня был ключ от его квартиры. Между нами сложились доверительные отношения, и он дал мне ключ. Я был так тронут, так чертовски ему благодарен.

– Его квартира на втором этаже, балкона нет?

Айзек кивнул.

– Если дверь была заперта, когда ты пришел, значит, это был не взлом. Он либо сам впустил убийцу, либо у того был ключ.

– Так ты для этого сюда пришла? Продолжаешь расследование?

Эрика вкратце поведала ему о том, что произошло, что ее отстранили от дела.

– Значит, ведешь собственное расследование? Думаешь, сумеешь мне помочь?

– Айзек, я не знаю, смогу ли что-то сделать.

– Прошу тебя. Я... здесь не выдержу.

Эрика увидела, что десять минут свидания уже прошли, а всего ей отведено только полчаса.

– Айзек, хочу спросить: почему Стивен? У тебя такая упорядоченная жизнь: престижная работа, дом, друзья. Что привлекло тебя к нему? Он регулярно употреблял наркотики, нанимал парней-проституток.

– Он будоражил меня, Эрика. Он был плохиш, а я пай-мальчик. Рос неспортивным очкариком на тощих ногах, носил скобки. До двадцати трех лет, пока не окончил медицинский, оставался девственником. Я всегда все делал по правилам, усердно трудился, а Стивен был сексуальный, опасный, непредсказуемый. Ему была присуща некая провоцирующая эксцентричность... – Айзек пожал плечами. – Он был потрясающе хорош в постели. Я понимал, что он непорядочный человек, что он не вписывается в мою жизнь... Но я снова принял его, а тебя оттолкнул... Прости, Эрика. Ты ведь нуждалась во мне, да? Я даже забыл про Марка, про годовщину его смерти. Прости.

Эрика перегнулась через стол и взяла его за руку.

– Я не в обиде, Айзек, не кори себя. Я здесь, и ты – мой друг.

Он посмотрел на нее, слабо улыбнулся.

– Послушай, хотела спросить, – сказала Эрика. – Я прочитала две книги Стивена: «Из моих охладевших рук» и «Девушка в подвале»...

– Знаю, – перебил ее Айзек, словно читая ее мысли. – Он писал шокирующие вещи.

– Там столько сцен истязания женщин... и потом этот старший инспектор Бартоломью... Главный герой, а бьет жену?

– Антигерой, – поправил ее Айзек, пожимая плечами. – Издержки его работы, как объяснял Стивен. Так он выплескивал всю свою дурную энергию. Возьмем авторов ужастиков: они не обязательно делают то, о чем пишут. Ну а нас возьми. Вот я, например, чем занимаюсь? Зарабатываю хлеб насущный тем, что режу людей. Вскрываю их тела. Копаюсь в их мозгах. Чем это не насилие?

– Айзек, не сравнивай себя с ними. Ты помогаешь ловить преступников. А Стивен их создавал, пусть и в книгах, – заметила Эрика.

– Для его поклонников созданные им персонажи столь же реальны, как ты и я.

– У Стивена были чокнутые поклонники? Может быть, кто-то из его фанатов присылал ему по почте послания тревожного содержания?

Айзек рукавом отер нос.

– Не знаю. По почте ему никто ничего не присылал. Насколько мне известно, многие поклонники его творчества писали ему на его страничку в *Facebook*.

– Агент Стивена мог получать письма поклонников, адресованные на его имя?

– Да. Возможно. Офис его агента находится где-то в Западном Лондоне... У меня была нормальная жизнь, Эрика... Думаешь, я смогу вернуться к той жизни? Я ведь знаю, как работает наша система. Мое имя запятнано. Я занимал ответственную должность, а теперь лишился доверия. – Айзек заплакал.

– Айзек, прекрати, здесь нельзя, – сказала Эрика, заметив, что другие заключенные поглядывают на него. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вытащить тебя отсюда, – пообещала она. – Клянусь.

Он поднял на нее глаза.

– Спасибо. Если кто и сможет мне помочь, то только ты.

Глава 64

Таксофон находился на окраине Лондона, на территории парка Барнс. Симона его помнила. Таксофон был частью воспоминаний о давних счастливых временах, когда мама брала ее с собой в Кью-Гарденз. Ей приходилось прятаться под полами пальто матери, пока они шли мимо билетной кассы, но, оказавшись в саду, Симона любовалась цветами и деревьями. Мама спешила в тропический павильон, похожий на гигантскую оранжерею, где было тепло и росли растения со всего мира. Симона хорошо помнила вывеску: «Редкие виды флоры и фауны».

Мама, конечно, приходила в Кью-Гарденз лишь для встречи с очередным клиентом. Они удалялись в заросли, где занимались взрослыми делами. А Симона пару часов наслаждалась свободой, гуляя по парку. И она знала, что, если мама будет довольна, то и ей самой будет хорошо.

Симона возвращалась домой на автобусе. Лицом прижимаясь к окну, она заметила на фоне растительности Барнса красное пятно – телефонную будку. Казалось, за прошедшие годы здесь ничего не изменилось. Разве что зелень из-за засухи пожелтела, да с таксофона облупливалась краска. Зато вокруг не было ни души.

Эрика Фостер ответила после нескольких гудков.

– Вы получили мою открытку, инспектор Фостер?

Секундная пауза.

– Да. Спасибо. Хотя большинство людей обычно бросают письма в почтовый ящик, – указала Эрика.

– Я – не большинство, инспектор Фостер, – заявила Симона. Сжимая в руке трубку, через грязное стекло она смотрела на безлюдный парк.

– Считаете себя особенной? – спросила Эрика. – Думаете, вас прислали сюда с некой высокой миссией?

– Нет, отнюдь. Я – самая обыкновенная. Не красивая и не умная, но меня переполняют гнев и горе... А именно горе придает силы, не так ли?

– Да, – согласилась Эрика.

– Я решила направить эту силу на то, чтобы отомстить... Я читала про вас. О том, как вы старались делать свою работу, пытаться поймать наркоторговца, и у вас вышла осечка. Мало того что вы потеряли друзей и мужа, на вас ополчились те самые люди, которым вы служили. Во всем обвинили вас.

– А если я скажу: остановитесь, и вам помогут? – перебила ее Эрика.

– А если я скажу: остановитесь, и вам помогут? – парировала Симона.

– Это вы о чем?

– Я видела, как вы живете. Жалкая квартирка. Пожитков кот наплакал. Вы посвятили свою жизнь службе в полиции, и что вам это дало? Не прощали бы вам жилось, если бы вы перестали пытаться спасти мир?

Помолчав, Эрика отвечала дрожащим голосом:

– Я обязательно вас найду. И посмотрю вам в глаза, вот тогда и поумничаєте.

– Поймите, если сможете. Это еще не конец, – предупредила Симона.

Она услышала в трубке щелчок, затем гудки.

Симона поморщилась, но не от страха. Больно улыбаться, если тебя треснули пепельницей.

Глава 65

Свободной рукой Мосс постучала в дверь. В другой она держала коробку с пиццей. Спустя мгновения дверь отворилась. На пороге стояла Эрика с взъерошенными волосами.

– Я подумала, вы не откажетесь от пиццы, – сказала Мосс, протягивая коробку. – С пепперони?

– Спасибо, входите. – Эрика отступила в сторону, пропуская гостью. Дождь прекратился, облака рассеялись. В окно, что выходило во двор, можно было наблюдать восхитительный закат: солнце медленно опускалось за горизонт, расцвечивая мягкую синеву оранжевыми языками.

– Отвезла Силию с Джейкобом в бассейн в Лейдиуэлле и решила вас проведать, посмотреть, как вы отдыхаете...

– Поставьте коробку куда-нибудь, – попросила Эрика, доставая из буфета тарелки.

Мосс кинула взгляд вокруг и увидела, что на всех доступных поверхностях, в том числе на полу, разложены следственные материалы по делу о Ночном Охотнике.

– Вам разрешили забрать все это с собой?

– Нет, загрузила в свой компьютер.

– То есть отпуск вы проводите на всю катушку? – Мосс сдвинула в сторону пару серых папок на журнальном столике и поставила на край коробку с пиццей.

– Она еще раз позвонила.

– Ночной Охотник?

– Да.

– Что сказала?

– Позвонила, чтобы нервы мне пощекотать. Заявила, что это еще не конец.

– Звонок отследили?

– Да. Мне позвонил Крейн. По просьбе Спаркса его откомандировали к нему в команду. Они отследили таксофон в Западном Лондоне. И опять никаких видеокамер... Больше он сказать мне не мог... Как ей удастся не оступиться? Как? Я распечатала все материалы по делу. С бумажными документами работать удобнее. Я тщательно изучила каждую бумажку.

Эрика дала Мосс тарелку с салфеткой и открыла коробку. От тонкого хрустящего коржа идеально приготовленной пиццы поднимался пар. Они

принялись есть. Эрика поведала Мосс о свидании с Айзеком и в подробностях рассказала, как после звонка убийцы она стала заново анализировать следственные материалы.

– Мне просто кажется, что мы по-настоящему никогда и не пробовали разгадать ее, Ночного Охотника. Вот, например, открытка, что она мне прислала. – Эрика вручила Мосс распечатку отсканированной открытки. – Почему она выбрала именно это стихотворение?

– Она – жестокий серийный убийца. С какой стати она должна обладать более богатым воображением, чем другие? – рассудила Мосс. – Стихотворение «Над могилой ты слез не лей» найти нетрудно. Его часто читают на похоронах. Это как с книгами: мы все просматриваем списки бестселлеров, слушаем критиков, советующих нам прочесть то или иное произведение, и покупаем их, чтобы казаться умнее в собственных глазах. Я – одна из миллионов, кто прочел половину «Щегла»^[36].

– Вот и Ночной Охотник сказала мне то же самое по телефону.

– Что она прочитала половину «Щегла»?

Эрика сердито взглянула на Мосс.

– Простите, босс, просто пытаюсь поднять настроение...

– Она сказала мне по телефону, что не считает себя умной, – объяснила Эрика.

– Но она умна. Или ей чертовски везет. Три трупа и фактически никаких улик. Она заходит и выходит незамеченной, – возразила Мосс, откусывая пиццу.

Эрика покачала головой.

– Не пойму, зачем тратить столько сил, чтобы узнать, где я живу, проникнуть в дом и оставить открытку? Да еще и подписаться: «Ночной Охотник».

– Босс, возможно, она думает, что нашла в вас новую подругу или союзницу.

– Тогда почему не подписалась своим настоящим именем, если так уверена в себе? Серийные убийцы ненавидят прозвища, которыми нарекают их журналисты. Считают, что они дают о них неверное представление. Они убеждены, что выполняют важную миссию: делают благородное дело, служат обществу.

– Возможно, она просто хочет сбить вас с толку, – предположила Мосс.

– Я заново изучила личности жертв, пытаюсь понять, что их связывает, но они абсолютно разные люди. Общего между ними только то, что они все мужчины и были убиты одним и тем же способом, разве что Стивену, ко всему прочему еще, и голову разможили. А еще я снова просмотрела

список людей, которые приобретали «суицидальные» пакеты через Интернет.

– Я тоже его просматривала. Очень много женщин из числа жительниц Лондона, которые их купили, действительно покончили с собой, – сказала Мосс.

– Сегодня утром во время свидания Айзек сообщил мне кое-что интересное. Когда он обнаружил тело Стивена, дверь в его квартиру он открыл своим ключом. Она была закрыта и заперта на замок. Никакого насильственного проникновения. Квартира расположена на втором этаже, не имеет ни балкона, ни других дверей.

– То есть у Ночного Охотника был ключ? – уточнила Мосс.

– Да. Я получила отчет о результатах осмотра места преступления. Замок был взломан. На внутреннем механизме есть царапины от отмычки.

– Отмычки часто используют при кражах со взломом. Сегодня их за бесценок можно купить через Интернет, – заметила Мосс.

– Вот именно. И в списке покупателей «суицидальных» пакетов есть человек, который приобрел и отмычку, – сообщила Эрика.

– Вот как?

– Да. Отрабатывая имена по списку, мы проверили банковские счета этих людей, их банковские операции. Этот человек три года назад приобрел один «суицидальный» пакет, а в последние три месяца – еще пять. Кому могут понадобиться пять «суицидальных» пакетов? И три месяца назад он приобрел через Интернет и отмычку.

– Проклятье! Как же мы раньше не заметили? – удивилась Мосс.

– Видать, просмотрели. Мы не искали отмычку и были сосредоточены на женщинах. А этот человек – мужчина тридцати пяти лет. Инвалид с детства, колясочник. Живет в Уэртинге, на южном побережье, недалеко от Лондона.

– Маршу сообщили?

– Пока нет.

– И что намерены делать? На денек съездите к морю? – спросила Мосс.

– А вы не хотите провести денек у моря? – вопросом на вопрос ответила Эрика.

Мосс помолчала.

– Простите, но завтра я должна быть в отделе по размещению камер видеонаблюдения. Не могу... Нет, рисковать не могу.

– Ничего страшного, – улыбнулась Эрика.

– Но я готова помочь. Буду делать все, что нужно, не привлекая

внимания.

– Спасибо.

– Только будьте осторожны, босс, ладно? Вы уже разозлили очень многих.

– А людей часто приходится злить, чтобы докопаться до правды. Но я это делаю не для того, чтобы потешить собственное эго, – сказала Эрика. – Видели бы вы Айзека. Он не убивал. И я это докажу.

Глава 66

Сбежав с места убийства Стивена Линли, Симона затаилась. От удара пепельницей у нее распухла губа, на щеке остался безобразный синяк. А еще она повредила зуб: левый резец сломался почти до десны. Симона не знала, проглотила его или зуб отскочил куда-то в темный уголок в квартире Стивена Линли. Оголенные нервы причиняли жуткую боль, но к стоматологу идти она боялась. Наверняка он сделает ей рентген зубов, и эти снимки попадут в базу данных.

Симона пыталась вспомнить, делали ли ей снимки зубов в прошлом. Она смутно припоминала, как однажды ее оставили одну в большой комнате с изоляционной обшивкой на стенах и велели лежать неподвижно. Мама тогда ждала за дверью. Значит, ей делали рентген? Трудно сказать. Она точно знала, что у нее никогда не снимали отпечатки пальцев и не брали образец на анализ ДНК.

Поначалу она была уверена, что все кончено. Она совершила ошибку, убийство пошло не по плану. Сказавшись больной, Симона не вышла на работу. Она совсем не могла спать. Никакое снотворное не помогало, даже в больших дозах.

На третью бессонную ночь в начале первого, лежа в постели, она услышала тихое *шлеп-шлеп*, доносившееся из-за двери в спальню. Будто вода капала на ковер. Капанье сопровождалось затрудненным дыханием, словно через зажатый нос.

Симона вскочила с кровати и втиснула под дверь стул, что обычно стоял перед туалетным столиком. Тревожные звуки не затихали: *шлеп, шлеп, шлеп, шлеп, шлеп... Вдох, выдох.*

Она зажала ладонями ноющие пульсирующие виски. *Это галлюцинация.* Однако шум не прекращался.

Шлеп, шлеп. Вдох, выдох. Мокрый клокоцущий кашель.

– Ты не настоящий! – крикнула она. – Уйди отсюда, Стэн!

Шлеп, шлеп, шлеп, шлеп, шлеп... Вдох, выдох.

Симона убрала стул и, повернув ручку, открыла дверь. Горло сдавило, когда она увидела, что в коридоре стоит не мокрый Стэн.

Это был Стивен Линли. В кроссовках, синих джинсах, белой футболке и тонком черном пиджаке. С пластиковым пакетом на голове, наполовину наполненным слизью и кровью, которая сочилась из-под туго затянутого на шее шнурка и, стекая по одежде, капала на светлый ковер.

Шлеп, шлеп, шлеп...

Его лоб, по которому Симона заехала пепельницей, был вдавлен, лицо обезображено почти до неузнаваемости. А рот под полиэтиленом шевелился. Разбитое лицо пыталось дышать.

– НЕТ! – крикнула Симона. – ТЫ УМЕР! – С каждым словом она подступала на шаг к уродливому труп, тыкая в него пальцем. Тот, взмахивая руками, попятился к лестнице.

– ТЫ ЗАСЛУЖИЛ СМЕРТЬ! – заорала она. Они дошли до лестницы. Симона толкнула труп. Тот опрокинулся, покатился вниз, подпрыгивая на ступеньках, и бесформенной грудой осел у подножия лестницы.

Она зажмурилась, досчитала до десяти, затем открыла глаза. Труп исчез. Все вернулось на круги своя. Она была одна. Дрожа, Симона спустилась вниз, проверила гостиную и кухню. Никого и ничего. Она подошла к компьютеру, включила его. Когда он загрузился, она начала печатать:

СОВА: Ты здесь?

Несколько минут ответа не было, и только Симона хотела пойти налить себе что-нибудь, как Герцог вышел на связь.

ГЕРЦОГ: Привет, Сова, что новенького?

СОВА: Я соскучилась по тебе.

ГЕРЦОГ: Я тоже по тебе соскучился.

СОВА: Мне страшно. У меня снова видения.

ГЕРЦОГ: Новые таблетки принимаешь?

СОВА: Нет, я перестала их принимать.

ГЕРЦОГ: Я боялся, что с тобой что-то случилось.

СОВА: Да все нормально.

ГЕРЦОГ: Получилось?

СОВА: И да, и нет. По морде схлопотала. Губы распухли.

ГЕРЦОГ: Врешь ты все. Поди, готовишься к нашему совместному путешествию, губы надуваешь! Коллагеном. Ха-ха.

СОВА: Распухла только нижняя губа.

ГЕРЦОГ: Весьма разумно. Значит, теперь копишь на верхнюю.

Рассмеявшись, Симона тронула руками лицо. До сих пор малейшее прикосновение к нему отзывалось болью. Она соскучилась по общению с Герцогом. Компьютер пикнул, и она увидела на экране бегущий текст.

ГЕРЦОГ: Ну как, Сова? Едем?

СОВА: Куда?

ГЕРЦОГ: В путешествие. Мы так много говорили об этом. Пора претворить наш план в жизнь!

ГЕРЦОГ: Ты ведь не раздумала, нет?

ГЕРЦОГ: Сова?

СОВА: Я здесь.

ГЕРЦОГ: Так что скажешь?

СОВА: У меня в списке еще одно имя.

ГЕРЦОГ: Я ждал, пока ты разберешься с тремя. Что ж, подожду еще. Но я хочу знать, когда.

СОВА: Как только, так сразу.

ГЕРЦОГ: Как только!

СОВА: Через неделю, через месяц. Через год... Не знаю! Не гони меня, Герцог, слышишь?

ГЕРЦОГ: Прости. Мне просто нужно знать...

ГЕРЦОГ:...но это будет раньше, чем через год?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Уфф! ***Отирает со лба пот***

СОВА: Я скоро сообщу. Обещаю. А потом мы уедем и будем вместе.

ГЕРЦОГ: О'кей. Я люблю тебя.

Симона долго смотрела на экран. Она несколько лет общалась с Герцогом, и за это время чего только он ей не рассказывал – раскрыл свои самые заветные, самые страшные секреты, и она была с ним столь же откровенна. Но в любви он признался ей впервые. У нее словно выросли крылья.

Она вышла из чата и отправилась спать. Чувствовала она себя гораздо лучше. Она вернется на работу. Потом начнет готовить расправу над четвертым. Четвертым и последним.

Глава 67

– Итак, босс, куда мы все-таки едем? – спросил Питерсон, усаживаясь в пассажирское кресло. Одет он был просто – в джинсы и футболку, с собой небольшой рюкзак. Эрика заехала за ним около девяти утра. Квартира, в которой он жил, находилась в элегантном приземистом здании на тихой тенистой улице в Бекенэме. На опрятном газоне табличка: «Тейвисток-Хаус».

– В Уэртинг. – Эрика дала Питерсону сложенную карту. В окне первого этажа чуть отодвинулась занавеска, и показались лицо и обнаженное плечо хрупкой симпатичной блондинки. Она помахала Питерсону, одновременно смерив Эрику оценивающим взглядом. Он небрежно махнул ей в ответ и из рюкзака вытащил солнцезащитные очки *Ray-Ban*.

– Подружка ваша? – любопытствовала Эрика. Питерсон протер стекла маленькой квадратной серой салфеткой и надел очки. Девушка наблюдала за ними из окна.

Он пожал плечами и произнес со смущенным видом:

– Поехали, босс. Поехали.

Они тронулись с места и с минуту молчали. На лобовое стекло падала тень листвы.

– Нам нужна M23, потом – A23, – сказала Эрика, сообразив, что Питерсон не желает вдаваться в подробности о своей гостье.

– Почему вы обратились ко мне? – Он развернул карту и стал рассматривать ее поверх очков.

– Мосс получила другое назначение, а вы, когда я вам позвонила, сказали, что свободны... А почему вы согласились?

– Вы меня заинтриговали, – улыбнулся Питерсон.

Эрика отвечала ему улыбкой.

– Я тоже получил другое назначение, – сообщил он.

– Какое?

– Операция «Хемслоу».

Эрика резко повернулась к нему, и автомобиль швырнуло к правой полосе. Перегнувшись в бок, Питерсон выровнял руль.

– Не раскатывайте губу. Я всего лишь в группе наблюдения. А это скучная работа: главным образом, веду наблюдение за Пенни Манро и Питером.

– И?

– Они в безопасности... Мальчик ходит в школу, возвращается домой, раз в неделю посещает бассейн, любит кормить уток... – Питерсон надул щеки. – Они очень близки к тому, чтобы арестовать Гэри Уилмслоу. Сейчас в центре внимания одно помещение на территории Кристал-Пэлас. Задача в том, чтобы заманить туда Уилмслоу. Но это не так-то легко. Между ним и производством видео, поставкой детей целых три звена... Неизвестно, правда, сколько нам еще ждать, прежде чем мы начнем действовать и закроем эту контору.

– Вы *должны* поймать Уилмслоу, – сказала Эрика.

– Никто так сильно не хочет упечь его за решетку, как я... Между прочим, босс, я не вправе вам все это рассказывать.

– Знаю. Спасибо.

– Вы в курсе, что Спаркс вот-вот предъявит Айзеку обвинение в убийстве Грегори Манро и Джека Харта в довесок к убийству Стивена Линли?

– Черт.

– Почему вы об этом им не сообщили? О том, что мы делаем сегодня? – спросил Питерсон.

– Потому что я хочу сама разобраться. Они для себя уже все решили. Проще всего обвинить Айзека... Аккуратненько подогнать все одно к одному, и дело закрыто.

– Вы не верите, что это он убил, да?

Эрика посмотрела на Питерсона.

– Нет, не верю. Мне просто надо самой убедиться. Может, конечно, я и не права, но мне кажется, передай я по телефону эту информацию, ее запихнут под ворох бумаг и, пока кто-нибудь до нее докопается, будет уже поздно. Вас это не напрягает?

Питерсон улыбнулся, пожимая плечами.

– Босс, как я сказал по телефону, это всего лишь денек у моря.

– Спасибо.

Эрика подумала о том, как быстро все изменилось. Ее отстранили от расследования. Она принялась вводить Питерсона в курс дела, рассказывая о своих изысканиях и о том, как намерена действовать.

Спустя полтора часа они съехали с автострады с двусторонним движением и покатили к Уэртингу по невзрачным однополосным дорогам, замысловато переплетавшимся одна с другой. Правда, сам этот старинный приморский городок оказался довольно живописным. В разгар лета он выглядел не убогим захолустьем, а роскошным курортом. Эрика поехала по

набережной. Пляж был переполнен отдыхающими, которые загорали и принимали солнечные ванны, сидя в старомодных шезлонгах. Вдоль набережной тянулись в ряд дома ленточной застройки, многоквартирные жилые здания и разнообразные магазины. Эрика припарковалась, и они вышли из машины на оживленный приморский бульвар, по которому прогуливались люди, лакомящиеся мороженым и наслаждавшиеся солнечной погодой.

– Как будем действовать? – спросил Питерсон, подходя к ней у счетчика платы за парковку.

– У нас нет полномочий находиться здесь, но он этого не знает, – отвечала Эрика, бросая монеты в автомат. – Надеюсь, эффект неожиданности сработает в нашу пользу.

Она взяла талон и заперла машину. Дом, который они искали, находился дальше по набережной, там, где сувенирные лавки и кафе встречались уже крайне редко. Сами стандартные домики здесь были более захудалыми и переоборудованы в многоквартирные жилища, причем некоторые квартиры состояли всего из одной комнаты.

– Вот, это здесь, – сказала Эрика, когда они подошли к большому пятиэтажному зданию с маленьким забетонированным палисадником, где стояли пять черных мусорных контейнеров на колесиках с номерами квартир, выведенными на крышках белой краской. Все окна были распахнуты. Из окна верхнего этажа гремела музыка.

– Чую травку, – произнес Питерсон, принявшись.

– Мы приехали не за этим, – урезонила его Эрика.

Они поднялись по ступенькам, Эрика позвонила в квартиру на первом этаже, и они стали ждать. Музыка на минуту стихла, затем заиграла композиция *Smells Like Teen Spirit* («Повеяло юностью») группы «Нирвана».

В окне нижнего этажа с видом на мусорные баки, частично завешанном одеждой, горел свет. Эрика снова позвонила и сквозь матированное стекло на двери увидела, как из сумрака выдвинулся большой громоздкий темный силуэт. Дверь открылась на пару сантиметров, потом, после того как раздалось жужжание, медленно распахнулась.

Громоздким темным силуэтом оказалось огромное моторизованное инвалидное кресло с мощными колесами и кислородными баллонами, закрепленными на спинке. Механизм в виде гармошки зажуужал, поднимая сиденье, на котором расположился коротышка с мелкими пухлыми чертами лица, в очках с толстыми стеклами и с жидкими

волосами, липнувшими к его почти лысой голове. Под носом у него висела кислородная трубка. Тело у коротышки было плотное – они видели, что он страдает карликовостью, – в сравнении с которым его еще более короткие усохшие ноги, едва дотягивавшие до края сиденья, были похожи на ниточки. Одну руку карлик сунул под боковину кресла, в другой держал кусок проволоки, с помощью которой он открыл входную дверь. Карлик выпустил струну, взял пульт, лежавший рядом с инвалидным креслом, и выехал на порог, блокируя проход.

– Вы Кит Харди? – спросила Эрика.

– Да, – ответил он, переводя взгляд с одного посетителя на другого. Голос у него был пронзительный.

Эрика с Питерсоном показали свои удостоверения.

– Старший инспектор Эрика Фостер. А это мой коллега инспектор Питерсон. Можно с вами поговорить?

– О чем?

Эрика посмотрела на Питерсона.

– Мы предпочли бы обсудить это не на улице.

– В дом я вас не пущу.

– Мистер Харди, мы не отнимем у вас много времени, – сказала Эрика.

– Вы нисколько не отнимите.

– Мистер Харди... – начал Питерсон.

– У вас есть ордер?

– Нет.

– Тогда уходите и без ордера здесь не появляйтесь. – Карлик ухватился за проволоку, присоединенную к замку на внутренней стороне двери. Эрика перегнулась и выдернула струну у него из руки.

– Мистер Харди, мы расследуем тройное убийство. Убийца использовал «суицидальные» пакеты... Мы проверили ваши банковские счета и установили, что вы купили пять таких пакетов, но до сих пор живы. Мы просто хотим устранить недоразумение.

Кит поморщил нос и, подняв на лоб очки, отъехал на кресле назад, пропуская их в квартиру.

Глава 68

Пол во всем жилище Кита Харди устилал ковролин с немодным узором в виде шестиугольников лимонно-зеленого, желтого и красного цветов. Эрика с Питерсоном последовали за ним по коридору. Из-за высокой спинки жужжащего инвалидного кресла они едва видели его макушку с прилизанными жиденькими волосами. Первая дверь налево вела в его спальню. У задней стены, напротив эркерного окна, стояла большая медицинская кровать на колесиках с гидравлическим приводом, рядом – старый полированный комод с трехстворчатым зеркалом, уставленный медикаментами: большими тюбиками с мазями, лекарственными препаратами и рулоном ваты. На оконном карнизе висела одежда. Само эркерное окно выходило на набережную, где прогуливались люди. С моря доносился отдаленный крик чаек. На потолке сияла люстра, лампы на прикроватной тумбочке и на комоде тоже горели.

Они миновали еще одну, крошечную, комнату, заваленную всяким хламом. Среди прочего они там увидели старое инвалидное кресло с ручным приводом, кипы книг и еще одну инвалидную коляску с электроприводом. Задняя панель с нее была снята, и из спинки торчали провода и внутренности. Еще одна дверь справа по коридору вела в просторную ванную, оборудованную специально для инвалида.

Кит доехал до конца коридора, где находилась дверь с вставками из шероховатого непрозрачного стекла, повернул в нее, и они вслед за ним вошли в замызганную кухню-гостиную с видом на крошечный задний дворик и стену высокого кирпичного здания. Кухня была старая и грязная, со специально приспособленной низкой рабочей поверхностью, где вонь канализации смешивалась с запахом жареной пищи.

В другой половине комнаты три стены от пола до потолка были заставлены стеллажами с сотнями книг, видеокассет и DVD-дисков. Над выступом небольшого газового камина тоже висели полки с книгами, какими-то бумагами и целым набором разнокалиберных ламп. Все они были зажжены, так что маленькая тесная комната была ярко освещена. В одном углу на старой металлической подставке примостился включенный компьютер с разноцветными шариками, прыгающими по экрану.

– У меня гости бывают редко, – объяснил Кит, показав на небольшое кресло по другую сторону камина, заваленное газетами и журналами. – В углу возле холодильника два складных стула, – добавил он. Питерсон их

принес.

Кит подъехал к компьютеру в углу, используя джойстик, развернул кресло, чтобы находиться к ним лицом. Затем снова водрузил очки на нос и забегал большими глазами из стороны в сторону, пристально разглядывая их через мутные линзы. Эрика представила, как мимо летит муха и он ловит ее, выстреливая языком.

– За что вы хотите меня арестовать? – выпалил Кит. – Я не выхожу из дома. Я ничего не сделал.

Эрика вытащила из сумки бумаги, развернула их, разглаживая листы.

– Вот выписка из вашего банковского счета в «Сантандере». Вы подтверждаете, что это номер вашего счета и код вашего банка? – Она передала ему документ. Кит мельком глянул на него и вернул.

– Да.

– Здесь указано, что за последние три месяца вы заказали пять предметов на сайте *Allantoin.co.uk*. Пять «суицидальных» пакетов. Я выделила эти операции в документе... – Эрика наклонилась вперед, протягивая выписку Киту.

– Не нужно, я и так знаю, – сказал он.

– То есть вы подтверждаете, что это выписка с вашего банковского счета и данные финансовые операции были произведены?

– Да, – ответил он, кусая губу.

– Вы также заказали особый ключ – отмычку. Это тоже выделено в выписке...

– Я купил его через *eBay*, это не противозаконно, – заявил Кит, откидываясь в кресле и складывая на груди короткие руки.

– Не противозаконно, – согласилась Эрика. – Однако у нас нарисовалась очень серьезная проблема. Я расследую три убийства, совершенные в Лондоне и его пригородах кем-то, кто: а) задушил свои жертвы «суицидальными» пакетами и б) проник в дом одной из жертв с помощью отмычки.

Эрика достала из сумки фото с изображением убитого Стивена Линли, сделанное на месте преступления, и показала снимок Киту. Тот поморщился.

– Как видите, в данном случае «суицидальный» пакет лопнул... Убийца проник в дом с помощью отмычки.

Эрика убрала фотографию Стивена Линли и вытащила снимки Грегори Манро и Джека Харта, лежавших с «суицидальными» пакетами на головах.

– В этих двух случаях пакеты остались целы, но дело свое они

сделали...

Беззвучно охнув, Кит отвел глаза от снимков.

– Не только я покупал эти вещи, – произнес он.

– Нам предоставили список людей, которые приобрели «суицидальные» пакеты за последние три месяца. Большинство купили их с целью свести счеты с жизнью и, к несчастью, уже не смогут нам ничего рассказать. Вы один из немногих, кто приобрел несколько «суицидальных» пакетов и все еще живы.

– Я склонен к суициду, – объяснил Кит.

– Жаль это слышать. Вы пытались покончить с собой?

– Да.

– Вы можете предъявить эти пять пакетов? Если предъявите, мы со спокойной совестью вычеркнем вас из списка подозреваемых.

– Я их выбросил.

– Почему? – спросил Питерсон.

– Не знаю.

– А отмычка вам зачем?

Кит отер со лба пот.

– Ее я купил на тот случай, если окажусь запертым.

– Минуту назад вы сказали нам, что никогда не покидаете своего жилища? – заметил Питерсон.

– За мной женщина одна ухаживает, приходит три раза в неделю. Я купил для нее.

– Почему не дать ей нормальный ключ? – тут же спросил Питерсон. – Или сделать дубликат? Зачем пускаться во все тяжкие, заказывая отмычку через Интернет?

Кит сдавленно сглотнул слюну и облизал вспотевшую верхнюю губу, переводя взгляд с Эрики на Питерсона и обратно. За стеклами очков глаза его казались огромными.

– И к чему только катится наша страна? Я не сделал ничего противозаконного. – К Киту внезапно вернулось самообладание. – Я не выхожу из дома, вы ничего не докажете. Вы ведете себя нагло и недопустимо. Покиньте мой дом, не то я позвоню вашему начальству.

Эрика посмотрела на Питерсона, и они оба встали.

– Что ж, ладно, – произнесла она. Собрав снимки и банковские документы, Эрика сунула их в сумку. Питерсон сложил стулья и запихнул их в угол возле холодильника. Кит поехал вперед. Надвигаясь на них, он вынудил Эрику с Питерсоном выйти через дверь с шершавым непрозрачным стеклом в коридор.

- Я буду жаловаться. Скажу, что вы меня запугивали! – пригрозил Кит.
- Как видите, мы уже уходим, – сказала Эрика. Она остановилась у большой ванной и, открыв дверь, вошла туда. Питерсон – следом.
- Ну что еще? – спросил Кит, останавливая кресло у дверного проема, в который виднелись большая белая ванна, оснащенная электроподъемником, низкая раковина с зеркалом и унитаз для инвалидов. Рядом к стене на петле крепился длинный металлический поручень, который при необходимости можно было откинуть в сторону.
- Кто реагирует, если вы подаете сигнал тревоги? – осведомилась Эрика, тронув красный шнур, свисавший с потолка к унитазу.
- Полиция, социальная служба. Вызов поступает в диспетчерский центр, – объяснил Кит. Эрика вышла из ванной и обратила взгляд на маленькое помещение с бараклом, что находилось напротив.
- А это что? – спросила она.
- Кладовка, – ответил Кит.
- Вы хотели сказать: вторая комната?
- Это кладовка, – процедил сквозь зубы Кит.
- Нет, Кит, это вторая комната, – стояла на своем Эрика.
- Кладовка, – упирался Кит.
- Нет, я бы определенно назвал это второй комнатой, – сказал Питерсон, выходя из ванной. Кит разволновался, вцепившись в подлокотники кресла.
- Сюда можно спокойно поставить большую кровать... Это явно вторая комната, – рассудила Эрика.
- Да, вторая комната, – поддержал ее Питерсон.
- Это НЕ комната! Вы ничего не знаете! – заорал Кит.
- О, мы много чего знаем! – возразила Эрика, подступая к Киту. – Мы ехали сюда за тридцать земель не для того, чтобы вы просто выставили нас вон! Нам известно, что правительство урезало вам пособие по нетрудоспособности из-за того, что у вас есть вторая комната... Нам также известно, что вам не удастся ее сдать, и скоро жить здесь вам будет не по карману. И когда вас выселят отсюда, а вас выселят, куда вы пойдете? Полагаю, единственное жилье, которое вы сможете себе позволить, – это какой-нибудь приют в сельской глуши, вдали от магазинов, банков и врачей. С вонючими лифтами и мрачными аллеями, кишачными наркотикилерами.
- И жизнь в таких приютах не сахар, тем более для такого бедолаги, как вы, – добавил Питерсон.
- Или сядете в тюрьму за препятствование правосудию, за помощь и

содействие убийце. А тюрьма – не курорт. – Эрика помолчала для пущего эффекта. – Конечно, если вы перестанете лгать и будете сотрудничать со следствием, мы постараемся вам помочь.

– Ладно! – крикнул Кит. – Хорошо! – Он был весь в слезах, в возбуждении рвал на себе редкие волосы.

– Что «хорошо»? – спросила Эрика.

– Я расскажу. Расскажу все, что знаю... Думаю, это с ней я общаюсь в чате. С убийцей...

– Как ее зовут? – спросила Эрика.

– Не знаю... Ее настоящее имя мне неизвестно, а ей неизвестно мое. Она знает меня как Герцога.

Глава 69

– С Совой я познакомился в инете несколько лет назад, – рассказывал Кит. – Они снова сидели в его ярко освещенной тесной гостиной.

– С Совой? – переспросила Эрика.

– Да, это ее ник – имя, под которым она выступает в чатах. Я мало сплю, вот и общаюсь с людьми, у которых аналогичный склад ума.

Кит заметил, что Питерсон посмотрел на Эрику.

– Нет, у меня не такой склад ума, как у Совы... Просто со мной она другая. Нас связывает родство душ. Мы можем говорить друг другу все что угодно.

– Она назвала вам свое настоящее имя? – спросила Эрика.

– Нет, я знаю ее только как Сову... Но это не значит, что мы не близки. Я люблю ее.

Эрика поняла, что речь идет о чем-то очень сокровенном. Кит увяз по уши.

– О чем конкретно вы с ней говорили? – осведомился Питерсон.

– Обо всем. Сначала просто болтали – на протяжении многих месяцев – о любимых телепередачах, блюдах... А потом однажды в чате собралось слишком много народу, в наш разговор постоянно кто-то вмешивался, и я пригласил ее в отдельную «комнату», куда другим вход был заказан. И там пошел... откровенный разговор.

– Что значит «откровенный»? Киберсекс? – уточнил Питерсон.

– Не говорите «киберсекс» – это было нечто большее, – ответил Кит, смущенно заерзав в кресле.

– Понимаю, – сказала Эрика. – Что-то еще случилось в ту ночь?

– Она стала рассказывать про мужа, про то, как он ее насилует.

– Насилует? Где?

– Дома, в постели, по ночам... Просыпается и насилует. Она сказала, что многие не считают это изнасилованием, но ведь это изнасилование, верно?

– Да, – согласилась Эрика.

Кит помолчал, осмысливая ее ответ.

– Я просто слушал – то есть читал то, что она писала на экране. Она поведала мне все без утайки. Он был с ней груб и жесток, и она чувствовала себя в ловушке. Хуже того, она не могла спать. У нее бессонница. Как и у меня.

– Когда это было? – осведомилась Эрика.

– Четыре года назад.

– Вы общаетесь с ней четыре года? – уточнил Питерсон.

– Бывает, что она исчезает, и я, бывает, тоже, но в принципе мы переписываемся почти каждую ночь. Мы будем вместе. Она хочет убежать со мной... – Кит глянул на свои ноги, осознав, сколь нелепо это прозвучало. – Во всяком случае, такой был план.

– Что вы рассказали ей о себе? – спросила Эрика.

Кит несколько раз открывал рот и снова закрывал, не зная, что ответить.

– Она думает, что у меня свой бизнес, благотворительная компания по производству чистой питьевой воды. Она думает, что я несчастлив в браке. Что моя жена не понимает меня так, как она.

– А вы, насколько я понимаю, не женаты? Разведены? – поинтересовался Питерсон, обведя взглядом крошечную зону гостиной.

– Никогда не был женат и не разводился, – ответил Кит.

– Как вы описали себя – свою внешность? – спросил Питерсон. Эрика предостерегающе посмотрела на него. Она не хотела, чтобы Кит снова закрылся от них. Возникла неловкая пауза.

– Не хотите – не отвечайте. Очевидно, вы не были до конца правдивы с ней. Что было потом? – продолжала допытываться Эрика.

– Она сказала, что мечтает убить мужа... А я тогда переживал очень тяжелый период в жизни и искал способ покончить с собой. Видите ли, состояние моего здоровья таково, что я максимум проживу еще несколько лет. Меня часто мучают боли... Я посещал форум, где объяснялось, что можно купить «суицидальный» пакет и с помощью газового баллона совершить самоубийство. Никакой боли, просто засыпаешь и все.

Эрика с Питерсоном переглянулись.

– И вы рассказали ей про пакет и объяснили, как убить мужа?

Кит кивнул.

– И она попросила вас купить для нее один из таких пакетов?

– Нет. В ту пору у меня был один пакет. Я отправил его ей по почте.

– По почте?

– Поручил своей сиделке отнести его на почту и отправить на адрес почтового ящика в Аксбридже на западе Лондона. Она сказала, что специально завела его, этот почтовый ящик, чтобы муж не узнал. Он и не узнал. Но она не успела его убить, он сам умер.

– От чего? – спросила Эрика.

– Сердечный приступ. Я думал, она обрадуется, а она сочла себя

обманутой из-за того, что лишилась возможности отомстить. Злилась на свою жизнь. Стала какой-то одержимой. Казалась растерянной. Начала говорить про всех мужчин, которых она хотела бы убить. Первым назвала своего врача: она пожаловалась ему на мужа, который стал всячески издеваться над ней. Облил ее кипятком.

– Боже. Это было в одном из романов Стивена Линли, – сообщила Эрика Питерсону.

– Потому он и стал ее третьей жертвой, – сказал Кит. – Она ненавидела Стивена Линли. Ее муж обожал его книги и разыгрывал многие из описанных в них сцен.

– А вы не подумали о том, чтобы сообщить об этом кому-то, поставить в известность полицию?

– Вы должны понимать... я вкратце передаю вам содержание нашей переписки, которую мы вели многие годы, многие часы.

– Кит, отвечайте!

– Я люблю ее! – вскричал он. – Вы не понимаете! Мы... мы собирались убежать вместе. Она должна была вытащить меня из... из... ЭТОГО!

Кит расплакался, рыдал, опустив голову на грудь. Эрика подошла к нему, обняла его за плечи.

– Кит, мне очень жаль. Вы до сих пор общаетесь с ней?

Он поднял голову и кивнул. Мутные линзы его очков были мокры от слез.

– И что же? Вы по-прежнему планируете уехать вместе?

Питерсон достал небольшую пачку салфеток и одну протянул Киту.

– Спасибо, – поблагодарил он сквозь всхлипы. – Мы планировали сесть на поезд до Франции. В «Евростаре» есть специальный вход для инвалидов. Я узнавал. А потом мы собирались, пересеживаясь с поезда на поезд, останавливаясь во французских замках, постепенно добраться до Испании и поселиться там у моря.

Эрика заметила над подставкой для компьютера фотографии Барселоны и какого-то испанского приморского города.

– Когда вы планировали уехать? – задал вопрос Питерсон.

– Когда она закончит свои дела, – пожал плечами Кит.

– Какие дела? – спросила Эрика.

– Дела... Она должна покончить с именами в ее списке.

– Сколько в ее списке имен?

– Сказала четыре.

– И она не намекала, кто станет четвертой жертвой? – допытывалась

Эрика.

– Нет. Я только знаю, что, когда она закончит, мы будем вместе. – Кусая губу, Кит переводил взгляд с Эрики на Питерсона. Потом снова заплакал. – Это ПРАВДА. Она меня любит. Пусть она не знает, какой я, но между нами установилась подлинная близость! – Он несколько раз глубоко вздохнул и, сняв очки, принялся протирать стекла краем футболки.

– Кит, вы же понимаете, что теперь, после того, как мы с вами поговорили, последствий не избежать? Эта женщина разыскивается за убийство трех человек.

Кит снова надел очки, и лицо его скукожилось.

Голос Эрики смягчился.

– Вы уверены, что она ни разу не назвала вам своего настоящего имени или места, где она проживает? Может, она хоть как-то намекнула, кто она такая?

Кит покачал головой.

– Однажды она упомянула Лондон, а почтовый ящик зарегистрирован на анонимное лицо – я проверял.

– Вы когда-либо пытались отследить ее по IP-адресу? – спросил Питерсон.

– Пытался, но безуспешно. Вероятно, она использует «Тор». Я тоже его использую.

– Что за «Тор»?

– Кодированная программа, обеспечивает анонимность пользователю Интернета.

Эрика поднесла руку к виску.

– То есть вы хотите сказать, что, когда она входит в чат, установить ее местонахождение невозможно.

– Да, – кивнул Кит. – Невозможно.

Глава 70

Эрика с Питерсоном на время покинули жилище Кита и пошли через улицу к набережной. Гальку на берегу облизывали мелкие волны, с пляжа доносились гомон и смех.

– Я знаю, что не должен ему сочувствовать, но мне его жаль, – произнес Питерсон.

– И мне жаль, что его жизнь заканчивается так нелепо, – согласилась с ним Эрика. – Но он прикрывал эту женщину, Сову, или как ее там.

– Нельзя оставлять его надолго, – забеспокоился Питерсон, глянув на дом, где жил Кит. – Как знать, что он еще задумал?

– Быстро он никуда не доберется, – рассудила Эрика. – Как же нам поступить?

– Мы обязаны передать эту информацию руководителю следственной группы по данному делу, то бишь Спарксу, – ответил Питерсон.

– А Спаркс убежден, что Стивена убил Айзек Стронг, и он уверен, что сумеет связать Айзека с двумя другими убийствами, – сказала Эрика. – Если я поставлю в известность Спаркса или Марша, от меня потребуют, чтобы я передала все материалы и не лезла в это дело, и, если я продолжу расследование, значит, я ослушаюсь прямого приказа.

– Значит, сейчас мы... – начал Питерсон.

– Сейчас мы навещаем знакомого в Уэртинге, – перебила его Эрика.

– Нашего доброго приятеля Кита... – закончил Питерсон.

Эрика посмотрела на театр «Павильон», развалившийся, словно гигантский кусок формованного желе перед пристанью, которая за ним тянулась в море. На ее дальнем краю сидела нахохлившись стая чаек, зарывшихся головами в перья.

– А что, если устроить встречу Кита и Совы? – предложила Эрика.

– Где? И как мы его туда доставим? К тому же не исключено, что увидев его, она просто развернется и...

– Нет, Питерсон. Не Кит ее будет ждать, а мы. Вместе с половиной состава столичной полиции.

Глава 71

В тот же день Эрика сумела «взыскать долг» – за оказанную услугу – с Ли Грэма, одного ее давнего коллеги по столичной полиции, который теперь служил в полиции Суссекса. Замечательный молодой компьютерщик, хотя и немного нервный, по ее просьбе он приехал в Уэртинг и занялся компьютером Кита.

Спустя два часа Ли, Эрика, Питерсон и Кит сгрудились в крошечной гостиной Кита.

– Итак, теперь его компьютер... – начал Ли.

– Меня зовут Кит, – перебил его Кит, подозрительно глядя на Ли.

– Да, теперь компьютер Кита подсоединен к этим. – Ли дал Эрике два ноутбука. – Вы будете видеть все, что происходит, в реальном времени и при необходимости сможете сами вмешаться в разговор и что-нибудь напечатать. Собеседник Кита ни о чем не догадается.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика.

– Мой компьютер тоже будет постоянно включен, и я буду мониторить чат удаленно из своего офиса. Попробую установить местонахождение этой Совы, но если она использует сеть «Тор», это будет практически невозможно.

– Как вообще работает этот «Тор»? – спросил Питерсон.

– Допустим, вы используете Интернет стандартным способом, например, посылаете мне письмо по электронной почте. Оно идет от вашего компьютера на мой через сервер. И вы, и я с легкостью установим местонахождение наших компьютеров по IP-адресу. IP-адрес – это уникальная цепочка цифр, разделенных точками. Идентифицирует каждый компьютер с помощью интернет-протокола, обеспечивающего доставку пакетов данных от узла к узлу в сети. Программа «Тор», если она установлена на вашем компьютере, направляет интернет-трафик через бесплатную всемирную Сеть компьютеров добровольных участников. Таких компьютеров более 7 тысяч, и они действуют как ретрансляторы данных, что позволяет скрывать информацию о местонахождении пользователя и его работе в Интернете от любых органов, осуществляющих наблюдение за компьютерными сетями, и анализом трафика.

– Это называется луковой маршрутизацией, потому что «ретрансляторы» имеют очень много слоев, – добавил Кит.

– Верно, – подтвердил Ли. – Если на компьютере стоит «Тор», очень

трудно увязать пользователя с какой-либо его деятельностью в Интернете, будь то посещение сайтов, размещение постов, обмен мгновенными сообщениями или любые другие формы коммуникации.

– И эту программу «Тор» может загрузить любой? – спросила Эрика.

– Да. Ее можно бесплатно скачать из Интернета, – ответил Ли. – Что чертовски осложняет нам жизнь.

– Если нельзя отследить Сову, зачем тогда вы собираетесь подслушивать наши разговоры? – удивился Кит.

Эрика с Питерсоном переглянулись.

– Мы хотим, чтобы вы договорились с ней о встрече, – сказала Эрика.

– Я не могу с ней встретиться. Я не готов. Мне нужно настроиться!

– А вы и не будете с ней встречаться, – объяснила Эрика.

– Нет, нет, не могу... Простите. Нет.

– Сможете, – отчеканил Питерсон, кладя конец пререканиям.

– Вокзал Ватерлоо в Лондоне, – сказала Эрика.

– Как я вдруг вытащу ее на встречу ни с того ни с сего? – в панике вскричал Кит.

– Придумайте что-нибудь, – велел Питерсон.

– Я видел, вы сохранили всю вашу переписку с Совой, – сказал Ли. – Я скопировал ее на ваши ноутбуки, – сообщил он Эрике с Питерсоном.

– Но... это же личная переписка! – возмутился Кит.

– У нас с вами уговор. Помните? – заметила ему Эрика.

Кит нервно кивнул.

Когда все было устроено, Эрика и Питерсон пошли провожать Ли. На улице было все еще тепло и безветренно, откуда-то издалека, с пляжа, доносились визгливые голоса Панча и Джуди^[37].

– Я также скопировал себе его жесткий диск. Пороюсь в нем. Если найду что-то интересное для нас, дам знать, – сказал Ли, направляясь к своей машине, которую он припарковал у обочины. Ли открыл багажник и положил туда свою сумку. – Порой я жалею, что изобрели Интернет. Слишком много людей, у которых полно свободного времени, дают волю своим тошнотворным фантазиям.

– Так получается, что, каждый раз, встречаясь с тобой, я прошу тебя покопаться в каком-нибудь грязном деле, – посетовала Эрика. – Спасибо за помощь.

– Бог даст, следующий раз встретимся не по работе, – улыбнулся Ли.

Питерсон смотрел на них. Эрика покраснела, не зная, что сказать.

– Еще раз спасибо! – наконец произнесла она.

– Не за что. Надеюсь, это поможет вам поймать вашу прибабахнутую

извращенку. Я буду на связи. Войдете в сеть, увидите меня. – Ли сел в машину.

– Я не знал, что вы близко знакомы, – сказал Питерсон, вместе с Эрикой глядя вслед автомобилю Ли, катившему вдоль набережной.

– А вам-то что? – спросила Эрика.

– Да так, ничего, – пожал плечами Питерсон.

– Пойдемте-ка в дом. А то как бы Кит не кинул нас.

Глава 72

По дороге на работу Симона вся трепетала от возбуждения. На автобусе она доехала до Кингз-Кросс и теперь петляла по глухим переулкам за зданием вокзала, шагая к больнице имени королевы Анны. Она любила ночные смены, любила идти на работу, когда большинство людей возвращались домой. Она чувствовала себя как лосось, плывущий против течения. Работая по ночам, Симона забывала про бессонницу, про одиночество и страх, терзавшие ее дома.

На работе ее не мучили видения.

Вечер выдался бархатно-теплым. Ожидая на светофоре, Симона осознала, что ей не терпится увидеть Мэри. Старушка – истинный боец. Симона не сомневалась, что та еще жива. Она несла Мэри подарки: рамку для фотографии, на которой та была запечатлена с Джорджем, и щетку для волос. Она была уверена, что в ее отсутствие Мэри никто не расчесывал.

Длинный коридор, по которому Симона шла к палате Мэри, провонял отвратительно теплыми запахами мочи и грязных пеленок. Некоторые медсестры приветствовали ее кивками. Она кивала в ответ, обменивалась с ними любезностями. Многих удивило, что ее обычно хмурое лицо озаряет широкая улыбка.

Дойдя до палаты Мэри, Симона без стука открыла дверь и остолбенела, увидев, что у кровати Мэри, на ее стуле, сидит элегантная пожилая женщина с коротко стриженными, гладкими седыми волосами, в свежих белых брюках, черных лакированных туфлях-лодочках и шелковой цветастой блузке. Кровать Мэри была пуста, а сама она, опрятная, в модных брюках угольного цвета и жакете с рисунком в ломаную клетку, сидела в инвалидном кресле рядом с женщиной. Ее волосы были аккуратно перевязаны сзади красной лентой. Женщина, наклонившись, надевала на ноги Мэри новые туфли.

– Вы кто? – спросила Симона, глядя на них. Женщина надела туфлю на вторую ногу Мэри и выпрямилась. Она была очень высокой.

– Здравствуйте, сестра, – поздоровалась женщина с тягучим американским акцентом.

– Что здесь происходит? – сердито продолжала Симона. – Доктор знает, что вы здесь?

– Да, милая. Меня зовут Дороти Ван Ласт. Я – сестра Мэри. Приехала, чтобы забрать ее домой.

– Сестра? Я не знала, что у Мэри есть сестра. Вы же американка!

– А родилась я здесь, милая. Просто много лет не жила в Англии. – Дороти обвела взглядом мрачную больничную палату. – За это время, похоже, мало что изменилось.

– Но Мэри, – произнесла Симона, – ваше место здесь, с... с нами...

Мэри прочистила горло.

– Кто вы, дорогая? – спросила она, пытливая глядя в лицо Симоне. Ее слабый голос дрожал.

– Сестра Симона. Я ухаживала за вами.

– Ухаживали? Моя соседка сообщила сестре, что я здесь. И она прилетела из Бостона. Не знаю, что бы я делала, если бы она не приехала, – все тем же немощным голосом пролепетала Мэри.

– Но вы... моя... Я собиралась... – начала Симона, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– Доктор говорит, она *быстро* идет на поправку, – перебила ее Дороти. – Я останусь здесь, пока ей не станет лучше. – Она сняла с тормоза кресло Мэри и покатила его вокруг кровати.

– Но Мэри... – не сдавалась Симона.

Мэри пристально посмотрела на нее из кресла.

– Кто это? – спросила она сестру.

– Это сиделка, Мэри. Они все на одно лицо. Не обижайтесь, милая.

Дороти провезла кресло мимо Симоны и вытолкала его в коридор. Симона встала в дверях, глядя, как удаляется Мэри. Та даже не попыталась обернуться. Потом они завернули за угол и исчезли из вида.

Симона заперлась в одной из уборных для инвалидов. С минуту стояла там, сотрясаясь всем телом. Потом открыла свою сумку, вытащила рамку для фотографии, что купила в подарок Мэри, и принялась колотить ею по краю раковины, пока та не разбилась. Симона посмотрела на свое отражение в зеркале. В ней закипал гнев. Ее бросили. Снова бросили.

Глава 73

Эрика сняла два номера в гостинице «Морской бриз», вполне оправдывавшей свое название. Дешевая и светлая, она находилась недалеко от дома Кита. Номера располагались дверь в дверь. Маленькие и тесные, окнами они выходили на задний двор, забитый мусорными баками. Перекусив в гостиничном ресторане на нижнем этаже, Эрика с Питерсоном затем поднялись в ее номер и приготовились ждать.

Чтобы убить время до наступления ночи, они стали просматривать колоссальное количество сообщений, которые Ли перегрузил в их ноутбуки с компьютера Кита. В общем и целом они составляли четыре года регулярной переписки, и прочитать все от строчки до строчки было немыслимо. Эрика с Питерсоном рассортировали сообщения по годам, и переписку за каждый год перевели в документ *Word*. Потом в списке ключевых слов выбрали те, по которым можно найти особенно интересовавшие их темы обсуждений.

– Кошмар, – произнес Питерсон, сидевший на стуле у небольшого окна. – Я только что задал поиск на «самоубийство», и компьютер выдал мне горы страниц, на которых Кит пишет о желании покончить с собой и о том, как именно он намерен это сделать. Вот, послушайте: «Выключу свет во всей квартире и останусь в темноте в кои-то веки. Открою баллон с газом, надену на голову пакет и наполню его газом, чтобы заглушить панику. Затем туго затяну шнурок и буду глубоко вдыхать газ, пока не потеряю сознание. Уйду легко, без боли... просто засну вечным сном».

– Когда это было? – спросила Эрика.

– Три года назад, в первые недели их общения, – ответил Питерсон.

– Я задала поиск на «инвалидную коляску» и «инвалид», – доложила Эрика, работая на ноутбуке. – Эти слова лишь мельком упоминаются в сообщениях Совы: один раз она увидела инвалида на улице и пожалела его. Ну и еще одно косвенное упоминание. Он ей не признался.

Несколько минут они читали молча, потом Питерсон сообщил:

– Она рассказывает о том, как муж ошпарил ее кипятком. Примерно в тот же период. Он пытался ее изнасиловать. Она убежала и заперлась в ванной. Он вломился к ней туда с кастрюлей кипятка, заехал кулаком по лицу, потом засунул в ванну – она была в полубессознательном состоянии, – раздел и стал медленно лить кипяток на ее голое тело. Она говорит, что ожог был очень сильный, но к врачу она обратилась только

через неделю и то лишь потому, что раны начали гноиться.

– Она сказала, кто он? Назвала имя врача? – спросила Эрика.

– Нет, но говорит, что доктор не поверил, когда она сказала, что муж умышленно ее обжег.

Эрика в ужасе посмотрела на Питерсона.

– По ее словам, доктор решил, что препараты, которые она принимала при хронической бессоннице, вызвали у нее галлюцинации... Она прежде уже обращалась к нему с подобными ожогами, когда случайно наполнила ванну кипятком и залезла в нее. Муж уже раньше рассказывал врачу про ненормальные выходки жены, которые довели ее до психушки.

– Боже, – выдохнула Эрика. – Он поверил мужу, а не ей...

На улице стемнело, в открытое окно доносился тихий плеск прибоя.

– В прессе людей всегда называют чудовищами, и мы тоже оперируем этим словом, – сказала Эрика. – Но ведь чудовищами не рождаются. Крошечное дитя не может быть чудовищем. Человек появляется на свет добрым и хорошим. Это жизнь и обстоятельства превращают его в монстра.

Ноутбук Питерсона пикнул.

– Это Кит. Он начал переписываться с Совой.

Глава 74

Кит сидел за компьютером в своей крошечной гостиной. Включенные лампы, казалось, светили прямо на него, и он обливался потом, стекавшим с его жиденьких волос на черное сиденье из поливинилхлорида. Эрика с Питерсоном сидели на складных стульях у него за спиной.

– Я не знаю, что писать, – сказал он, оборачиваясь к ним.

– Немного поговорите с ней о том о сем, как обычно. Чтобы у нее не возникло подозрений, – посоветовала Эрика.

Кит кивнул, повернулся к компьютеру и принялся печатать.

ГЕРЦОГ: Привет, Сова. Как дела?

СОВА: Привет.

ГЕРЦОГ: Какие новости?

Минуты шли. Эрика расстегнула еще одну пуговку на блузке, несколько раз быстро оттянула на себе ткань, обдуваясь. Она посмотрела на Питерсона. Тот тоже блестел от пота.

– Можно выключить какие-то лампы? – спросил он, рукавом отирая мокрый лоб.

– Нет! – вскричал Кит. – Нет, я не люблю темноту. Сумрак. Лучше окно откройте, если хотите.

Питерсон прошел в маленькую кухню и распахнул окно над раковиной. Над ковролином вульгарной расцветки поплыл запах засорившейся канализации, зато стало прохладнее.

– Не отвечает, – сказал Кит, снова обращившись к Эрике и Питерсону.

– Это нормально? – спросил Питерсон, снова усаживаясь на складной стул.

– Не знаю... Обычно я общаюсь без свидетелей. Никто не дышит мне в затылок. А вдруг она догадалась?

– Нет, не догадалась, – заверила его Эрика. Они посидели в молчании еще несколько минут.

– Можно воспользоваться вашей ванной? – спросила Эрика. Кит кивнул и повернулся к экрану. Она вышла из гостиной в коридор. Сверху доносился монотонный гудеж музыки, сверкали лампы. Эрика закрылась в ванной.

Зависнув в полусидячей позе над грязным унитазом, она быстро справила нужду. Когда потянулась за туалетной бумагой, плечом больно

ударилась о длинный поручень. Она отпихнула его, и тот взлетел к потолку, словно некая причудливая гильотина, устремившаяся не вниз, а вверх. Эрика быстро доделала свои дела, вымыла руки. Ванная производила гнетущее впечатление, почти как больница. Ей пришлось опуститься на корточки, чтобы увидеть себя в зеркало. Лучше бы не смотрелась. Выглядела она изнуренной.

В гостиной, когда она вернулась туда, казалось, стало еще жарче от пылающих ламп. Питерсон рылся на полках с DVD-дисками.

– Печатает, – сообщил Кит, наклоняясь к экрану. Эрика с Питерсоном поспешили к его компьютеру.

СОВА: Извини, у меня варилось кое-что на плите.

ГЕРЦОГ: Что едим?

СОВА: Яйцо-пашот на тосте.

ГЕРЦОГ: Кайф! А мне тоже можно одно? И обязательно с коричневым соусом?

СОВА: Да, специально для тебя купила.

– Молодец, – похвалила Эрика. Сидя за спиной у Кита, они с Питерсоном следили за перепиской.

– Пожалуй, впервые наблюдаю, как серийный убийца жалуется на то, что у нее выдался неудачный день на работе, и объясняет, как она готовит яйца-пашот, – тихо сказал Питерсон. Подперев ладонью подбородок, он не отрывал глаз от монитора. – Который час?

– Полтретьего, – ответила Эрика, глянув на часы.

* * *

В половине шестого забрезжил рассвет, а разговор все еще продолжался. Двор за кухонным окном начал окрашиваться в голубоватый цвет.

Эрика пихнула локтем Питерсона. Тот, запрокинув голову, сумел заснуть на складном стуле. Он встрепенулся, протер глаза.

– По-моему, он наконец дошел до дела, – прошептала Эрика. Они приковались взглядами к экрану.

ГЕРЦОГ: Знаешь... давно хотел сказать тебе кое-что.

СОВА: Ну и?

ГЕРЦОГ: Я тут на днях к врачу ходил.

СОВА: Вот как?

ГЕРЦОГ: Ты ненавидишь докторов, я знаю.

СОВА: Терпеть не могу.

ГЕРЦОГ: Мой врач – женщина. Она нормальная.

СОВА: Ты изменяешь мне?

ГЕРЦОГ: Нет, что ты. Она сказала, у меня высокий холестерин. Очень устаю на работе... Нужно больше отдыхать, иначе...

СОВА: Иначе?

ГЕРЦОГ: Иначе сердце не выдержит. Я так перепугался. Задумался о жизни.

СОВА: Я думала, ты хочешь умереть. Поставить крест.

ГЕРЦОГ: Да, такое бывает. Но сейчас за окном солнце встает, а жизнь коротка... И я люблю тебя.

ГЕРЦОГ: В общем, я хотел предложить... я знаю, что прошу слишком многого. Может, давай встретимся? По-настоящему. Как нормальные люди.

Ответа долго не было.

– Ну все, я ее спугнул. – В утомленных глазах Кита появилась паника. – Но я пытался. Вы же видели. Всю ночь пытался!

– Успокойтесь. Смотрите, – сказала Эрика.

Кит повернулся к экрану.

СОВА: Ладно, давай.

– Боже, – выдохнул Кит, начиная быстро печатать.

ГЕРЦОГ: ЗДОРОВО!!!

СОВА: Только я не хочу, чтобы ты был разочарован.

ГЕРЦОГ: Никогда. Никогда. НИКОГДА!

СОВА: Где?

СОВА: И когда?

– Где? Что мне написать? – спросил Кит.

– Скажите, что хотите встретиться на вокзале Ватерлоо, в Лондоне, – ответила Эрика.

– Нет, сначала у нее спросите, предложите этот вариант, – добавил Питерсон. – А потом, если она согласится, договоритесь на сегодня, на пять вечера, под часами в здании вокзала.

Кит кивнул и снова застучал по клавиатуре:

ГЕРЦОГ: Может, на вокзале Ватерлоо в Лондоне?

СОВА: Хорошо. Когда?

ГЕРЦОГ: Завтра. Точнее уже сегодня. В пять, под часами.

СОВА: О'кей.

ГЕРЦОГ: Ураааа!!! Я так счастлив!!! Как я тебя узнаю?

СОВА: Не волнуйся.

СОВА: Узнаешь.

Сова вышла из чата. С минуту они сидели в молчании. Кит улыбался. Его мокрые волосы были взъерошены, от него разило потом.

* * *

– 17.00 – час пик на вокзале Ватерлоо, – заметил Питерсон. – Зря мы не сказали, чтобы он назначил встречу пораньше.

– Да, в это время поймать ее будет труднее, – согласилась Эрика. – Зато меньше пространства для маневра.

– Босс, вы должны поставить в известность Марша. Нужно ведь организовать наблюдение... Будем надеяться, что он санкционирует эту операцию.

– Да. – Эрика глянула на часы: без четверти шесть. – Пойдемте перекусим. Пусть Марш сначала проснется.

– Мне пора ехать. Через два часа заступаю на смену, – сообщил Питерсон.

– Конечно, – сказала Эрика. – Простите. Вы езжайте. Не хочу, чтобы у вас были неприятности. И... э... вас здесь не было. То есть в случае провала операции вас здесь не было. Ну, а если успех, то, разумеется, с вашим участием.

Глава 75

В 6.30 утра Эрика прощалась с Питерсоном на улице у дома Кита. К своему удивлению, она поняла, что ей грустно с ним расставаться. Когда такси затормозило у обочины, Питерсон неожиданно для Эрики крепко обнял ее.

– Всего на одну секундочку! – улыбнулся он. – А то от меня воняет!

– Да нет... разве что немного. От меня тоже, – улыбкой отвечала она ему.

Питерсон покачал головой.

– Держите меня в курсе, босс.

– Непременно, – пообещала Эрика. Питерсон скрестил пальцы, желая ей удачи, и сел в машину. Она проводила взглядом увозившее его такси.

Эрика перешла через дорогу и зашагала к морю. Занимался чудесный день: раннее утреннее солнце, воздух свежий, на пляже пустынно, не считая двух собачников, выгуливающих своих питомцев, и молодого парня, расставляющего шезлонги напрокат. Она села на берегу буквально в нескольких футах от воды, облизывающей гальку, сделала глубокий вдох и позвонила Маршу. Сначала на домашний телефон. Ответила Марси. Услышав голос Эрики, она не выразила особой радости. Любезностями обмениваться не стала – просто бросила трубку на стол и крикнула мужа, вероятно, находившегося на верхнем этаже. Эрика услышала топот его шагов, сбегających по лестнице. Он взял трубку.

– Эрика, надеюсь, вы на отдыхе и хотите уточнить мой адрес, чтобы прислать открытку? – произнес он.

– Что касается отдыха, сэр... Я сейчас не в Лондоне. В Уэртинге.

– В Уэртинге? Какого черта вас туда занесло?

Без лишних слов Эрика объяснила ему суть дела, сообщив, что она вышла на Ночного Охотника и организовала встречу с убийцей, которая должна состояться сегодня ближе к вечеру на вокзале Ватерлоо.

– Значит, вы опять нарушили мой приказ? – возмутился Марш.

– Это все, что вы можете сказать, сэр? Это же настоящий ПРОРЫВ. Да, я должна была поставить вас в известность, но вы знаете, что я следую своей интуиции. Теперь необходимо организовать наблюдение и как можно скорее. На вокзале и в районе вокзала. Я уверена, она явится на встречу, и мы должны быть там, чтобы ее задержать. У меня есть переписка, которую она вела с этим парнем, Китом Харди. Он входит в чат под прозвищем

Герцог. Она называет себя Совой.

– Где Мосс и Питерсон?

– Им дали новое предписание. Я здесь одна, сэр.

Марш надолго замолчал.

– Эрика, до чего же вы наивны. Ведете себя так, будто не существует никаких правил, никаких авторитетов.

– Но, сэр, я ведь вышла на след, на верный след. Сейчас вернусь в гостиницу и перешлю вам все – переписку, детали встречи. Мы затронули только верхушку айсберга. Этот парень, Кит... он общается с ней в Сети четыре года. У нас есть вся их переписка. Кстати, я полагаю, что она была пациенткой Грегори Манро. У нее был сильный ожог. Нужно проверить медицинскую документацию.

– Ладно, пришлите мне все это сразу же, как положите трубку.

– Непременно.

– И вот еще что, Эрика. Я настоятельно рекомендую вам использовать свой отпуск и подумать на досуге о своем положении в структуре полиции. Если увижу вас возле отделения, любого отделения, вы будете отстранены от работы. Сомневаюсь, что в четвертый раз вам удастся легко вернуть себе удостоверение! А если замечу вас возле вокзала Ватерлоо, вы не просто расстанетесь с удостоверением. Вас уволят со службы. Это ясно?

– Значит, вы намерены действовать, сэр?

– Я вам позвоню. – Марш повесил трубку.

Хоть он и ругался, Эрика услышала в его голосе возбуждение.

– Мы достанем тебя, Ночной Охотник. Достанем, – произнесла Эрика. Она сидела на берегу, смотрела на необъятную ширь горизонта и чувствовала, как в крови начинает гудеть адреналин.

Глава 76

– Не понимаю, зачем это надо, – негодовал Кит. Эрика, забравшись под компьютерную подставку, выдергивала провода и штепсельные вилки, которые, казалось, все были воткнуты в один удлинитель. Пыль, толстым слоем лежавшая на ковролине с узором из шестиугольников лимонно-зеленого, желтого и красного цветов, теперь поднялась в воздух и липла к ней с треском под воздействием статического электричества.

– Как можно совать все в одну розетку? Это же небезопасно, – пожурела Кита Эрика, выползая из-под подставки.

Кит, потянув на себя рычаг управления креслом, отъехал к книжным полкам, освобождая для Эрики место, чтобы она могла встать.

– Ерунда, – ответил он.

Часы над грязной кухонной плитой показывали три.

– Те часы точно идут? – спросила Эрика, вытаскивая мобильный телефон.

– Да. Что теперь? – поинтересовался Кит, глядя на Эрику сквозь мутные стекла очков. Внезапно он показался ей совершенно незащищенным.

– На встречу с Совой придет сотрудник полиции, задержит ее для допроса...

Эрика ответила честно, но в подробности не вдавалась. На основании переписки, которую она переслала Маршу по электронной почте, в срочном порядке была разработана операция по наблюдению на вокзале Ватерлоо с целью задержания Ночного Охотника в пять часов вечера. Эрика обводила взглядом тесную, ярко освещенную комнату, убеждая себя, что она тоже участвует в этой операции. И выполняет важную задачу: следит за тем, чтобы Кит не предупредил убийцу.

– Я спрашивал про себя: что будет со мной?

– Вы будете проходить по делу как свидетель. Не исключено, что вас арестуют за помощь и содействие преступнику, а также за сокрытие улик, но, учитывая ваши обстоятельства и тот факт, что вы готовы сотрудничать с полицией, вряд ли уголовный суд сочтет необходимым подвергать вас уголовному преследованию. При условии, что вы будете оказывать полное содействие следствию. И еще: мы решим ваши жилищные проблемы. Я хочу помочь вам хотя бы в этом.

– Спасибо, – поблагодарил Кит.

Несколько минут они сидели в тишине. Часы над грязной плитой

тикали.

– Вы, должно быть, бог весть что обо мне думаете? – предположил Кит.

– О вас я ничего не думаю. Я думаю о жертвах. И о том, как ее обезвредить, – ответила Эрика.

– Мой самый близкий друг оказался серийным убийцей. А я ведь люблю ее... Что это обо мне говорит?

Эрика наклонилась и взяла в свои ладони его маленькую ручку.

– На свете много людей, которых обманывают друзья, возлюбленные, супруги. Вы познакомились в соцсетях, где многие выдают себя за других. Они часто придумывают себе другую жизнь. Чтобы в них видели не тех, кто они есть на самом деле.

– В Сети я могу быть тем, кем хочу быть. Я не скован своей... – Кит поправил трубочку под носом и посмотрел на свое кресло. – Хотите посмотреть DVD? Я покажу вам свою любимую серию «Доктора Кто», ту, в которой Том Бейкер «регенерирует».

– Да, давайте, – согласилась Эрика. Ждать оставалось два часа, которые, она знала, будут тянуться как вечность.

Глава 77

На лондонском вокзале Ватерлоо, крупнейшем в Великобритании, оживление царит с раннего утра до позднего вечера. Из центрального зала длиной более восьмисот футов, с магазинами и ресторанами на верхнем этаже, выход на двадцать с лишним платформ. Ежегодно через его двери проходит более ста миллионов пассажиров.

Старший суперинтендант Марш вместе со старшим инспектором Спарксом находились в просторной аппаратной, которая представляла собой квадратное бетонное помещение без окон, расположенное высоко над вокзалом. Одну стену занимала панель с двадцатью восемью мониторами, показывавшими все входы и помещения вокзала. Тридцать пять сотрудников полиции – большинство в штатском – осуществляли наблюдение за выходами и патрулировали зал. У северного, южного и западного выходов дежурили микроавтобусы службы поддержки в сопровождении трех патрульных автомобилей каждый. Сотрудники транспортной полиции, некоторые с оружием, тоже патрулировали вокзал по периметру.

В 4.50 на вокзале началось столпотворение, словно сюда стеклись сразу все сто миллионов человек. Мраморный пол центрального зала исчез под толпами пассажиров. Они непрерывным потоком поднимались по эскалаторам со станции метро, шли через все четыре входа и выхода, слонялись под гигантским электронным табло, висевшим над выходом на двадцать две платформы, где яблоку негде было упасть, скапливались у магазинов, образовывали очереди в вытянутом кассовом зале напротив платформ.

– Это будет сущий кошмар, сэр, – произнес Спаркс, прислоняясь к стене с мониторами, по которым сотрудники «Лондонского транспорта» спокойно наблюдали за обстановкой на вокзале. На его изрытом оспинами лице блестел пот.

– Более глазастого места в Лондоне не сыскать. Как только она объявится, мы тут же ее возьмем, – сказал Марш, просматривая мониторы.

– Думаете, чутье не подвело Фостер, сэр?

– Это не чутье, Спаркс. Вы же видели материалы, которые она прислала.

– Видел. Но ни в одном сообщении эта женщина ни имени своего не назвала, ни описала свою внешность. В любом случае затраты будут

бешеные.

– Позвольте мне об этом побеспокоиться. А вы делайте свою работу, – сказал Марш.

К ним подошел молодой азиат.

– Меня зовут Танвир, – представился он. – Сегодня я здесь начальник смены. Вот эти четыре экрана будут охватывать вашу ключевую зону. – Словно по команде, на обозначенных мониторах высветился общий план центральной части зала с часами, под которыми стоял сержант Крейн в джинсах и светлом пиджаке. В руках он сжимал дешевый букет роз.

– Крейн, как слышите? – спросил Спаркс по рации. – Если слышите, коснитесь уха.

На изображении общего плана Крейн, казалось, стоял как стоял. Но на другом мониторе, показывавшем его крупным планом, было видно, что он чуть склонил набок голову к лацкану пиджака и свободной рукой трогает левое ухо.

– Я точно не выделяюсь из толпы? Я ведь здесь один в пиджаке – жара несусветная! – раздался из рации его голос.

– Все нормально, Крейн. Кит договорился встретиться с ней через полчаса. Это романтическое свидание. Естественно, он приоделся, – сказал Марш в рацию и добавил: – Зато не видно, что вы опутаны проводами. Так, а теперь хватит болтать... мы по рации будем держать вас в курсе.

– Который час? – спросил Крейн.

– Ну и ну, он же под часами стоит, – изумился Спаркс. Он взял рацию. – Сейчас четыре тридцать. Следующий раз захочешь узнать время, подними голову.

Марш обратился к Танвиру:

– Какая камера дает обзор бокового входа, ведущего от часов?

– Дайте на эти экраны камеру номер семнадцать, – велел Танвир женщине в наушниках, сидевшей за компьютером в углу комнаты. Появилось еще одно изображение Крейна, со спины, – с камеры над эскалатором за часами.

Марш снова взял рацию.

– Крейн, вы в поле нашего зрения со всех ракурсов. Сохраняйте спокойствие. Когда она появится, мы вас предупредим. Не подходите к ней слишком близко, если она придет раньше. Вас страхуют со всех сторон. Стоит ей сделать шаг, и мы будем на месте в считанные секунды.

– Который час? – снова нервно спросил Крейн.

– Он же под часами стоит, черт возьми, – пробормотал Спаркс.

– Четыре тридцать три, – ответил Марш. – Мы постоянно на связи.

Глава 78

Эрика присела на изгородь у мусорных баков и закурила. Кит не разрешил ей курить в квартире, а она сказала, что не оставит его одного, поэтому в качестве компромисса он выехал на порог.

– Не хотите прогуляться по бульвару – *проехаться*? – предложила Эрика. – Погода хорошая, солнечная.

– Я этого не люблю, выходить из дома, – отказался Кит. Он вытянул шею, подозрительно поглядывая на ясное голубое небо.

Попыхивая сигаретой, Эрика смотрела на спокойное море, поблескивавшее на солнце. На берегу группа детишек строила замки из песка под надзором родителей, отдыхавших в шезлонгах. Мимо покати́л розово-белый разрисованный туристический поезд, управляемый смурным машинистом, над головой которого позвякивал колокольчик. В вагончиках сидели дети, лакомящиеся мороженым и сахарной ватой. Проезжая мимо, они махали руками из-за мутных пластиковых окон.

Кит помахал им в ответ. Эрику его жест растрогал. Она посмотрела на часы: почти 4.50. Она проверила телефон: сигнал был уверенный, батарея – полная.

– Это как над чайником стоять, – заметил Кит. – Никогда не закипит.

Эрика уныло покачала головой и закурила другую сигарету. Ей хотелось кричать от досады, от того, что она так далеко от места проведения операции. Она подумала о Спарксе. Тот руководил следственной группой, отдавал распоряжения и праздновал победу.

Помимо досады, у нее было такое чувство, что ее ограбили.

Глава 79

Часы уже показывали 5.20, а к Крейну, все еще стоявшему под часами на вокзале Ватерлоо, так никто и не подошел.

Марш со Спарксом в аппаратной наблюдали, как толпа в центральном зале густеет. Стало трудно удерживать Крейна в поле зрения на мониторе с изображением крупного плана, поэтому они теперь следили за ним по камере, снимавшей общий план зала. Изображение с нее, увеличенное до гигантских размеров, выводилось на центральный экран.

– Крейн, ты как? Не сходи с места. Хоть пятками к полу прирасти, – приказал Спаркс по рации. На мониторе, показывающем общий план зала, они видели, что толпа затирает Крейна.

– Есть, сэр, – тихо ответил Крейн с паникой в голосе.

– Мы вас видим, Крейн, – сказал Марш по рации, посмотрев на мониторы. Вокруг вас шесть наших сотрудников в штатском, они подскочат к вам в считанные секунды. За спиной у вас в проходе еще двое вооруженных сотрудников транспортной полиции... Главное – сохраняйте спокойствие... Как и всякая женщина, она просто решила по старинке немного опоздать, – добавил он, пытаясь разрядить атмосферу.

– Да не появится она, черт возьми, – раздраженно рявкнул Спаркс. – Надо было дожимать Айзека Стронга, а не распылять ресурсы на непонятное свидание вслепую. – Марш глянул на него сурово, и он добавил: – Сэр.

И тут на большом мониторе они увидели, как толпа вокруг Крейна заколыхалась и стала напирать на группу женщин, что приближалась к нему. Одна из них упала, спровоцировав давку. Крейна толкнули, выбили букет из его руки.

– Что там у вас? – спросил Марш. – Крейн, отвечайте.

– Подождите, сэр, – отозвался Крейн, пытаясь устоять на ногах под натиском толпы.

– Смотрите, драка. Драка. Вот гадство. – Спаркс ткнул пальцем на монитор, показывающий эскалатор за часами. На нем появилась компания молодых парней в бейсболках, которые, крича и улюлюкая, ломились сквозь толпу, расступавшуюся перед ними, словно воды Красного моря. Двое парней, брюнет и блондин, затеяли драку. Мутузя друг друга, они повалились на пол. Брюнет кулаком заехал блондину по лицу, которое быстро превратилось в кровавое месиво. Толпа отхлынула от них во всех

направлениях. К драчунам прорывались сотрудники транспортной полиции с оружием в руках, что вызвало еще более громкий ор и суматоху.

Крейну удалось укрыться в дверях магазина *Marks&Spencer*. Из своего убежища он наблюдал, как полицейские, скопившись под часами, где он ждал убийцу, наводят там порядок. Обоих драчунов заковали в наручники, и полиция приступила к выполнению утомительной задачи оформления задержания.

– Что за хрень! – заорал в рацию Марш. – Уберите их оттуда к чертям собачьим. Они нам всю операцию завалят.

– Даже если она появится, к нему все равно не подойдет! Не настолько же она сумасшедшая! – воскликнул Спаркс.

– Крейн, вы меня слышите? – спросил Марш, не обращая внимания на Спаркса.

– Да, сэр. Жарковато там. – Крейн выступил из двери магазина *Marks&Spencer*.

– Мы по-прежнему видим вас, Крейн. Все нормально?

– Цветы выронил, – доложил он.

– Не волнуйтесь. Сейчас уберем наших, и вы вернетесь на свое место, – сказал Марш.

– А это что за черт? Миссис Швабра? – произнес Спаркс, глядя на монитор, на котором отображался участок под вокзальными часами. Пожилая морщинистая уборщица остановила свою тележку возле того места, где пол был забрызган кровью из носа блондина, и теперь со всей решимостью окунала грязную швабру в ведро с серой водой. Один из парней, которых допрашивали, начал что-то насмешливо кричать ей, но она, то ли не слыша, то ли не обращая внимания, с бесстрастным видом принялась возить шваброй по полу.

– Где Уоррен? – спросил Спаркс. Рация пикнула, и затем послышался голос констебля Уоррена:

– Слушаю, сэр.

– Ваша позиция?

– У книжного магазина *WHSmith* на противоположной стороне зала.

– Уберите эту старушенцию. И проследите, чтобы она не поставила оградительную желтую табличку под часами, – распорядился он.

– Так, стоп, стоп, – быстро произнес Марш. Он смотрел на монитор, на котором Крейн стоял в ожидании близ часов. К нему приближалась невысокая темноволосая женщина в элегантном черном пиджаке. Марш схватил рацию. – Черт! Внимание всем постам: к сержанту Крейну подходит темноволосая женщина. Повторяю: к сержанту Крейну подходит

темноволосая женщина. Готовность номер один.

– Подтверждаем: готовность номер один, – ответил голос по рации. Два больших экрана на стене показали Крейна с верхнего ракурса и под углом с другой стороны. Женщина что-то говорила ему, вопросительно глядя на него. Они побеседовали с минуту, потом Крейн сказал ей что-то в ответ, и она ушла.

– Крейн, докладывайте, что у вас? – потребовал Марш.

– Простите, босс, ложная тревога. Она предлагала оформить страховку на машину.

– Проклятье! – выругался Марш, хлопнув ладонью по одному из столов. – Черт! Спаркс, все равно допросите ее. Задержите, установите личность, узнайте все, что можно.

– Сдается мне, не удастся ей сегодня выполнить план, – сказал Спаркс, увидев, как женщину окружили три сотрудника полиции в штатском.

Глава 80

В половине седьмого вечера Эрика уже готова был лезть на стену в крошечной квартирке Кита. В сумке пикнул ее телефон, она достала его. Пришло сообщение от Марша:

МЫ СВОРАЧИВАЕМСЯ. ОНА НЕ ЯВИЛАСЬ. НУЖНО
ПОГОВОРИТЬ. ПОЗЖЕ ВЕЧЕРОМ ПОЗВОНЮ.

– Что там? – спросил Кит, в смятении глядя на Эрику, опустившую голову в ладони.

– Не пришла... – ответила Эрика. – Вам она ничего не написала? В чате сообщений не оставила?

Кит покачал головой.

– Точно?

– Да, точно. Вы же видите, компьютер включен...

Эрика ощущала в груди ужасающую тяжесть, словно огромное ядро тянуло ее вниз. Она потеряла потное лицо.

– Кит, давайте погасим хотя бы часть ламп. Здесь невыносимо...

– Нет! Простите, не могу. Я же объяснял, я не люблю темноту...

Эрика посмотрела на часы. Она чувствовала себя опустошенной.

– Что теперь? – спросил Кит.

– Буду ждать звонка от своего начальника... Он сказал, что позже свяжется со мной...

– А со мной что будет?

– М-м-м, не знаю. Но наш уговор остается в силе. – Эрика посмотрела на Кита, утопавшего в огромном инвалидном кресле. Недавно она помогла ему сменить кислородный баллон.

Она приняла решение.

– Мне нужно отойти на часок... Вам можно доверять? Ваш компьютер по-прежнему мониторят. Полагаю, вы не сбежите?

– А вы как думаете?

– Хорошо. Вот номер моего мобильного. – Она начеркала свой телефон на листке бумаги. – Пойду подышу свежим воздухом... Вам принести что-нибудь поесть? Ну, не знаю... Картошку будете?

Кит просиял.

– Колбасу в кляре, картошку и гороховое пюре, пожалуйста. Это лучше

всего готовят в кафе напротив пристани. Моя сиделка там всегда покупает.

* * *

Эрика вышла на бульвар. Было прохладно. Солнце опускалось в море, дул прибрежный бриз. Она еще раз прочитала сообщение Марша и попыталась позвонить ему. Ее вызов был отклонен, включился автоответчик.

– Черт, – пробормотала Эрика. Она зашагала к бару, который заметила на бульваре. Фасадные окна были распахнуты, зал заполняли шумные краснолицые пожилые мужчины и пьяные женщины. Из акустической системы гремела «Макарена». Эрика протолкалась к стойке бара и заказала большой бокал вина. Барменша, сбиваясь с ног, быстро ее обслужила, со стуком поставив бокал на стойку перед Эрикой.

– Можно взять это с собой на улицу? – спросила она. Девушка закатила глаза и, не отвечая, перелила вино в пластиковый стакан емкостью в одну пинту.

– И лед, пожалуйста, – попросила Эрика.

Она взяла вино, купила в торговом автомате сигареты и спустилась на пляж. Был отлив, и вода ушла довольно далеко от берега. Эрика села на гальку, глядя на широкую полосу обнажившегося мокрого песка. Когда закуривала сигарету, зазвонил ее телефон. Сунув стакан с вином в гальку, она ответила. И вытаращила глаза, услышав голос на другом конце линии.

Глава 81

Солнце опустилось за горизонт, по улице гулял прохладный ветерок. Симона быстро шла по тротуару, тянувшемуся вдоль стоявших в ряд стандартных домиков. На спине она несла небольшой рюкзак, одета была в свой черный спортивный костюм.

Несколько уличных фонарей были разбиты. Проходя под теми, что отбрасывали дугу оранжевого света, Симона ускоряла шаг и, лишь снова оказавшись в сумраке, вздыхала свободнее. Она нервничала. Был ранний вечер, в домах, что стояли вдоль улицы, казалось, жизнь бьет ключом. Светились окна, играла музыка. В одном окне верхнего этажа, где шторы были раздвинуты, а с потолка свисала голая лампочка, кто-то громко скандалил.

Симона увидела, что навстречу ей приближается мужчина, и опустила голову. Высокий и худой, мужчина шел очень быстро. У нее участился пульс и, очевидно, поднялось давление. Мужчина буквально летел прямо на нее. У нее даже шрам стал пульсировать, будто налившись кровью. И лишь когда мужчина был совсем рядом, она увидела, что на нем спортивный костюм. Он протрусил мимо, даже не глянув в ее сторону; из его наушников доносилось оловянное треньканье музыки. Она поняла, что должна успокоиться, взять себя в руки.

Симона знала номер дома, который она искала, но ей не приходилось напрягать зрение, чтобы рассмотреть цифры на кирпичных стенах. Номера были написаны яркой краской на мусорных баках, стоявших в палисадах с бетонированным покрытием.

Отсчитывая номера в обратном порядке, она не испытывала знакомого возбуждения – не чувствовала ни гнева, ни волнения.

Вот он, нужный ей дом. Она подошла к окну, глубоко вздохнула и положила маленькие ладони на карниз. Потом огляделась и, подтянувшись, залезла в дом.

Глава 82

– Эрика! Я родила. Они ошиблись: это девочка! – кричала в трубку Ленка, тяжело дыша, как будто от изнеможения. Эрика не сразу сообразила, что ей звонит сестра.

– Ленка! Вот здорово! Как же так? Я думала, тебе еще две недели ходить?

– Ну да. Марек повел меня обедать в ресторан, и, только мы заказали, у меня отошли воды. Ты же знаешь, какой он – настоял, чтобы нам упаковали заказ, но все произошло так быстро... Начались схватки, и, когда в больницу приехали, даже обезболивания не потребовалось: она сразу выскочила.

– Как назвали?

– Эрикой, в честь тебя. Ну, и в честь мамы, разумеется, – ответила Ленка.

Эрика почувствовала, как ее переполняют эмоции, и испачканной в песке рукой отерла лицо.

– Ой, Ленка! Какая же ты умница! Спасибо. – Эрику душили слезы и захлестывало изнеможение.

– Жаль, что мамы нет рядом, и тебя, конечно, – сказала сестра, тоже со слезами в голосе.

– Да у меня тут небольшая запарка...

В трубке послышался шорох, потом телефон взял зять Эрики, Марек. Она поболтала с ним несколько минут. Ее поражала абсурдность ситуации: сама она сидела на темном берегу, а за сотни миль отсюда ее родные праздновали. Ленка снова взяла трубку и сказала, что ей нужно идти.

– Клянусь, как только закончу это дело, сразу приеду посмотреть на малышку, – пообещала Эрика.

– Ты всегда так говоришь! Не затягивай, – устало произнесла Ленка. Послышался плач младенца, и в трубке зазвучали гудки.

Эрика долго сидела на берегу – курила и пила вино, за здоровье сестры и племянницы. Небо темнело, и настроение у Эрики портилось. Она была тетей, и, хоть с сестрой они не были близки, она была счастлива за Ленку. Счастлива и в то же время расстроена, что жизнь развела их в разные стороны.

Лишь холодный ветер и мысль о том, что Кит ждет ее в квартире, заставили Эрику подняться с остывшей земли.

Идя вдоль берега, она смотрела на дома и гостиницы, тянувшиеся до самого конца бульвара, где стоял ее отель. Она поднялась с пляжа по лестнице и остановилась перед домом, где жил Кит. Из озаренных окон верхнего этажа доносились брэнчание ситара и запах марихуаны, однако в окнах Кита было темно. Эрика уже хотела постучать в дверь, но вдруг отдернула руку. Кит никогда не выключал свет. Он боялся темноты.

Эрика сошла с дорожки, что вела ко входу, на бетонированное покрытие палисада, где стояли мусорные баки, и приблизилась к эркерному окну. Оно было открыто. Она стала всматриваться в темноту, из которой выплывали запахи сырости и моющих средств.

Эрика приняла решение. Она подтянулась на карнизе и залезла в окно.

Глава 83

Эрика стояла в темной спальне Кита и прислушивалась. Здесь было душно и пыльно. Она пыталась отвлечься от приглушенной музыки, доносившейся из квартиры этажом выше, но все равно не различала шумов за дверью спальни. Крадучись, она двинулась мимо темной громады медицинской кровати Кита и ступила в коридор, куда через стекло входной двери сочился свет. Эрика на цыпочках пошла по коридору, стараясь оставаться в тени. Минувя вторую спальню, в открытую дверь увидела две инвалидные коляски – пустые, застывшие. Две большие инвалидные коляски, неясно вырисовывавшиеся в темноте.

Музыка на мгновение смолкла, и в тишине Эрика напрягла слух. Монотонный немелодичный ритм возобновился. Не теряя бдительности, она прокралась мимо распахнутой настежь двери ванной. С набережной в крошечное окошко над раковиной лился мглистый свет, помогая ее глазам привыкнуть к темноте.

В биение музыки врезались посторонние шумы: сопение и треск. В конце коридора Эрика осторожно приблизилась к двери с непрозрачным рифленным стеклом, вытащила свой мобильный телефон и, включив встроенный в него фонарик, свернула в гостиную.

И едва не вскрикнула. В середине комнаты стояла женщина. Невысокая, с призрачно бледной кожей и неровно подстриженными короткими жесткими черными волосами. Ее черные глаза мгновенно сузились до размера булавочной головки, когда Эрика навела на нее луч фонаря. Рядом с женщиной она увидела обмякшего в кресле Кита с безвольно раскинутыми руками. На голове у него был полиэтиленовый пакет, до того туго натянутый, что толстые линзы его очков буквально вдавились в глазницы.

– Вы кто?

– Меня зовут Симона. – Женщина шмыгнула носом, вытирая выкатившуюся из глаза слезу. – Я не хотела его убивать.

– Боже, – дрожащим голосом выдохнула Эрика. Она отвела луч фонаря от тела Кита и нацелила его прямо в лицо Симоны, пытаясь ослепить ее, чтобы выиграть время. Но Симона оказалась проворнее, и Эрика вдруг оказалась прижатой спиной к стене с приставленным к горлу ножом.

– Давай сюда телефон, – спокойно сказала Симона до странного высоким голосом. Эрика ощущала прикосновение холодного металла,

карябавшего кожу на шее. – Ты видела, на что я способна. Я не блефую.

Эрика медленно протянула руку, отдавая телефон. Ей стоило больших усилий, чтобы не закрыть глаза. Симона была мала ростом, но смотрела на нее с леденящей жестокостью. Свободной рукой она быстро выключила фонарь. Эрика услышала, как батарея с глухим стуком упала на пол. В темноте зрачки Симоны расширились, как у наркоманки. Она бросила телефон, Эрика услышала, как аппарат захрустел под ее ногой.

– Зачем ты явилась сюда, Эрика Фостер? Я собиралась сделать это и исчезнуть с лица земли. Больше вы обо мне никогда бы не слышали.

Эрика обвела взглядом комнату.

– Нет, нет, нет, в глаза мне смотри, – потребовала Симона. – Сейчас мы пройдем туда, – добавила она, кивком показывая на обмякшего в кресле неподвижного Кита. Симона чуть ослабила хватку, но нож по-прежнему держала у горла Эрики. Они пошли, вихляя из стороны в стороны, словно исполняли некий причудливый танец. Наконец Эрика поравнялась с инвалидным креслом.

– Так, теперь я отступлю на шаг, но не вздумай выкинуть что-нибудь – порежу. Полосну по глазам и по горлу. Это ясно?

– Да, – выдавила из себя Эрика. Покрываясь испариной, она ощутила смердящий дух, исходивший от Кита – запах пота, к которому примешивалась вонь испражнений. Симона отошла к дверному проему и включила свет. Стало светло как днем. Вернувшись к Эрике, она нацелила острие ножа на Эрику и приказала:

– Снимай пакет с его головы.

– Что?

– Что слышала. Снимай. – Она двинулась на Эрику с ножом, от лезвия которого отражался свет.

– Хорошо, хорошо, – произнесла Эрика, поднимая руки. Медленно она стянула пакет с головы Кита. Шея у него была все еще мокрая от пота, и на мгновение ей подумалось, что он жив. Однако лицо его уже распухло и посинело.

– Живей давай, – сказала Симона. Эрика принялась развязывать шнурок. Распутывая его, она паниковала, потому что узел, казалось, затягивается еще туже. Наконец, ей удалось расслабить его и растянуть шнурок. Голова Кита дернулась вверх, и Эрика стала осторожно снимать с его головы пакет, издавший чмокающий звук. Вместе с пакетом она прихватила и его очки, которые соскользнули вверх с его носа, затем пробороздили его лоб. Голова Кита откинулась на спинку кресла. Симона внезапно подскочила к Эрике, и она отпрянула, отведя в сторону руку с

пакетом, который она успела сдернуть с Кита.

– Возьми очки, надень на него, – велела Симона. Эрика повиновалась, бережно надев очки на нос Кита и дужки заправив ему за уши.

– За что вы его убили? – спросила Эрика.

– Он должен был умереть. Он ведь меня вычислил. И вам сообщил.

– Он ничего не сообщал. Я сама вас вычислила.

– Он захотел встретиться. А прежде никогда не настаивал на встрече. Я пыталась его выманить, но он упорно отказывался. Вот я и подумала, что ты, видимо, сообразила, как выйти на меня. Паранойя меня не подвела... А отношения между людьми не должна омрачать паранойя, – закончила она, посмотрев на Кита.

– Он вас любил, – сказала Эрика, переводя взгляд с тела Кита на Симону.

– Ага, это как раз то, что мне нужно, любовь мужчины. – Симона скривила рот в саркастической усмешке.

– Что плохого в том, чтобы быть любимой? – спросила Эрика, судорожно соображая. Она пыталась определить, каков будет следующий шаг убийцы, и до тех пор стремилась ее разговорить.

– От тех, кто должен любить тебя, ответной любви сроду не дождешься! – фыркнула Симона. – От матерей. От мужей. От тех, кому доверяешь. Они не оправдывают твоих надежд! И стоит кому-то одному обмануть тебя, начинается цепная реакция по принципу домино... Ты становишься уязвимой, тебя используют, давят на слабые места.

– Мне очень жаль, – произнесла Эрика, видя, что Симона распаляется все сильнее.

– Да ни черта тебе не жаль. Но ты, должно быть, меня понимаешь, да? Вспомни, как изменилось к тебе отношение окружающих после смерти мужа. Они увидели твою слабость. Одни от тебя отвернулись, другие стали использовать в своих интересах.

– Симона... я понимаю.

– Серьезно?

– Да.

– Ну... тогда ты понимаешь и то, почему я на это решилась. Почему убила врача, который не поверил мне, когда меня терзали боль и ужас; писателя, который своим извращенным умом изобретал новые оригинальные способы истязаний, вдохновлявшие моего мучителя; журналиста, из-за которого меня отняли у матери, когда мне было девять лет...

– Джека Харта?

– Джека Харта. Несмотря на свою говорящую фамилию^[38], сердца у него нет! Его я убивала с особым удовольствием. Он строил свою карьеру на несчастьях других, зарабатывал деньги на чужих слезах и горе. Он считал себя героем, написав о моей матери... о моем тяжелом детстве... Но я умела выживать рядом с ней, потому что в глубине души она меня любила, любила... И когда жизнь становилась по-настоящему невыносимой, я цеплялась за ту любовь... Больше я ее никогда не видела, меня поместили в детский приют! А знаешь, что бывает с детьми, когда они попадают в такие учреждения?

– Могу себе представить, – ответила Эрика, вновь отпрянув, поскольку Симона истерично рассекла воздух острием ножа.

– НЕТ, не можешь!

Эрика прижала ладони к лицу.

– Простите, и вправду не могу. Прошу вас, Симона. Все кончено, позвольте помочь вам.

– По-твоему, *мне* нужна помощь, да? Я вполне здоровый нормальный человек! Просто перестала жрать все то дерьмо, что мне швыряли! Я же не родилась такой! Я была чиста и невинна, но меня той невинности безжалостно лишили!

– Успокойтесь. – Эрика выставила вперед ладони, пытаясь защититься от ножа Симоны, которым та размахивала почти перед самым ее носом.

– Ну же, будь честной, Эрика. Разве ты отказалась бы от возможности уничтожить всех тех мужчин, которые стали архитекторами твоего будущего? Мужчин, которые испортили тебе жизнь? Джерома Гудмэна, например? Наркоторговца, который убил твоего мужа и твоих друзей? Посмотри мне в глаза и скажи, что ты не поступила бы так же, как я. Взяла бы дело в свои руки и отомстила!

Эрика судорожно вздохнула. Она почувствовала, как пот, стекая со лба, разъедает глаза.

– Скажи! Скажи, что ты поступила бы так же!

– Да, я поступила бы так же. – Эрика признавала, что говорит это в угоду Симоне, чтобы остаться в живых, но признавала и то, что отчасти понимает Симону, и это потрясло ее до глубины души. Она заскользила взглядом по комнате, пытаясь придумать, как ей вырваться.

– Не отводи глаза! – заорала Симона.

– Простите, – извинилась Эрика, изо всех стараясь не утратить способность мыслить здраво. Она понимала, что находится на волосок от смерти. – Симона, я знаю, что он обварил вас кипятком. Ваш муж. И я пытаюсь понять вашу боль, ваш гнев. Помогите мне понять больше.

Покажите, что он сделал с вами.

Симона задрожала, по щекам ее потекли слезы.

– Он изувечил меня. Изувечил мое тело. – Она схватила нижний край футболки и задрала ее. Эрика охнула, увидев ядреный закручивавшийся шрам во весь живот и грудную клетку Симоны. То место, где некогда был пупок, стягивала лоснящаяся кожа.

– Я так вам сочувствую, Симона, – произнесла Эрика. – Я вас так понимаю. Смотрите... Смотрите: вы такая храбрая, мужественная женщина.

– Да, я храбрая... – всхлипывала Симона.

– Да, вы храбрая. И вы с гордостью показываете свои шрамы, – сказала Эрика.

Симона выше задрала футболку, и в ту же секунду, как ткань поднялась к ее лицу, Эрика отклонилась назад и ногой ударила Симону в обезображенный живот. Симона согнулась, вскрикнув от боли. Эрика метнулась к выходу, но Симона быстро оправилась и вцепилась в нее. Они врезались в дверь с непрозрачным стеклом. Эрика брыкалась, отбивалась. Ей удалось оторваться от Симоны и добежать до середины коридора, где та снова ее нагнала.

– Ах ты дрянь! – заорала Симона, бросаясь на Эрику. Они упали на бетонный пол в дверях ванной. Эрика перевернулась на спину, и Симона, нависнув над ней, ударила ее кулаком в лицо. Потом еще раз. Из глаз Эрики посыпались искры, она начала терять сознание.

– Лживая тварь, – прошипела Симона. Эрика почувствовала, как ее поволокли по холодному полу ванной и потом подтянули вверх, усадив спиной к холодному фаянсу унитаза. Она увидела над собой маленькое личико Симоны с заостренными чертами лица, а в следующее мгновение глаза затмила пелена: у нее на голове оказался полиэтиленовый пакет. Тот самый пакет, с помощью которого Симона убила Кита.

Эрика услышала, как полиэтилен затрещал от ее дыхания, в ушах у нее зашумела кровь, и затем почувствовала, как на шее у нее затягивается шнурок. Симона сидела на крышке унитаза и, обеими ногами зажимая Эрику, так что та не могла пошевелить руками и подняться с пола, продолжала затягивать шнурок. Эрика давилась, разевала рот, а пакет вокруг ее головы раздувался.

– Ты сдохнешь здесь, а я уйду. И ты останешься тут гнить одинешенька, – шипела Симона, крепко держа Эрику.

Эрика беспомощно била руками по полу. Ладонью она задела стену за унитазом. А потом коснулась полоски толстой ткани, колыхавшейся над

плинтусом. Та крепилась к длинному откидывающемуся поручню. Эрика скреблась пальцами о ткань и наконец сумела ее ухватить. В глазах быстро темнело. Почувствовав прилив адреналина, она рванулась вперед, стащив Симону с унитаза, и одновременно дернула вниз за полоску ткани. Огромный поручень резко опустился, ударив Симону по голове.

Выпустив Эрику, Симона рухнула на пол. Эрика схватилась за шнурок на шее, растянула его и, исступленно царапая по полиэтилену, наконец сумела стянуть пакет с головы. Глотая столь желанный свежий воздух, она дернула за красный шнур у унитаза, и раздался сигнал тревоги.

Симона, лежавшая ничком на полу ванной, зашевелилась и застонала. Эрика еще раз дернула за красный шнур, и он оторвался. Она села на ноги Симоны, прижала ее руки за спиной и стала связывать их красным шнуром.

– Симона, вы арестованы, – с трудом произнесла Эрика, тяжело дыша, – за убийство Грегори Манро, Джека Харта, Стивена Линли и Кита Харди... А также за попытку убийства полицейского. Вы имеете право хранить молчание, но вы можете повредить доводам защиты в вашу пользу, если во время допроса утаите факты, которые впоследствии могут быть использованы вами в суде. Все ваши показания могут быть представлены в суде в качестве доказательств.

Эрика откинулась назад, по-прежнему сидя на ногах Симоны и крепко держа ее связанные руки. Лицо ее все еще горело от ударов Симоны. Дыхание постепенно выравнивалось. Вдали послышался вой сирен полицейских машин.

Глава 84

Ранним утром моросил дождь, небо было серое. Мосс, Питерсон и Эрика стояли у стеклянных дверей, выходивших во внутренний дворик, и пили кофе с круассанами.

Вокруг на полу валялись газеты.

– Вот вам настоящее британское лето: торчим в помещении, смотрим на дождь и делаем вид, что нам весело, – сказала Мосс. Впервые с момента ареста Симоны, задержанной четыре дня назад, они с Питерсоном встретились с Эрикой. – Насчет «весело» я пошутила, – добавила она.

– Спасибо за угощение, – поблагодарила Эрика, поднимая стакан с кофе.

– Слава богу, вы целы и невредимы. – Питерсон чокнулся с ней.

– Разве что побили немного. Но бывало и хуже, – сказала Эрика.

– Да, фингал у вас славный, – заметила Мосс, взглянув на большой лиловый синяк, украшавший глаз и щеку Эрики.

– Никогда еще я не испытывала столь двойственных, противоречивых чувств в отношении убийцы, – призналась Эрика. – Когда ее понесли на носилках, она стала звать меня... Ее глаза наполнились страхом. Она умоляла, чтобы я села с ней в «скорую» и держала ее за руку. И я чуть не согласилась. Безумие...

Они потягивали кофе.

– И хорошо, что не сели, босс, – сказала Мосс. – Помните, что случилось в конце «Молчания ягнят»? С теми, кто сел в «скорую» вместе с Ганнибалом Лектером?

Питерсон многозначительно посмотрел на нее.

– Что? Я просто пытаюсь поднять нам всем настроение, – объяснила Мосс.

Эрика улыбнулась.

– Теперь все словно на спор придумывают прозвища для Симоны Мэтьюз, – сказал Питерсон, хватая с полу одну из газет. – «Ангел Смерти»... «Ночной Охотник»... «Сова».

– Да какой же она ангел, – фыркнула Мосс, глотнув кофе.

– *The Sun* поместила ее фото в халате медсестры. – Питерсон показал фотографию, на которой Симона позировала с группой медсестер в кухне для персонала. Медсестры в первом ряду держали огромный чек на триста фунтов – деньги, собранные по призыву телепрограммы «Дети в

нужде»^[39]. Симона с широкой улыбкой на лице стояла слева, держась за чек. – Руководители национальной системы здравоохранения в панике, подозревают, что она и пациентов убивала. Опасаются судебных исков.

– Пациентов – это вряд ли, – возразила Эрика. – Она преследовала тех, кто, по ее мнению, заслуживал смерти. – Эрика взяла *Daily Express* и пробежала глазами публикацию, которая ее особенно взволновала. В ней приводилась статья Джека Харта о матери Симоны и излагались подробности преступлений, совершенных самой Симоной.

Симона выросла в Кэтфорде, жила с матерью в обшарпанной квартире на верхнем этаже. Ее мать, тоже Симона, была проституткой и наркоманкой. Обеспокоенные соседи несколько раз звонили в полицию. Те наконец приехали, вскрыли квартиру и увидели, что мать Симоны привязала дочь к радиатору в ванной. Вместе с сотрудниками полиции на место происшествия прибыл Джек Харт. На снимке, который потряс Эрику, была запечатлена маленькая, осунувшаяся, босая девочка, одетая в нечто, напоминавшее грязную наволочку. Одна ее тонкая ручонка была привязана к засаленной пожелтевшей батарее. Огромные глаза растерянно смотрят в объектив.

– У нее не было шансов, да? А она просто хотела быть любимой... И любить.

– Ой, босс, не надо, а то расплачусь. – Мосс взяла Эрику за руку. Питерсон полез в карман, достал из него пачку салфеток, протянул Эрике.

– У вас всегда с собой салфетки, – заметила Эрика, вытирая глаза.

– Он специально их носит, чтобы был повод подкатить к слезливым женщинам, – рассудила Мосс.

Питерсон широко улыбнулся, закатив глаза.

– Но вообще-то, – произнесла Эрика, вновь обретая хладнокровие, – не так уж все и плохо. Вы взяли Гэри Уилмслоу...

– Я его не брал. В это время я находился в аппаратной, – возразил Питерсон. – Вооруженная полиция ворвалась в их логово в Бектоне и арестовала Уилмслоу вместе с шестью его сообщниками, которые готовили к отправке жесткие диски с фото и видео, а также двенадцать тысяч DVD-дисков детского порно четвертого уровня.

– Думаешь, удастся их посадить? – спросила Мосс.

– Надеюсь, – отвечал Питерсон.

– А как поживает Пенни Манро? – спросила Эрика.

– Ей наверняка тяжело. Сначала муж и все это, потом братец, – сказал Питерсон.

– А маленький Питер? Как это отразится на его будущем? –

размышляла Эрика. Они снова посмотрели на фотографии юной и взрослой Симоны.

Мосс глянула на часы.

– Вообще-то нам пора. А то опоздаем на совещание, – улыбнулась она.

– Марш не намекнул, зачем нас всех собирают?

– Нет. Наверно, объявит окончательные результаты по делу Симоны Мэтьюз, – предположила Эрика.

– Сдается мне, там будет еще кое-что, – сказал Питерсон. – Думаю, вас ждет похвала от могущественных и великих!

* * *

Когда они прибыли в отделение полиции Луишем-Роу, их пригласили в оперативный отдел. Там было полно народу. Только Эрика, Мосс и Питерсон успели поздороваться кое с кем из коллег и найти местечко в задней части комнаты, появились Спаркс и Марш. Последним вошел помощник комиссара Оукли в сопровождении трех сотрудников полиции, которые несли бутылки с безалкогольными напитками и пластиковые стаканчики.

– ПРОШУ внимания! – крикнул Оукли. Внешне безукоризненный, в отутюженной форме, с аккуратно уложенными волосами, он стоял перед собравшимися, держа у груди форменную фуражку. Демонстрационные доски у него за спиной были пусты. Комната затихла. – Для столичной полиции эта неделя выдалась крайне напряженной. Вчера утром сотрудники полиции, задействованные в операции «Хемслоу», обезвредили одну из крупнейших в Великобритании сетей распространителей детской порнографии. Были изъяты более шестидесяти семи тысяч фотографий и двенадцать тысяч DVD-дисков, на которых запечатлены дети, подвергающиеся сексуальному насилию. Также были арестованы Гэри Уилмслоу и шестеро его сообщников, за которыми полиция следила более года.

Раздались радостные восклицания и аплодисменты. Мосс, улыбаясь, хлопнула Питерсона по спине.

– Но это еще не все! – сказал Оукли. – Благодаря стараниям команды старшего инспектора Спаркса, работавшей в тесном взаимодействии с подразделением старшего суперинтенданта Марша, мы поймали Ночного Охотника! Это Симона Мэтьюз, она арестована за убийство Грегори Манро, Джека Харта, Стивена Линли и Кита Харди.

Снова раздались аплодисменты. Эрика перехватила взгляд Марша. Он наклонился к Оукли, что-то сказал ему, и тот добавил:

– И конечно, мы очень признательны старшему инспектору Эрике

Фостер, которая оказалась в нужном месте в нужное время – точнее, там, где ей не положено было находиться! Мы надеемся, что вы окончательно поправитесь. – Он бросил мутный взгляд в ее сторону. Присутствовавшие на собрании начали оборачиваться к Эрике, но Оукли уже продолжал:

– И наконец, я рад сообщить, что в свете этих блестящих успехов несколько наших сотрудников получают повышение по службе. Во-первых, я хочу представить вам нашего нового командера. Командер Пол Марш!

Взрыв аплодисментов. Марш, изображая смущение, пробормотал слова благодарности.

Оукли снова выступил вперед.

– Я также с радостью сообщаю о повышении по службе еще одного нашего сотрудника. Принимая во внимание его многочисленные успехи – при расследовании данного дела и других преступлений – старший инспектор Спаркс назначен суперинтендантом.

Оукли захлопал первым, подавая пример остальным. Спаркс, с сияющей улыбкой на лице, выступил вперед и в шутливой манере отвесил низкий поклон. Кто-то сунул в руку Эрике пластиковый стакан. Она посмотрела на Мосс и Питерсона. В их лицах читалось смятение.

– Предлагаю тост. За успехи, – провозгласил Оукли.

– За успехи, – повторили все в комнате, поднимая пластиковые стаканы.

– А теперь, пожалуйста, ешьте, пейте, веселитесь! – крикнул Оукли.

Народ засвистел, захлопал в ладоши, но Эрика не присоединилась ко всеобщему ликованию. Охваченная яростью, она протолкнулась сквозь толпу к Маршу и сердито обратилась к нему:

– Сэр, можно вас на пару слов?

– Эрика, а попозже нельзя? – спросил Марш.

– Нельзя, – громко ответила она. Оукли и Спаркс отвлеклись от разговора и посмотрели на нее. Спаркс поднял стакан, приветствуя ее с глумливой усмешкой.

* * *

Марш последовал за Эрикой из оперативного отдела, они зашли в соседний кабинет, где никого не было.

– Это что за фигня?

– Вы о чем?

– Ведь это я выследила Симону Мэтьюз. Я сама выполнила всю работу по этому делу. А старшего инспектора Спаркса – ох, простите, суперинтенданта Спаркса, – позвольте вам напомнить, не так давно отстранили от расследования тяжкого убийства причем за

некомпетентность! Дело раскрыла я!

– Я не имею возможности влиять на решения Оукли.

– Но вы же знали, что готовится повышение по службе, так? И вы специально отстранили меня от расследования дела. Отослали с глаз долой, водили за нос, сделали так, что всю грязную работу пришлось выполнять мне!

Тут Марш не выдержал.

– Эрика, знаешь, какое раздражение вызывает твой стиль работы?

– Не надо называть меня Эрикой, мы с вами не друзья-приятели, я – сотрудник полиции...

– И вы были отличным сотрудником полиции, Эрика, просто великолепным когда-то. Но вы по-прежнему позволяете себе действовать в нарушение приказов, правил... Да вы...

– Что я?

Марш молча посмотрел на нее.

– Вы считаете, что у вас потрясающее чутье. А это просто везенье и дурь. Вы действуете по собственной инициативе, никто вам не указ. В полиции вы так долго не протянете. И поэтому вы по-прежнему старший инспектор Фостер. В свете последних событий – неподчинения, отказа уйти в отпуск, несмотря на мое прямое распоряжение, – я не мог рекомендовать вас на повышение.

Эрика посмотрела на него долгим, тяжелым взглядом.

– Под началом суперинтенданта Спаркса работать я не стану. Завтра утром мой рапорт о переводе в другое отделение будет у вас на столе.

– Пойдите... как о переводе? Эрика! – воскликнул Марш, но она развернулась, вышла из кабинета и по коридорам направилась к выходу из отделения полиции Луишем-Роу.

Эпилог

На улице было тепло и солнечно. Эрика вышла из машины, сняла солнцезащитные очки и посмотрела на калитку в огромных воротах тюрьмы Белмарш, размещавшейся в здании викторианской эпохи.

Она оперлась на крышу автомобиля и посмотрела на часы: 11.12. Он задерживался.

Через минуту калитка со скрипом открылась. Из нее вышел Айзек и осмотрелся, привыкая к новой обстановке: безоблачное синее небо, тишина, Эрика.

В одной руке он держал бумажный пакет, через другую руку был перекинут пиджак. Айзек ступил из ворот на улицу и двинулся к Эрике. Они обнялись и долго не разнимали объятий, молча, без слов.

– Все обвинения сняли, – сообщила Эрика, с улыбкой глядя на него. – Я же говорила.

– Да нет, не говорила, – хмуро ответил он. – А что так долго?

– Это из-за экспертов-криминалистов. Знаешь ведь, как работают твои коллеги. Пока все проверяют, перепроверяют. Симона Мэтьюз во всем созналась, но им нужно было точно установить, что ДНК, обнаруженная на месте убийства Джека Харта, принадлежит ей. Мосс и Питерсон держали меня в курсе событий.

– Мне все кажется, сейчас кто-нибудь выйдет и скажет, что произошла ужасная ошибка и я... – Айзек закрыл ладонью лицо.

– Все кончено. Ты не виновен. И твоя лицензия на медицинскую практику по-прежнему действительна.

Айзек немного постоял, вдыхая свежий воздух, затем открыл дверцу и залез в машину. Эрика обошла автомобиль и уселась за руль.

– А почему ты сказала, что Мосс и Питерсон держали тебя в курсе событий? – спросил Айзек. – Ты же вроде раскрыла эти преступления?

– Раскрыла. Это долго рассказывать. Если коротко, я подала рапорт о переводе в другое отделение. А сейчас я в отпуске.

– Рапорт о переводе? Куда?

– Пока не знаю. Марш пытается меня отговорить. Поэтому я в отпуске... Впервые за несколько лет, – ответила Эрика. – Хочу немного притормозить, осмотреться. Попытаюсь понять, что такое жизнь нормального человека.

– Поделись, когда поймешь, – кисло промолвил Айзек.

Дальше они ехали молча. Айзек откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. Вскоре он заметил, что они катят по главной улице района Шерли.

– Зачем мы здесь? – спросил он.

Эрика припарковала автомобиль на свободном месте неподалеку от дома Пенни Манро. В палисаднике они увидели бледную, осунувшуюся, Пенни; рядом Питер поливал из шланга клумбу. Он заткнул пальцем шланг и обдал себя и мать сильной струей воды, хохоча от радости и удовольствия.

– Чудесный мальчик, – промолвила Эрика. – Как думаешь, он сможет стать хорошим человеком?

– Вообще-то этого никто не знает, – ответил Айзек. – Но надо верить в то, что добро победит.

– Совсем еще малыш, а уже потерял отца, теперь и дядю, о котором лучше не вспоминать.

Айзек накрыл ее руку своей ладонью.

– Эрика, весь мир спасти невозможно.

– Но ведь нужно пытаться, – ответила она, смахивая слезу.

– Ты спасла меня, – отозвался Айзек. – И за это я буду тебе вечно благодарен.

Они несколько минут молча наблюдали, как Питер гоняется по палисаднику за Пенни, пытаясь облить ее из шланга. Наконец она расхохоталась, крепко обняла сына и стала осыпать его поцелуями.

– Какие у тебя планы? – поинтересовался Айзек.

– У сестры недавно ребенок родился. Так что у меня теперь еще одна племянница.

– Поздравляю. Это которая в Словакии?

– Да. Она назвала ее в честь меня и нашей мамы. Хочу съездить к ним.

– Всегда хотел побывать в Словакии, – заметил Айзек.

– Поехали со мной. Познакомишься с моей чокнутой сестрицей и ее мужем-бандитом. Погостим немного, пока не надоест, а потом махнем в Высокие Татры. Там есть горячие источники, напьемся в стельку и на время забудем обо всем.

– Просто райский вариант, – с усмешкой отозвался Айзек.

Эрика тронулась с места, и они покатали прочь, не думая ни о прошлом, ни о будущем. А просто наслаждаясь настоящим.

К читателю

В первую очередь огромное спасибо вам за то, что вы прочли мой роман «Ночной Охотник». Если он вам понравился, напишите отзыв, я буду очень благодарен. Пусть небольшой, всего несколько слов, он сыграет важную роль и будет способствовать тому, чтобы другие читатели тоже открыли для себя одну из моих книг.

В конце моего предыдущего романа об Эрике Фостер, «Девушка во льду», я написал, что хотел бы услышать ваши отклики. Спасибо всем за ваши прекрасные отзывы. Я рад был каждому письму, рад, что вам понравились мои персонажи, сюжет книги, благодарен за ваши советы о том, каким вы видите дальнейшее развитие этой серии романов. Особенно хочу отметить очень смешной отзыв одной дамы: она написала, что ей очень понравился роман, но не нравится, что Эрика курит и тушит окурки в чайной чашке! В новом романе я постарался сделать так, чтобы Эрика по возможности пользовалась пепельницей. Жду дальнейших отзывов и советов и заранее всех благодарю.

Вы можете связаться со мной, написав на мою страничку в *Facebook*, а также через интернет-портал *Goodreads* или на мой личный сайт *www.robertbryndza.com*. Я читаю все сообщения и непременно отвечу вам. Я намерен издать еще много книг и надеюсь, что вы составите мне компанию в этом путешествии!

Роберт Брындза

P.S. Если хотите, чтобы вам на электронную почту пришло уведомление о выходе в свет моей новой книги, подпишитесь на мою рассылку, воспользовавшись приведенной ниже электронной ссылкой. Конфиденциальность адреса вашей электронной почты гарантирована, и вы в любой момент можете аннулировать свою подписку.

www.bookouture.com/robert-bryndza

@robertbryndza

bryndzarobert

www.robertbryndza.com

От автора

Я благодарю Оливера Роудза и замечательную команду издательства *Bookouture*. Вы – потрясающие ребята, и я счастлив, что мне выпала возможность работать с вами. Моя особая благодарность Клэр Бонд. Работать с вами – истинное удовольствие. Вы выделяете самое лучшее в моих произведениях, заставляете меня работать со всей отдачей. А кроме того, что тоже немаловажно, вы всегда рекомендуете самые лучшие телевизионные передачи!

Спасибо Генри Стедману за великолепную обложку и Габриэль Чант – за аккуратную и тщательную редактуру рукописи. Благодарю Кэролайн Митчелл за ответы на вопросы о работе полиции, а также Ким Нэш за рекламу и популяризацию наших книг в издательстве *Bookouture*.

Особая благодарность Грэму Бартлетту, старшему суперинтенданту в отставке, ныне работающему в фирме *South Downs Leadership and Management Services Ltd.*, которая занимается оказанием услуг по организации руководства и управления. Он давал бесценные советы по работе полиции, что позволило мне описать события в книге как можно достовернее.

Я благодарю свою свекровь Вьерку. Она не смогла прочесть мои слова благодарности к первой книге, поэтому пишу специально для нее по-словацки: «*Mojej svokre Vierke, ktorá má talent vystihnúť tie najdôležitejšie chvíle. Keď ide písanie ťažko a pracujem do neskorých nočných hodín, zjaví sa pri dverách s úžasným domácim jedlom a láskou, čo ma vždy dokonale povzbudí*».

(Благодарю мою свекровь Вьерку за ее талант почувствовать самый важный момент: когда работа над книгой идет со скрипом, когда приходится сидеть до глубокой ночи, она всегда появляется у двери моей комнаты со вкусной горячей пищей, даря меня своей любовью, что неизменно меня воодушевляет).

Огромное спасибо моему Яну. Без его любви и поддержки я ничего не смог бы написать. Ты – лучший! Команда Брындза сильнее всех!

И наконец, я хочу выразить признательность всем своим чудесным читателям, читательским клубам и блогерам. Я всегда это подчеркиваю, но это – истинная правда: отзывы живых людей – большое дело. Без вашей непростой работы, без вашей страсти, без обсуждения моих книг, в том числе и в блогах, у меня было бы гораздо меньше читателей.

notes

Примечания

У. Шекспир. «Макбет». Акт III, сцена 2. Перевод М. Лозинского. –
Здесь и далее примеч. пер.

«Край надежды и славы» (*Land of Hope and Glory*) – название и первая строка английской патриотической песни композитора Э. Элгара на слова Ф. Бенсона. Исполняется в торжественных случаях.

П р о б а ц и я – вид уголовного наказания в Великобритании и США, которое заключается в наложении определенных ограничений на осуществление осужденным своих прав и свобод и назначении специального надзора за его поведением. Пробация служит альтернативой лишению свободы и, как правило, назначается за совершение незначительных по степени тяжести преступлений. В России функцию probation выполняет условное осуждение.

Сотрудник по связям с родными – в британской полиции специально обученный сотрудник, через которого происходит всякое взаимодействие следственной группы с семьей потерпевшего в особо тяжелых случаях при расследовании убийств и похищений. Полиция Лондона также прибегает к помощи этих людей в случае терактов и стихийных бедствий.

В Великобритании по закону тот, кто претендует на получение пособия по безработице, обязан работать менее 16 часов в неделю. Это одно из условий. Другие: возраст соискателя – старше 18 лет и младше пенсионного возраста; соискатель не обучается по полной образовательной программе; соискатель проживает в Англии, Шотландии или Уэльсе.

«Грайндр» (*Grindr*) – приложение, обеспечивающее доступ к геосоциальной сети для геев и бисексуальных мужчин.

Alphaville – немецкая синтипоп-группа, имевшая большую популярность в середине 1980-х гг. Образовалась в 1982 г. Группа получила мировую известность благодаря двум хитам – *Big in Japan* и *Forever Young*, вышедшим в 1984 г.

Премия «Кинжал» (*Dagger Award*) – премия британской Ассоциации писателей-криминалистов, основанной в 1953 г. Джоном Криси.

На диалекте кокни *syrup of figs* (инжирный сироп, сироп из фиг, который также употребляется в качестве слабительного) рифмуется со словом *wig* и означает «парик».

* «Жители Ист-Энда» (*East Enders*) – британский популярный телесериал о повседневной жизни простых обитателей вымышленного округа Уолфорд в Ист-Энде (восточной части Лондона). Выходит с 1985 г.

Генеральный медицинский совет (*General Medical Council*) – в Великобритании государственный орган, который ведет реестр дипломов, выдает разрешение на врачебную практику и контролирует соблюдение врачебной этики. Учрежден в 1858 г.

«Ты мигай, звезда ночная» – детский стишок-песенка сестер-поэтесс XIX в. Энн и Джейн Тейлор. Пользовался такой популярностью, что перешел в устное бытование как анонимный. Начинается словами: *Twinkle, twinkle, little star; How I wonder what you are! Up above the world so high Like a diamond in the sky.* («Ты мигай, звезда ночная!/Где ты, кто ты – я не знаю./Высоко ты надо мной,/Как алмаз во тьме ночной». – Пер. О. Седаковой).

Ай-ти-ви (ITV) – независимое телевидение. Одна из лидирующих телевизионных корпораций Великобритании. Основана в 1955 г. Получает доходы от демонстрации рекламы промышленных и торговых компаний; абонентной платы с телезрителей не взимает.

Sky News – британский круглосуточный информационный телеканал. Начал вещание в 1989 г. Входит в группу каналов компании *BSkyB* (*British Sky Broadcasting*).

* *The Jeremy Kyle Show* – провокационная программа британского телевидения в формате таблоидного ток-шоу. Транслируется на канале ITV с июля 2005 г. В передаче затрагиваются такие темы, как семейные конфликты, любовные драмы, выяснение отношений, секс, наркотики, алкоголь. Ведущий – Джереми Кайл (род. в 1965 г.).

The Jerry Springer Show – амер. телепередача в формате таблоидного ток-шоу производства телекомпании NBC. Выходит с сентября 1991 г. Ведущий – бывший амер. политик Джерри Спрингер (род. в 1944 г.). В передаче обсуждаются такие темы, как супружеская измена, гомосексуальность, трансгендерность, различные сексуальные девиации, психические расстройства и т. п. Гости часто устраивают потасовки прямо в студии, используется ненормативная лексика.

Флит-стрит (*Fleet Street*) – улица в Лондоне, на которой до 1990 г. находились редакции большинства крупнейших газет.

Чарлтон Хестон (1923–2008) – культовый амер. актер, лауреат премии «Оскар» (1960). Наиболее известен по фильмам «Бен-Гур», «Планета обезьян», «Печать зла», «Десять заповедей». Семь раз избирался президентом Гильдии киноактеров, долгие годы возглавлял Национальную стрелковую ассоциацию – влиятельное амер. лобби, защищающее право населения на стрелковое оружие.

«Оружие у меня отберут только через мой труп» – знаменитая фраза Ч. Хестона, которую он произнес на съезде Национальной стрелковой ассоциации (НСА) в мае 2000 г., обращаясь к кандидату в президенты Элу Гору. Этой фразой он завершал каждое заседание НСА, на котором председательствовал.

День отца – в Великобритании отмечается в 3-е воскресенье июня. По традиции в этот день дети делают подарки отцам.

ITN (Independent Television News) – агентство, поставляющее видеоматериалы о событиях дня во все телевизионные компании Управления независимого вещания (*Independent Broadcasting Authority*).

Плоский Стэнли (*Flat Stanley*) – герой одноименной детской книги (1964) амер. писателя Джеффа Брауна (1926–2003). Это история про мальчика, на которого упала доска. Она расплющила его и сделала плоским. Стэнли выжил, и с тех пор его жизнь изменилась. У него появились необычные возможности. Он мог проникать в закрытые помещения, проскальзывая в щель под дверь, мог прикинуться воздушным змеем или картиной на стене. Но главное – он стал путешествовать, посылая самого себя в конверте друзьям.

* *Marmite* – пряная пищевая паста, изготовленная из концентрированных пивных дрожжей с добавлением витаминов, трав и специй. «Мармайт» – символ Великобритании наряду с овсянкой и чаепитием. Классический вид – дегтеобразная густая паста. Имеет специфический вкус и запах. Его едят, намазывая тонким слоем на хлеб, тосты или крекеры. Относится к категории продуктов, которые либо безусловно любят, либо ненавидят. *You love it or hate it* – слоган рекламной кампании «Мармайта», который остается неизменным не один десяток лет.

The Sun – ежедневная газета бульварного толка. Основана в 1963 г.

***Daily Mirror* – ежедневная малоформатная газета, рассчитанная на массового читателя. Публикует много развлекательных и рекламных материалов. Основана в 1903 г.

***Daily Express* – британский ежедневный таблоид. Основан в 1900 г.

***News of the World* – воскресная газета бульварного типа, часто публикует сенсационные материалы неполитического характера. Основана в 1843 г.

«Горящий человек» (*Burning Man*) – в США восьмидневный фестиваль современного искусства, который проводится в пустыне Блэк-Рок (штат Невада) в конце лета. Кульминацией является сожжение огромной деревянной статуи человека.

«Внимание, розыск!» (*Crimewatch*) – программа Би-би-си, в которой излагаются подробности нераскрытых преступлений и просьбы к телезрителям сообщать любую информацию, которая поможет в их расследовании. Выходит с 1984 г.

«Крейгслист» (англ. *Craigslist* – букв. «Каталог Крейга», по имени основателя Крейга Ньюмарка) – сайт электронных объявлений. Создан в США в 1995 г.

Дело из романа «Девушка во льду».

«Улица Коронации» (*Coronation Street*) – популярный англ. телесериал о повседневной жизни нескольких семей, живущих на одной улице в городке на севере Англии. На экранах с 1960 г.

Игра в боулз (игра в шары) – традиционная английская спортивная игра, популярная в странах Британского содружества. Цель игры – подкатить асимметричные шары как можно ближе к небольшому белому шару, который называется «Джек» (*Jack*) или «Китти» (*Kitty*).

Сотрудники общественной поддержки полиции (*Community Support Officers – PCSO*) – гражданские (не приведенные к присяге) сотрудники полиции во всех 43 управлениях полиции в Англии и Уэльсе. Имеют ограниченные полномочия в сравнении с кадровыми сотрудниками полиции. Впервые появились в 2002 г. Службу несут в форменной одежде, но их форма, согласно требованиям, должна отличаться от формы офицеров полиции. В обязанности входит патрулирование, предотвращение антисоциальных проявлений и мелких правонарушений, мониторинг криминогенной обстановки, поддержка полицейских патрулей.

Ann Summers – крупнейшая британская компания-ритейлер по производству нижнего белья и секс-игрушек.

Стихотворение американки Мэри Элизабет Фрай (1905–2004).

Ahoj zlatko! (слов.) – Привет, золотце!

«Очень голодная гусеница» (*The Very Hungry Caterpillar*) – детская книжка с картинками амер. писателя Эрика Карла. Вышла в 1969 г., затем многократно переиздавалась. Это история гусеницы перед ее превращением в бабочку. Книга издается на картонных листах, ее особенность – наличие дырок в картоне («проеденных» гусеницей).

«Щегол» (*The Goldfinch*) – третий роман амер. писательницы Донны Тартт (род. в 1963 г.), опубликованный в 2013 г.

«Панч и Джуди» – традиционное уличное представление, где главные действующие лица – горбун Панч с крючковатым носом (воплощение оптимизма) и Джуди, его жена, неряшливая и нескладная. Представление дается в шатре из полосатой ткани, часто на приморском курорте.

Фамилия Харт (*Hart*) созвучна с английским словом *heart* (сердце).

Children in Need – ежегодная телевизионная программа британского телевидения, призывающая жертвовать в фонд помощи детям слаборазвитых и др. стран мира. Длится несколько часов и включает эстрадные номера. Передается Би-би-си-1 с 1980 г.